

ЕЖЕГОДНИК ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

**ЕЖЕГОДНИК
ПО АГРАРНОЙ
ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ**

2021 ГОД

Russian Academy of Sciences
Department of Historical and Philological Sciences
Scientific Council on the Fundamental Problems
of Russian and Foreign HistorySection
for the Problems of Agrarian History
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences
Lipetsk State Pedagogical University
named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky

**THE AGRARIAN HISTORY OF
EASTERN EUROPE YEARBOOK
2021**

Peasants, state and agrarian reforms in Russia

Lipetsk
2023

Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук
Научный совет РАН по фундаментальным вопросам
российской и зарубежной истории
Секция по проблемам аграрной истории
Институт российской истории РАН
Институт славяноведения РАН
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

**ЕЖЕГОДНИК
ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ 2021 ГОД**

**Крестьяне, государство
и аграрные преобразования в России**

Липецк
2023

УДК 94(4):338.43.02

ББК 63.3

Е 36

Издание основано в 1959 г. и восстановлено под прежним названием в 2012 г.

Е 36 **Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2021 год:** Крестьяне, государство и аграрные преобразования в России. Секция по проблемам аграрной истории Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории / Отв. ред. А.А. Горский, В.В. Кондрашин. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. – 224 с.

ISSN 2305-5057

В очередном томе «Ежегодника по аграрной истории Восточной Европы» представлены исследования участников XXXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, состоявшейся в Липецке 20–23 сентября 2022 г. Сессия была посвящена теме «Государственная власть и крестьянство». Вошедшие в том статьи охватывают значительный хронологический период с XI по XX столетие.

УДК 94(4):338.43.02

ББК 63.3

Е 36

Редакционная коллегия:

О.В. Горбачев, А.А. Горский (ответственный редактор), В.А. Ильиных, М.Д. Карпачев,
В.В. Кондрашин (ответственный редактор), Л.Н. Мазур,
В.Н. Никулин, В.Д. Назаров, Н.В. Соколова (ответственный секретарь),
В.Н. Томилин, Д.А. Хитров, Е.Н. Швейковская

Рецензенты:

В.А. Аракчеев, д-р. и. наук, директор Российского государственного архива древних актов
Д.А. Черненко, канд. и. наук, доцент исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ISSN 2305-5057

© Секция по проблемам аграрной истории
Научного совета РАН по фундаментальным вопросам
русской и зарубежной истории, 2023

Содержание

Предисловие.....	7
<i>М.Б. Свердлов</i>	
Государственная власть и крестьянство на Руси XI–XII вв	8
<i>Д.А. Ляпин</i>	
Крестьянство и военно-служилое население Белгородской черты во второй половине XVII в.: специфика социальных отношений	11
<i>Ю.Н. Смирнов</i>	
Крестьянство и военно-служилое население в Ставропольско-Самарском районе восстания 1773–1775 гг	15
<i>Л.М. Артамонова</i>	
Вопрос о суде в наказах государственных крестьян Поволжья в Уложенную комиссию Екатерины II	27
<i>М.И. Роднов</i>	
Торгово-промышленная деятельность крестьянства в Уфе (1860 – 1870-е гг.)	35
<i>В.Н. Никулин</i>	
Местные власти, крестьяне и мировые посредники в северо-западных губерниях России (1861–1874 гг.)	44
<i>Н.П. Никитина, Д.П. Григорьев</i>	
«А посему... вышеизложенному... честь имею донести...» Роль крестьянского волостного правления в сборе статистической информации (вторая половина XIX – начало XX в.)	59
<i>Г.А. Николаев</i>	
Некоторые штрихи к эволюции крестьянских общин Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в.: этноконфессиональный аспект	70
<i>Т.Н. Сидоренко</i>	
Взаимодействие местной администрации и кооперативных организаций на Кубани в начале XX в.	79
<i>М.Д. Карпачев</i>	
Феномен крестьянского консерватизма и аграрные реформы в России в начале XX в	87
<i>М.В. Оськин</i>	
Общинный мир российской деревни в годы Первой мировой войны: в преддверии 1917 года	102
<i>Т.А. Савинова</i>	
Статистическая составляющая аграрной реформы 1917 года.....	113
<i>Э.В. Гатилов</i>	
Аграрное реформирование липецкой деревни в 1917–1920 гг. и его региональные особенности	120

<i>В.А. Ильиных</i>	
Аграрная политика советского государства в конце 1920-х гг.: свертывание нэпа.....	131
<i>А.В. Берлов</i>	
Развитие сельского хозяйства в Советской России в трудах ученых-аграрников русской эмиграции 1920–1930-х гг.....	141
<i>С.В. Шаранов</i>	
Дисбалансы аграрной политики государства накануне и в годы Великой Отечественной войны на примере Новосибирской области	152
<i>Г.В. Уваров</i>	
Советское влияние на аграрную политику польского руководства в 1944–1949 гг.	163
<i>П.П. Полх</i>	
Формирование управленческой инфраструктуры сельского хозяйства Калининградской области в начальный период ее заселения (1945–1955 гг.).....	172
<i>С.Н. Андреенков</i>	
Политика «расширения» колхозного самоуправления в середине 1950-х–первой половине 1960-х гг	182
<i>В.Н. Томилин</i>	
Аграрная реформа 1958 г. в СССР: цена и последствия.....	191
<i>А.И. Шевельков</i>	
Аграрные преобразования в нечерноземной зоне РСФСР во второй половине 1960-х гг.: планы и итоги	206
Summary.....	215

Contents

Introduction.....	7
<i>M.B. Sverdlov</i>	
State power and the peasantry in Russia of the XI–XII centuries	8
<i>D.A. Lyapin</i>	
The peasantry and the military population of the Belgorod Line in the second half of the 17th century: specifics of social relations.....	11
<i>Yu.N. Smirnov</i>	
The peasantry and the military population in the Stavropol-Samara region during the uprising of 1773–1775.....	15
<i>L.M. Artamonova</i>	
The question of the judiciary in the orders for the state peasants’ deputies of the Volga region in the Code commission of Catherine II	27
<i>M.I. Rodnov</i>	
Commercial and industrial activities of the peasantry in Ufa (1860s–1870s)	35
<i>V.N. Nikulin</i>	
Local authorities, peasants and conciliators in the northwest provinces of Russia (1861–1914)	44
<i>N.P. Nikitina, D.P. Grigoriev</i>	
“And therefore ... to the above ... have the honor to convey” The role of the peasant volost administration in the collection of statistical information (second half of the 19th – early 20th centuries).....	59
<i>G.A. Nikolaev</i>	
On the evolution of the peasant communities of the Middle Volga region in the second half of the XIX – early XX centuries: ethno-confessional aspect.....	70
<i>T.N. Sidorenko</i>	
Interaction between local administration and cooperative organizations in the Kuban at the beginning of the 20th century	79
<i>M.D. Karpachev</i>	
The phenomenon of peasant conservatism and agrarian reforms in Russia at the beginning of the XX century.....	87
<i>M.V. Os`kin</i>	
The communal organization of the Russian peasants during the First World War: on the eve of 1917	102
<i>T.A. Savinova</i>	
Statistical component of the agrarian reform of 1917	113
<i>E.V. Gatilov</i>	
Agrarian reform of the Lipetsk region in 1917–1920 and its regional features	120

<i>V.A. Il'inykh</i>	
Agrarian policy of Soviet state in the late 1920s: collapse of NEP	131
<i>A.V. Berlov</i>	
Agricultural development in Soviet Russia in the works of agricultural scientists of the Russian emigration of the 1920s–1930s.....	141
<i>S.V. Sharapov</i>	
Imbalances of state agrarian policy on the eve and during the Great Patriotic War in Novosibirsk region	152
<i>G.V. Uvarov</i>	
Soviet influence on the agrarian policy of the Polish leadership in 1944–1949.....	163
<i>P.P. Polkh</i>	
Formation of the agricultural management infrastructure of the Kaliningrad region in the initial period of its settlement (1945–1955).....	172
<i>S.N. Andreenkov</i>	
The policy of "expansion" of collective farm self-government in the mid-1950s and the first half of the 1960s	182
<i>V.N. Tomilin</i>	
The agrarian reform of 1958 in the USSR: Price and consequences	191
<i>A.I. Shevelkov</i>	
Agrarian transformations in the Non-Chernozem Zone of RSFSR in the second half of the 1960s: plans and results	206
Summary.....	215

ПРЕДИСЛОВИЕ

В очередной том «Ежегодника по аграрной истории Восточной Европы» входит часть материалов XXXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, состоявшейся в Липецке 20–23 сентября 2022 г. Сессия была посвящена теме «Государственная власть и крестьянство». Организаторами конференции выступили Секция по проблемам аграрной истории Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории, Институт российской истории РАН, Институт славяноведения РАН и Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского. Вошедшие в том статьи охватывают хронологический период с XI по XX столетие.

Эпоха XI–XVIII вв. представлена в томе работами об отношениях государственной власти и служилых сословий с крестьянством в XI–XII и XVII–XVIII вв., о наказах государственных крестьян в Уложенную комиссию Екатерины II. В том включены тезисы доклада бессменного участника Симпозиумов по аграрной истории с 1970-х гг. Михаила Борисовича Свердлова, ушедшего из жизни в апреле 2022 г.

В статьях по XIX – началу XX в. рассмотрены вопросы о торгово-промышленной деятельности крестьян, их отношениях с местными властями, о крестьянском общинном мире (в том числе накануне и в годы Первой мировой войны). Одна из работ посвящена отношению крестьян к аграрным реформам начала XX столетия.

Политики государства по реформированию деревни касается и ряд статей, посвященных периоду с 1917 г. В них освещается как период политики «военного коммунизма», так и НЭПа 1920-х гг. Статьи по советскому периоду затрагивают также вопросы аграрной политики накануне и в годы Великой Отечественной войны, государственного управления сельским хозяйством в послевоенный период. Специально рассмотрены аграрная реформа 1958 г. и преобразования в нечерноземной зоне 1960-х гг.

Редколлегия

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И КРЕСТЬЯНСТВО НА РУСИ XI–XII ВВ.

В статье разбирается вопрос о правовом положении сельского населения и его отношениях с княжеской властью в XI–XII вв.

Ключевые слова: Русская Правда; смерды; холопы; закупы

Исследования археологов свидетельствуют о том, что у восточных славян IX–X вв., в эпоху железного века, вследствие широкого распространения развитых типов орудий труда из железа, плуга с железным наральником, малая и неразделенная семья могла себя прокормить, патриархальные большие семьи распались. Сформировались соседские общины. Поселения состояли из домов размерами 10–20 кв. м. Славяне расселились на обширных пространствах Восточной Европы, интегрируя финно-угорские и балтские племена или находясь с ними мирных отношениях (см. работы И.И. Ляпушкина, В.В. Седова и другие). По нашему мнению, предгосударственные образования восточных славян стали племенными княжениями на переходной стадии от племени к государству (см. работы В.В. Мавродина, И.П. Шаскольского, В.Д. Королюка, М.Б. Свердлова и другие). Как следует из текста Повести временных лет (ПВЛ), в потестарном Русском государстве второй половины VIII – первой половины X в. существовало податное обложение от дыма–дома – хозяйства малой семьи, *подымное* – государственный налог, распространенный в европейских странах и Византии. Вероятно, во второй половине X в. был введен налог на пашню. Государственной повинностью земледельцев стал *повоз* – перевозки по дорогам и рекам. Формой прямого княжеского управления стало *полюдье*, во время которого с земледельческого населения взимались также древние по происхождению подати *дар* и *корм*.

Уровень социально-экономического и политического развития Руси как потестарного государства был достаточным, чтобы князья Олег и Игорь смогли совершить в 907 и 944 гг. успешные походы против Византийской империи с

¹ Свердлов Михаил Борисович (1939–2022), доктор исторических наук, участник Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.

помощью ополчений племенных княжений. Юридические отношения регулировались Правдой Русской, нормативное содержание которой составляли восточнославянские правовые нормы. Социально-экономическая дифференциация его населения и межличностные отношения достигли такого уровня, что на Руси распространялось христианство со свойственными ему идеями нравственности и справедливости. Принятие христианства в качестве государственной религии стало религиозно-идеологическим утверждением этих принципов, а также сакральности княжеской власти. Социально-экономические процессы, государство как социально-политическая структура, регулирующая социальные и межличностные отношения посредством правовых норм, структура православной Церкви в последней четверти X – первой половине XI в. интегрировали обширное пространство Русского государства и его население.

В многообразии мнений, характеризующих социальный статус земледельческого населения на Руси XI–XII вв., наиболее обоснованным является вывод о том, что это население называлось *смердами*. Они – социальные преемники простого свободного восточнославянского населения – составляли часть новгородского войска, которое помогло новгородскому князю Ярославу Владимировичу в 1016 г. победить двоюродного брата Святополка Ярополковича и стать князем киевским. Ярослав заплатил за участие в победе старостам и новгородцам по 10 гривен, а смердам только погривне. Социальный статус смердов как земледельцев, владеющих собственным хозяйством, определяется обсуждением времени предстоящего похода на половцев в 1103 г. на княжеском съезде в Долобске. Владимир Мономах предложил совершить его весной, упреждая нападение половцев. Святополк Изяславич не согласился, поскольку погибнет смерд и его пашня.

Но Владимир возразил: тогда нападет половчанин, убьет смерда, в его селе захватит жену, детей и всё, чем он владеет. Смердов и холопов русские князья захватывали друг у друга, поскольку была необходима в их княжествах рабочая сила.

За убийство свободного смерда (славянина) следовала судебная вира 40 гривен. Если он попадал в состав господского хозяйства, то за его убийство

следовал судебный штраф как за холопа – 5 гривен (Краткая Правда Русская, ст. 1, 26; ее текст датируется первой половиной XI в.). Как следует из ст. 78 Пространной Правды Русской (ППР, она датируется, вероятно, второй половиной 1110-х – 1120-ми гг.), смердов нельзя мучить без княжеского повеления. Согласно ст. 90, выморочное имущество смерда отходит князю, замужним дочерям части наследства не полагалось.

Первым упреком новгородцев, которые в 1136 г. восстали против своего князя Всеволода Мстиславича, стало «не блюдет смердь». Социальное и правовое содержание этого обвинения раскрыл Владимир Мономах, который умиротворял русских людей после несправедного княжения Святополка Изяславича. Как написал Мономах в своем Поучении (около 1117 г.), перефразируя евангельское изречение, «худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не даль есмь сильным обидѣти». То есть, люди знатные и богатые притесняли обедневших смердов.

Свободные земледельцы Новгородской земли продолжали называться смердами. На землях, входивших в зону активного воздействия Золотой Орды, они стали именоваться с XIV в. *крестьяне* (от *христиане*) как следствие религиозной самоидентификации (С.М. Каштанов).

Вероятно, во второй половине XI в. появилась категория зависимых от господина земледельцев – закупы. Обедневшие люди брали денежную или натуральную подмогу – *купу*, которую должны были вернуть или отработать с процентами. ППР защищала личность закупа, его ограниченные права лично свободного человека и имущество (ППР, ст. 56, 58–62). Законом предписывалось превращение закупа в полные холопы в случае его тайного бегства от господина. Устанавливалось также, что если во время пашни на господина закуп погубит своего коня, то господин за этого коня не платит, но если закуп испортит данные ему господином плуг или борону, то за такие орудия труда закуп должен был платить. Господин мог бить закупа «за дело» (ППР, ст. 56, 57, 62).

Князь, в котором персонифицировалось государство, мог исполнять нормы закона, а мог нарушать права свободных и зависимых крестьян.

© Свердлов М.Б., 2023

КРЕСТЬЯНСТВО И ВОЕННО-СЛУЖИЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.: СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ²

Автор рассматривает особенности отношений крестьянина и помещика на примере исторического региона Белгородской черты. Делаются выводы о том, что эти отношения не являлись однозначными и строились в контексте всеобщего служения московскому самодержцу.

Ключевые слова: Крестьянство; помещик; Белгородская черта; царь.

История заселения крестьянами южной окраины России в XVII в. (исторической территории Белгородской черты) относится к числу наиболее сложных проблем русской истории этого времени. Это связано со слабой разработанностью темы, малой исследованностью ряда ключевых для данной территории вопросов, связанных и с историей хозяйственного освоения земель, и с записью крестьян в служилые люди, а также с проблемами военной и социальной истории края. На эти вопросы нам уже приходилось обращать внимание [2; 3].

Главным военно-служилым элементом южной окраины являлись дети боярские – служилые землевладельцы, имеющие право на владение большими участками земли и работных людей. Прежде всего, сохранившиеся документы отразили отношения их со своими крестьянами, после бегства последних. Этот комплекс документов обычно называется «дела о крестьянстве». Жалуясь в Москву на бегство своих земледельцев, помещики указывали, что крестьянин бежал не просто с их земли, а «из твоего государя жалования, из моего поместья»³. Тем самым служилый человек подчеркивал, что поместье (царское пожалование за службу) предполагало не только наличие земли, но и работников. Помещик всегда подчеркивал, что имеет право на крестьянина, так как государь пожаловал ему земельный участок. По целому ряду причин крестьян в южных уездах почти все время катастрофически не хватало, но помещики помнили, что их долг – военная служба, а не распашка земель. За успехи на воен-

¹ Ляпин Денис Александрович, доктор исторических наук, ФГБОУ ВО Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, lyapin-denis@yandex.ru, Россия, г. Елец.

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 16. Л. 15, 66, 100, 220, 236.

ной службе любой помещик мог заработать прибавку к своему реальному земельному владению и увеличить размер оклада.

Приведем один пример. В 1650 г. помещику села Паниковец Елецкого уезда Лукьяну Родионову «государь пожаловал» прибавку к земельному владению¹. Права на новые земли закрепляла данная «ввозная грамота». Данный документ содержит обращение к крестьянам: «И вы б все крестьяне которые в том поместье живут и учнут жити, Лукьяна Гаврилова сына Родионова во всем слушать, пашни на него пахать и доход его помещиков платить»². В тексте этой грамоты как бы от имени самого царя звучит приказ крестьянам слушать во всем своего помещика, пахать его землю и выплачивать положенные средства³.

В делопроизводственных документах XVII в. часто встречаются жалобы крестьян на помещиков, крестьянин выступал свидетелем в суде, являясь лицом лично независимым. Эти материалы свидетельствуют о том, что «бунташный век» не был временем жестокого угнетения сельских тружеников. Особенно это было очевидно для окраинных регионов, где их было мало. С.А. Нефедов справедливо назвал XVII в. «золотым веком» русского крестьянства (особенно в сравнении с последующим временем), учитывая в равной мере как экономическое положение, так и их правовой статус этой социальной группы населения [4, с. 17-29].

Приведем один пример на эту тему. В воронежской деревне Пекишевой в 1678 г. местный помещик оказался недоволен тем, что его крестьянин засиделся в гостях допоздна, отмечая праздник Покрова Богородицы. Он обругал и даже побил его. В своей жалобе крестьянин утверждал, что весь вечер с товарищами пел молитвенные гимны и подал на помещика в суд, утверждая, что тот побил его напрасно, отнял зипун, два рубля и угрожал побить еще раз⁴. Весьма показательно, что крестьянин подает в суд и требует компенсацию не только за побои, зипун и деньги, но и за угрозы в свой адрес.

Рассуждая об отношениях помещиков и крестьян, важно помнить, что в

¹ ГАОО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 594. Л. 210.

² Там же.

³ Такое же требование в другой грамоте 1682 г. См.: [1].

⁴ ГАВО. Ф. И-182. Оп. 3. Д. 471. Л. 6.

представлении населения XVII в. вся земля в Российском государстве принадлежала царю и все его подданные были обязаны соблюдать интересы своего государя. Помещик нес военную службу и за «кровь и раны» получал от царя земельное владение. Часто воеводы после сражения с татарами составляли списки служилых людей, указывая в них, кто и как сражался с неприятелем. Возле имен участников сражения они ставили пометы «Государю служил, бился явственно», а иногда к этому добавлялось: «ранен в плечо», «да по нем четыре раны сабельных» или «убил мужика». Эти списки отсылались в Москву, и на их основании власти разрешали увеличивать размер земельного владения и жалования. Воинская доблесть и риск жизнью были обязанностью землевладельца, а крестьянин, в свою очередь, должен был честно работать на служилого человека.

Бегство крестьян не было протестом против таких отношений, напротив, оно вполне вписывалось в их общий контекст, ведь беглец хотел только поменять помещика или род занятия. В его побеге не было вызова сложившейся системе, а действовал только частный интерес, поиски лучшего существования. Показательно, что дела о беглых крестьянах редко сообщают о причинах бегства, поскольку они не интересовали государство. Власть не видела в этом ничего другого, кроме попыток незаконной смены места проживания. В разбираемых по поводу беглых прослеживается подход к этим делам как к имущественным конфликтам.

Таким образом, формы поведения помещиков и крестьян на Юге России следует рассматривать в общем контексте общественных отношений, существовавших в XVII в., которые в своей основе строились на основании всеобщего служения московскому самодержцу. Помещики были обязаны нести военную службу, за которую получали от государя земельные участки, а крестьяне – возделывать «государеву землю», которую он жаловал своим служилым людям. В этой связи переход крестьянина от одного землевладельца к другому не подрывал основ общественного устройства и не являлся выражением протеста против существующей системы.

Литература

1. *Жиров Н.А.* «Ввозная грамота» елецких помещиков Манаенковых // История: факты и символы. 2019. № 3 С. 130—132.
2. *Ляпин Д.А.* Дела о крестьянах на Юге России в 20-е годы XVII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 5. С. 162—171.
3. *Ляпин Д.А.* О записи крестьян в служилые люди крепостей Юга России в конце XVI века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 178—186.
4. *Нефедов С.А.* История России. Факторный анализ. Т. 2. М.: Территория будущего, 2011. – 688 с.

© *Ляпин Д.А.*, 2023

КРЕСТЬЯНСТВО И ВОЕННО-СЛУЖИЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ В СТАВРОПОЛЬСКО-САМАРСКОМ РАЙОНЕ ВОССТАНИЯ 1773–1775 ГГ.

Даются современные оценки социального состава участников событий 1773–1775 гг. в Заволжском очаге пугачевского восстания с учетом региональных и этнических особенностей сельского населения. Показана важная роль органов местного самоуправления (крестьянского, казачьего и т. п.) в занятых повстанцами районах, наличие и характер политических идеалов у движущих сил мощного народного движения на восставших территориях.

Ключевые слова: Россия в 1773–1775 гг.; Заволжье; сельское население; социальный и этнический состав; повстанческие власти.

В числе территорий, где разворачивались самые драматические события в 1773–1775 гг., были Ставропольская провинция и Самарский уезд с прилегающей к ним Самарской укрепленной линией. Как важные очаги восстания и места вооруженного противостояния их рассматривают в публикациях документов [4] и исторических очерках [9], посвященных тем событиям. Это дало основание в современных исследованиях объединить данные территории в один из важнейших районов восстания – Ставропольско-Самарский [6, с. 304].

Численность населения той части Заволжья, которая так или иначе находилась в 1760–1770-е гг. при проведении легшей в основу подсчетов III-й ревизии² под управлением администрации Оренбургской губернии или под контролем ее военных властей, приближалась к 85 тыс. жителям обоего пола. Они населяли левобережную часть Самарского уезда и Ставропольский уездс городами Самарой и Ставрополем (ныне Тольятти), Новую Московскую дорогу из Закамья в Оренбург, Самарскую дистанцию крепостей, большинство среди них составляли крестьяне. Русскими (ясачными, экономическими, дворцовыми, помещичьими, однодворцами и «непомнящими родства») были до 25 тыс. чел.

¹ Смирнов Юрий Николаевич, доктор исторических наук, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, smirnov195503@yandex.ru, Россия, г. Самара.

² Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646–1858). М., 1972. Вып. III. С. 211–216, 228–239, 355–359.

обоего пола. Земледельцы из народов Поволжья (крещеные и некрещеные, потомки как служилых, так и ясачных людей) составляли до 30 тыс. чел. обоего пола. Освобожденные от уплаты подушной подати казаки, отставные нижние чины, население слобод, «содержащее ландмилицию» или служившее в ней, переселившиеся сюда «черкасы»-украинцы, бежавшие из среднеазиатского плена «кызылбаши»- персы насчитывали вместе всего до 20 тыс. чел. обоего пола. Таким образом, крестьяне и близкие к ним по положению и сельскохозяйственным занятиям неподатные (в основном военно-служилые) сословия составляли подавляющее большинство рассматриваемых территорий.

Еще одну заметную группу жителей представляли кочевые ставропольские крещеные калмыки – более 8 тыс. чел. обоего пола. Остальные категории населения (дворяне, офицеры, чиновники, купцы, мещане, дворовые) были незначительны по численности и в основном проживали в городах и крепостях.

Эти сведения показывают ошибочность содержащихся в историографии оценок специфики населения Ставропольско-Самарского Заволжья как состоящего преимущественно то из помещичьих крестьян, то из волжских калмыков [2, с. 101; 5, с. 105]. Соответственно, эти ошибки вели к неточностям в определении движущих сил восстания и их роли в событиях Пугачевщины в рассматриваемом районе. Реальная статистика социального и этнического состава жителей этого края, внимательное следование источникам дают возможность получить адекватное представление о том, каковы были здесь позиции и действия участвующих в противостоянии сторон конфликта. Их объективному анализу и посвящена настоящая статья.

Заселение и освоение Заволжья в XVIII в. протекало в условиях совпадения интересов как властей разного уровня, так и различных социальных категорий местного населения по жизненно важным проблемам.

К последним относились отражение внешней угрозы, поощрение и поддержка переселений, утверждение занятых, а до того пустующих земель за новым хозяевами. Однако все это не устраняло многочисленных личных и груп-

повых конфликтов. Внешняя опасность постепенно ослабевала, земельные нужды обострялись, социальные различия усиливались, в органах власти проявлялись разногласия как по принципиальным вопросам, так и в силу своеобразных интересов. Различные слои населения высказывали недовольство существующими законами, мероприятиями администрации, недостатками судебных органов. Власть же пользовалась преимуществами при осуществлении своей политики, не считаясь с народными чаяниями, традиционными установлениями, общественным самоуправлением. Доступ к рычагам управления был монополизирован привилегированным меньшинством в лице дворян-землевладельцев, которое навязывало более многочисленным лицам более низкого социального статуса выгодный себе общественный уклад и административный порядок. Конечно, кроме разногласий и недовольства, имели место компромиссы и уступки со стороны общественных верхов, вынужденное подчинение низов силе или добровольное принятие ими существующего положения, освященного традициями и религиозными нормами. Внутри государства и социума складывалось определенное равновесие, потеря которого время от времени становилась реальной. Особенно неустойчивым оно было на вновь присоединенных осваиваемых землях имперской окраины, где произвол администрации и привилегированного «благородного» сословия был более бесконтрольным, а самовольно пришедшее и зачастую просто беглое население болезненней реагировало не только на крайние проявления, но и на само общественное неравенство, крепостничество, «дворяновластие». Так, значительная часть жителей Заволжья была настроена серьезно противодействовать попыткам властей ужесточить крепостнический режим, податной гнет, административный нажим.

«Крестьянскую» (в терминологии советской марксистской историографии) войну 1773–1775 гг., по сути, следует рассматривать как войну гражданскую. И такая оценка рассматриваемых событий уже утвердилась не только в отдельных исследованиях, но и в обобщающих трудах по ряду регионов [6,

с. 306, 316–317; 8, с. 259, 522].

Среди всех недовольных крепостным правом, привилегиями дворян, тяжелыми повинностями в пользу государства и помещиков, засильем чиновников самым многочисленным было крестьянство. Ближайшим к первоначальному очагу восстания на Яике районом с преимущественно крестьянским населением был заволжский Ставропольско-Самарский край. Здесь и началось перерастание казацкого мятежа в «крестьянскую войну». Этот термин остается справедливым в смысле указания на главную социальную силу всего народного движения в 1773–1775 гг., если его рассматривать в масштабах России. Вместе с тем за исключением чиновников и дворян практически все местное население, а не только крестьянство перешло на сторону Пугачева, хотя тот сам и не был здесь с главной армией повстанцев. В Ставропольско-Самарском Заволжье среди казаков не нашлось оставшихся верными правительству, как это имело место на Яике или в Оренбургском крае. Из отставных нижних чинов, которых селили на свободные земли, здесь не получилось создать ополчение, выполнявшее приказы генералов Екатерины II, хотя в отдельных местах Казанского Закамья такое сделать получилось.

Помещичьих крепостных в Заволжье было сравнительно немного, но их позиция в происходивших событиях была самой однозначной. При появлении первых новостей о начавшемся на Яике мятеже вспыхнули волнения во владельческих заволжских селах. Из них хозяева бежали уже в октябре 1773 г., а в ноябре и декабре практически все помещичьи крестьяне края примкнули к пугачевцам. Они создавали повстанческие команды в своих местах жительства, некоторые уходили и сражались в главной войске Пугачева, а, возвратившись в родные места после поражения под Оренбургом, частично примкнули к небольшим отрядам, продолжавшим действовать в течение летних и осенних месяцев 1774 г. [6, с. 315].

Заметную роль в движении сыграли «непомнящие родства». Это были беглые, чье происхождение не было установлено, а потому их проживание на вновь

осваиваемых землях властям приходилось легализовать в качестве одной из категорий государственных крестьян. В восстании принимали участие представители также других категорий и групп русского крестьянства: экономические, дворцовые, ясачные, однодворцы и пахотные солдаты, а также крестьяне из татар, мордвы и чувашей, среди которых были мусульмане, язычники, новокрещенные, являвшиеся потомками как ясачных, так и служилых людей [6, с. 314].

Переход отставных унтер-офицеров и солдат, поселенных в крае, на сторону восставших произошел в декабре 1773 г. Это неприятно поразило сторонников правительства, поскольку среди бывших гвардейцев некоторые были на погребении Петра III, а потому принятие ими стороны самозванца трудно было объявить простым обманом [4, с. 456–457; 11, с. 45–48].

Постепенно к пугачевцам примкнули русские и татарские казаки крепостей Самарской линии, способствуя занятию их повстанцами, пополняя отряды пугачевских атаманов и главную армию восставших под Оренбургом. Важным центром восстания являлась Черкасская слобода на Кинеле, а ее жители, «черкасы» – выходцы с Украины, сражались в повстанческих отрядах вплоть до осени 1774 г. [4, с. 144–145, 457; 10, с. 179]. Новокрещенные персы (как их здесь звали, «кызылбаши») Ставропольского уезда, несмотря на незначительную численность, были на виду среди активных пугачевцев¹.

Имеется богатая литература об участии в восстании некрещенных и крещенных калмыков. Она продолжает пополняться и в настоящее время [3, с. 49–52], вызывая интерес исследователей новыми фактами [12, с. 22–23] и оценками [7, с. 144].

Некоторое представление о соотношении выходцев из различных общественных слоев среди участников повстанческого движения в Заволжье могут дать сведения о руководителях восстания и наиболее активных пугачевцах. Среди тех, кто был связан с восстанием в Заволжском районе (командиры отрядов, выборные лица местных органов власти, деятельные агитаторы, соста-

¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 467. Ч. VI. Л. 88–88 об.

вители воззваний и т. п.), половина принадлежала к военно-служилым и к близким им неподатным сословиям, прежде всего, отставным унтер-офицерам и солдатам, казакам, «черкасам», калмыкам. Значительный их удельный вес среди руководителей и видных участников восстания по сравнению с долей в населении края объясняется, прежде всего, наличием у них военного опыта. Тем не менее, многие видные повстанцы вышли из самого многочисленного в этом крае крестьянского населения, из различных его сословных категорий и национальных групп: крепостных крестьян, «непомнящих родства», однодворцев, экономических и дворцовых крестьян, ясачных татар-мусульман, новокрещен.

Переход на сторону Пугачева, который провозгласил себя выжившим Петром III, облегчался наличием «царистских» лозунгов «восстановления» законной верховной власти. Взаимодействие с военным командованием повстанцев осуществлялось через традиционные мирские институты. В абсолютистском государстве общинное крестьянское самоуправление не могло последовательно реализовать начала «народоправства», заложенные в нем. На территории, перешедшей под контроль восставших, над деревенскими мирами уже не было контроля со стороны государственного аппарата или вотчинной администрации, общины избавлялись от выполнения фискально-полицейских функций в интересах дворянско-чиновничьей монархии.

Все сказанное выше будет справедливо по отношению к самоуправлению казаков, отставных солдат и иных военно-служилых людей. Не случайно, казацкие атаманы на Самарской линии не только вставали под знамена Пугачева, но часто становились активными повстанческими командирами и руководителями органов новой власти.

Из органов крестьянского и казачьего самоуправления изгонялись ставленники помещиков и чиновников, на местах упразднялась коронная и вотчинная администрация. В ряде случаев восставшие избивали ненавистных приказчиков и бурмистров, грабили их имущество, нажитое за счет односельчан. В

декабре 1773 г. в Бузулукской крепости по приказу пугачевского атамана И.Ф. Арапова, который был сам из крепостных людей, были казнены приказчик и староста помещика И. Племянникова. Приказчик был обвинен в том, что вопреки указам «государя посылал крестьян на помещичью работу», в то время как «государь крестьян от господ отнял», а староста «крестьян разорял и поступал с ними немилостиво»¹.

«Мирской староста» помещичьего села Ляхова доносил властям на сторонников Пугачева. За это ему последовало «отмщение» от повстанцев на виселице².

Часть вотчинной администрации и управителей крепостной деревни предпочла перейти на сторону восставших. В октябре 1773 г. староста деревни Пополутовой был среди зачинщиков бунта и убийц помещицы. В конце декабря из принадлежавшего графам Орловым села Рождественского прибыл «земской со крестьянами принесть поздравления» атаману Арапову, занявшему без боя город Самару. Арапова в свою очередь разослал агитаторов в другие селения Орловых и разных помещиков с текстом пугачевского манифеста, которые взволновали в «окрестности Самары множество деревень». Так, в Осиновке пугачевцев встретил «приказчик Федор Федоров с хлебом и солью», а потом «манифест сам читал всем крестьянам» и даже постригся по-казачьи³.

У государственных крестьян переход на сторону Пугачева проще и быстрее, чем у помещичьих. Эти крестьяне находились в подданстве верховной власти без посредничества помещика и вотчинной администрации. Им достаточно было самим признать Петра III, объявившегося под Оренбургом, законным носителем верховной власти. Сохранилась интересная переписка выборных Саврушинской и Сарбайской слобод, где проживали поселенцы, «содержащие ландмилицию», о том, чьи распоряжения следует исполнять – правительственной ставропольской комендантской канцелярии или повстанческого центра в

¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 437. Л. 44–45.

² Пугачевщина. Из архива Пугачева. М.; Л., 1931. Т. 3. С. 7, 23.

³ Пугачевщина. Т. 3. С. 9–12, 18; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 467. Ч. 1. Л. 275–276, 283–284.

Бугуруслане во главе Гаврилой Давыдовым. Последний был активным и авторитетным деятелем еще до начала восстания. В свое время он стал депутатом Уложенной комиссии от «непомнящих родства», несмотря даже на то, что от этой категории населения избрание представителя в законосовещательное собрание, созванное Екатериной II в 1767–1768 гг., не было предусмотрено законом [1, с. 88]. Вопрос о том, чью власть признать легитимной, решился в данном конкретном случае с учетом выгод населения и сложившегося тогда соотношения сил в пользу «Петра III», то есть повстанцев¹.

С изгнанием помещиков рушились искусственные перегородки между отдельными категориями крестьянства. Когда в селе Липовке вместе с помещичьими крестьянами к восстанию примкнули однодворцы, то впервые там состоялся общий мирской сход, на котором избрали должностных лиц самоуправления единой сельской общины. «Выборным» стал крестьянин из крепостных, а его помощником – один из однодворцев. В повстанческом отряде оказались и однодворцы, и крепостные, в том числе принадлежавшие не только дворянам, но и самим однодворцам².

Набор в отряды повстанцев был не стихийным. Руководители восстания пытались придать ему некоторые организованные формы. Командиры больших отрядов снабжались указами пугачевской Военной коллегии, которые помогали увеличить численность поступавших на службу в повстанческое войско. Предпочитали набирать добровольцев – «охотников» и «ревнителей к службе». Однако, если была необходимость, то командирам разрешалось требовать от населения, чтобы выделяли столько вооруженных людей, сколько потребуется. Это стало прямой обязанностью крестьянских миров, к ним обращались пугачевские «полковники» и «атаманы» с обращениями о принудительном пополнении, если добровольцев не хватало. Служба в отрядах повстанцев, в отличие от царской рекрутчины, воспринималась одной из мирских повинностей,

¹ Пугачевщина. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 233.

² Пугачевщина. Т. 3. С. 178–180.

пустыи нележкой, но осознанно необходимой. В этом случае использовалось не только понятие «набор», но также обозначения «выбор» или «наряд», применяемые к другим общинным службам [6, с. 313].

За срыв набора могло последовать наказание. Беглый крепостной крестьянин А.А. Маркитанов был послан с письмом о наборе людей в отряд атамана Арапова, но не выполнил это распоряжение, за что был посажен на время в колодки¹.

Вместе с тем практика принудительного набора порождала возможность злоупотреблений. Так, приехав в Предтеченскую слободу (Красное Поселение) для набора в повстанческое войско, трое однодворцев из д. Елшанки попытались получить с местного крестьянина 15 руб., обещая не записывать его «в казаки». Сошлись на том, что крестьянин «пропоил» им «на вине денег один рубль», а потом по их приказу избил и посадил на цепь жителя д. Бормы, который не хотел отдавать «в казаки» сына. Под угрозой взятия «в казаки» эти же вымогатели трое суток держали «в железах» ставропольского купца, пока тот не отдал им 6 руб.²

Когда у повстанцев Заволжья начались военные неудачи, количество добровольцев снизилось, к принудительным наборам для пополнения отрядов стали прибегать активней³. С переходом к методам партизанской борьбы, когда восстание шло на убыль и терпело поражение, летом-осенью 1774 г. принудительные формы набора уже стали безрезультатны. В д. Аделякове для пополнения отряда И. Федорову из односельчан- новокрещен никого не дали. Ему предложили взять пришлых людей, находившихся здесь в работниках. В д. Асекееве помещика Кротковаситуация повторилась. В отряд направили только людей, пришедших из селений Симбирского уезда и здесь «бывших в работе». А из д. Сосновки в отряд И. Опрятова (Захлыстова) вместо требуемых пяти человек «в казаки» из жителей не дали никого⁴.

Повстанческое «государство» не только не отказалось от принуждения

¹ РГАДА. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 8. Л. 396.

² РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7358. Л. 1, 9–12 об.

³ Там же. Л. 350.

⁴ РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7422. Л. 4 об., 6 об., 12–12 об.; Ф. 1100. Оп. 1. Д. 11. Л. 210.

при наборе в войско, но и не отменяло в свою пользу некоторых других повинностей, возлагая на общины и их должностных лиц обязанности по их выполнению. Военные командиры зависели от местных миров больше, чем от пугачевской ставки, у которой не было возможности оказать ни военной, ни иной помощи, кроме моральной поддержки.

Наряду с пополнением людьми, главная армия Пугачева сама постоянно нуждалась в фураже и провианте. Этими припасами повстанческие командиры и сельские миры обеспечивали не только свои отряды, но и отправляли их под Оренбург. Зерно шло преимущественно из помещичьих амбаров, откуда его брали бесплатно, но за перевоз крестьянам платили.

Основная масса жителей выполняла эти повинности добровольно. Их не считали чрезмерно тягостными из-за меньшего объема по сравнению с прежними и в силу согласия с намерениями новой власти.

Большой части крестьянства, городского и военно-служилого населения были присущи политические симпатии к идеям, смутно выраженным, но, тем не менее, четко воплощавшимся в ходе восстания, о государстве без привилегированной касты чиновников и помещиков. Структура такого идеального государства была проста, понятна, включая в качестве основных составляющих царя с его окружением и море самоуправляющихся общин. При этом снимались также национальные, религиозные, административные проблемы, поскольку жители сами выбирали этнические и вероисповедные традиции, которые ложились в основу местной власти, определяли размеры и границы общин, свою принадлежность к ним, что отвечало интересам русских и народов Поволжья: православных, старообрядцев, мусульман, язычников.

Слом всяческих перегородок между отдельными категориями крестьян, между крестьянами и близким по положению неподатным населением был замечен в объединении военных усилий повстанцев, в организации местной власти. Труднее преодолевались локальность выступлений и территориальная разобщенность, присущие крестьянству и негативно сказывавшиеся на ходе

восстания.

Готовность большинства населения юго-восточной окраины России к принятию ожидавшихся от новой власти перемен поддерживалась и тем, что отношения между основными группами в основном пришлого населения не обременялись грузом каких-либо давних конфликтов. Также не омрачала их земельная теснота. Социальные и политические ожидания, конечно, определялись рамками возможного с учетом существовавшего уровня хозяйства и культуры, сложившихся коллективных представлений, восставшие пограничные территории на Волге и Урале имели население со специфическими особенностями происхождения, состава, положения. Это население активно противодействовало попыткам чиновников и дворян-землевладельцев распространить на земли, недавно присоединенные к России, те крепостнические порядки и бюрократические основы управления, которые уже утвердились в историческом ядре империи. В вооруженном противостоянии 1773–1775 гг. крестьяне и военнo-служилые люди, осваивавшие Заволжье, попытались навязать стране, в том числе ее внутренним областям, собственный идеал как социального, так и государственного устройства.

Литература

1. *Артамонова Л.М.* Социальное и правовое сознание государственных крестьян Поволжья по наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2009. № 1. С. 88–90.
2. *Буганов В.И.* Пугачев. М., 1984. – 383 с.
3. *Джунджузов С.В.* «Пугачевское замешательство» и Ставропольское калмыцкое войско // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 2 (103). С. 49–52.
4. Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774. М., 1975. – 522 с.
5. *Жижка М.В.* Емельян Пугачев. 2-е изд. М., 1950. – 216 с.

6. *Кабытов П.С., Артамонова Л.М., Дубман Э.Л., и др.* История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Самара, 2020. – 480 с.
7. *Мауль В.Я.* Феномен отсутствующей историографии (как вначале XXI века изучают историю Пугачевского бунта) // Исторические записки. 2018. № 17 (135). С. 122–148.
8. Мордовия: энциклопедия: в 2 т. Саранск, 2003. Т. 1. – 570, [4] с.
9. *Муратов Х.И.* Крестьянская война под предводительством Е.И. Пугачева (1773–1775). М., 1980. – 175 с.
10. *Овчинников Р.В.* Манифесты и указы Е.И. Пугачева. Источниковедческое исследование. М., 1980. – 278 с.
11. Под знаменами Пугачева: К 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. Челябинск, 1973. – 195 с.
12. *Якунин В.Н.* Распространение православия среди калмыков в конце XVII – первой половине XVIII вв.: культурно-исторический анализ // Вестник славянских культур. 2022. № 63. С. 21–43.

© *Смирнов Ю.Н., 2023*

ВОПРОС О СУДЕ В НАКАЗАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН ПОВОЛЖЬЯ В УЛОЖЕННУЮ КОМИССИЮ ЕКАТЕРИНЫ II

В статье проанализированы жалобы на состояние судебной системы и предложения по ее реформированию, которые содержатся в наказах крестьянским депутатам, избранным от территорий и народов Поволжья в Комиссию о составлении нового Уложения 1767–1768 гг.

Ключевые слова: Россия в XVIII в.; Среднее Поволжье; социальная история; этническая история; история государства и права.

Из документов Уложенной комиссии 1767–1768 гг., как считал Л.В. Милов, «особенно важны указы различных групп государственных крестьян – это живые свидетельства горестей и чаяний огромных масс сельских тружеников» [10, с. 260]. Данные указы и связанные с ними материалы хранятся в фонде 342 «Новоуложенные комиссии», фондах Сената и других учреждений Российского государственного архива древних актов (РГАДА), в местных архивах городов Поволжья. Заметная часть крестьянских указов была опубликована с разной степенью полноты и точностью в различных изданиях. Самая обширная публикация была осуществлена в Сборнике Русского императорского Исторического общества (Сб. РИО)². Обширная литература, в том числе современная, посвящена указам государственных крестьян разных национальностей [7; 12; 15] и близких к ним социальных групп [5; 9], проживавших в Поволжье и в граничивших с ним регионах [4; 6].

В 1760-е гг. государственные крестьяне регионов Поволжья составляли 550 тыс. душ муж. пола, то есть около трети всех государственных крестьян России (свыше 1,8 млн душ муж. пола) или 7 % крестьянского населения страны в границах проведения 3-й ревизии (7263,5 тыс. душ муж. пола). Своих депутатов в Уложенную комиссию получили в 1766 г. право избирать следующие категории государственных крестьян: 1) однодворцы, 2) пахотные солдаты

¹ Артамонова Людмила Михайловна, доктор исторических наук, Самарский государственный институт культуры, artamonovoi@mail.ru, Россия, г. Самара.

² Материалы Екатерининской законодательной комиссии. Т. X // Сб. РИО. СПб., 1903. Т. 115.

и иные потомки «старых служб служилых людей», 3) приписные к заводам, 4) русские чернососшные и ясачные крестьяне, 5) крещеные и некрещеные «некочующие народы» (каждый – особо). От них были избраны 42 депутата Уложенной комиссии. Новокрещеные из разных народов избрали 11 депутатов, некрещеные ясачные люди – 6, служилые мурзы и татары – 5, пахотные солдаты – 5, однодворцы – 10, ясачные и чернососшные русские крестьяне – 6, приписные к заводам – 3, «непомнящие родства» – 1. По национальному составу они были русскими (20 чел.), татарами (9), чувашами (5), мордвой (4), марийцами (2) и удмуртами (2) [14, с. 75–77].

При этом в выборах ряда депутатов и составлении для них наказов принимали участие представители разных народов. Жителям юго-восточных окраин Российской империи различной этнической принадлежности и в другие периоды истории было свойственно стремление к интеграции, как пишут исследователи, в общее «правовое пространство» [1, с. 114]. В 1770-е гг. об интегративных тенденциях свидетельствовали и факты преодоления сословных границ, когда в ряде мест Поволжья некоторые группы крестьян принимали участие в выборах депутатов от отставных военнослужащих и горожан.

Всего этим депутатам от разных сословных и этнических групп государственных крестьян Поволжья, как было установлено по архивным и опубликованным источникам, было дано 117 крестьянских наказов [14, с. 77]. Закон предоставлял администрации широкие полномочия по контролю за ходом выборов. Однако государственные крестьяне находили возможности противостоять ее нажиму и обойти препятствия для изложения своих нужд, потому их наказы оказались весьма репрезентативным источником об их положении, чаяниях и требованиях.

Среди всех вопросов, поднятых в поволжских крестьянских наказах, на первом месте стоял вопрос о земле и угодьях, а среди проблем их социально-правового положения чаще других поднимался вопрос о налогах и повинностях. Эти вопросы уже рассматривались автором настоящей статьи на предыдущих сессиях Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы [2; 3].

В данном же сообщении внимание обращено на еще одну часто ставившуюся в наказах проблему правового положения их составителей и взаимоотношения крестьян с властями – вопрос о суде. По нашим наблюдениям, он поднимался в 34 наказах государственных крестьян Поволжья [14, с. 85]. Почти в каждом из них (а именно в 30-ти наказах) содержались конкретные требования и предложения по изменению судебной системы.

В 60-е гг. XVIII в. продолжал действовать указ 1723 г. о форме суда¹. Порядок судопроизводства («судоговорение») был непонятен для крестьян и они были вынуждены нанимать поверенных «за весьма великую плату». Часто судебные дела рассматривались по многу лет, из-за чего крестьяне несли большие издержки и лишались «последнего своего имения»². Чаще всего процедура суда «по форме» подвергалась критике за медлительность и дороговизну – в 27 крестьянских наказах Поволжья.

О недостатках суда «по форме» свидетельствует огромное число явочных челобитных, поданных в самые различные местные учреждения крестьянами, поскольку у них не было времени и средств для подачи иска и возбуждения дела. Явочные челобитные подавались «впредь для ведома», им давали ход и через 10, и через 15 лет, а часто они так и оставались лежать без движения. Например, при работе с фондом Саранской воеводской канцелярии в Центральном государственном архиве Республики Мордовия (ЦГАРМ) было установлено, что в течение только одного года явочные челобитные были поданы от всех без исключения этнических и сословных категорий государственных крестьян³.

В 19 наказах выдвигалось предложение заменить суд «по форме» следственным процессом. Разбор дел следствием, как ожидали крестьяне, должен был ускорить процедуру суда и снизить судебные издержки тяжущихся сторон. На уменьшение этих издержек и возмещение понесенных в ходе тяжбы убытков были также направлены другие предложения. В 6 наказах говорилось об

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Санкт-Петербург, 1830. Т. VII. № 4344.

² РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 242. Л. 9, 12, 24 об. – 25.

³ ЦГА РМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 76. Л. 35 и об., 48 и об., 84 и об., 100 и об., 101, 102 и об., 104, 106, 120–121.

отмене сбора поручных записей ответчиком и держания его под караулом, в 5 наказах – о ведении дел на простой, а не гербовой бумаге и о снижении судебных пошлин в целом, в 4 наказах – о полном возмещении всех расходов доказавшего свою правоту истца.

Вышеперечисленные и некоторые другие предложения по исправлению громоздкой и разорительной «форме» суда не могли искоренить пороки, присущие суду чиновников и дворян. В присутственных местах крестьяне третиrowались «яко безгласные». Так, в наказе крещенных и некрещеных чувашей д. Ганькиной выражалось недовольство тем, что губернская канцелярия тянет решение дел по их жалобам на помещиков и только зря шлет следователей, содержание которых обременяет крестьян: «А те следствия происходили все на нашем коште, да и на то... канцелярия никакой резолюции не учинила»¹.

Более последовательными были требования об учреждении крестьянских словесных и третейских судов. Они содержались в 23 наказах, т. е. в 2/3 всех наказов, поднимавших вопросы суда. К компетенции словесного или третейского суда указы предлагали отнести споры между крестьянами по долгам, мелкому воровству, обидам, ссорам и дракам. В некоторых наказах предлагалось узаконить ведение словесного суда по нормам обычного права народов Поволжья или шариата².

Хотя в 5 наказах имелась просьба предоставить крестьянскому суду право применения телесных наказаний, но сами крестьяне не очень верили в их исправительное воздействие, так как настоящие преступники не считали такое наказание серьезным. В 8 наказах предлагалось заменить битье кнутом, которому подвергались уголовные преступники, ссылкой в отдаленные места или сдачей в рекруты. Право выносить решение о ссылке предлагалось предоставить крестьянскому суду или деревенскому миру.

Ряд наказов ведение словесных судов предлагал возложить на уже имеющих должностных лиц крестьянского самоуправления: сотников, выборных, старост. В наказах крестьян, исповедовавших ислам, в качестве судей

¹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. 11. Л. 276–277, 310, 318 и об.

² Материалы Екатерининской законодательной комиссии. С. 374, 389, 395.

назывались также муллы¹. Они, как и прочие должностные лица крестьянского самоуправления, являлись выборными и официально сами числились государственными крестьянами. Иначе обстояло дело с православным духовенством. Оно составляло отдельное сословие, и ни один из наказов крестьян Поволжья не упоминал о привлечении священников и церковнослужителей к деятельности крестьянского суда. Тем более в наказах не было и речи о привлечении к его деятельности дворян и чиновников. Правосознание крестьянства «признавало справедливым, чтобы равные судили равных» [11, с. 105].

В 12 наказах имелось предложение ввести специальные выборные должности крестьянских словесных судей. Крестьяне хотели сами их выбирать, ставя администрацию лишь в известность о произведенных выборах².

Предусматривалась гласность суда. Предполагалось, что судья будет производить разбор дел при «посторонних людях», а приговоры объявлять и приводить в исполнение, «собрав на сход мир». Контроль со стороны мира был необходим, чтобы «не льстить» богатым и не обижать бедных. По требованию жителей «в случае желания всех тех мирских людей или большей половины» судей можно было сменять и даже наказывать³.

В 3 наказах предусматривалось сохранение должностей, введенных при выборах в Уложенную комиссию, с наделением их судебными функциями или проведение выборов судей по обряду выборов в Комиссию Уложения. В наказе ясачных татар Казанской провинции такие предложения связывались с созданием крестьянских судов не только в рамках одного или нескольких селений, но и в масштабе губернии и провинции. В сущности, речь шла не только о суде, но о создании губернских и провинциальных органов крестьянского самоуправления, поскольку в их ведение передавался и «казенный сбор» податей⁴.

В своем наказе саратовские черносошные крестьяне настаивали на уча-

¹ Материалы Екатерининской законодательной комиссии. С. 318, 395.

² Материалы Екатерининской законодательной комиссии. С. 374.

³ Материалы Екатерининской законодательной комиссии. С. 195, 389.

⁴ Материалы Екатерининской законодательной комиссии. С. 378.

стии крестьянских судей в вышестоящих судебных учреждениях¹. По мнению составителей наказа русских ясачных крестьян Симбирского и Сызранского уездов, выборные и сменяемые крестьянские «депутаты» должны были представлять интересы крестьян не только в суде, но и в присутственных местах². Такие предложения не только расширяли круг полномочий выборных словесных судей из крестьян. Они повышали значение крестьянского самоуправления в целом.

Упомянутый наказ симбирских и сызранских крестьян обобщил многие вышеперечисленные и другие крестьянские жалобы и требования. Он был одним из тех немногих, которые были зачитаны и подверглись обсуждению в Большом собрании Уложенной комиссии. В нем прямо было заявлено, что утеснения государственного крестьянства со стороны дворян осуществляются только потому, что тем потворствуют власти и судьи. Если б в своих жалобах крестьяне находили у судей «удовольствие», говорилось в наказе, «то б они, помещики... землями нашими дачами с угодьями владеть и в прочем нас обижать не отваживались» [8, с. 297–298]. Здесь был показан высокий уровень обобщения, крестьяне проявили осознание связи интересов дворян с деятельностью государственных и судебных органов. Справедливость такого вывода подтверждают судебные дела многих учреждений.

В вопросе о суде отразилось стремление государственных крестьян ограждать свою жизнь и свои интересы от постоянного вмешательства со стороны властей. В России XVIII века было обычным объединение в руках администрации исполнительной и судебной функции. Критика судебной системы и предложения по ее реорганизации в крестьянских наказах были направлены против существующих органов государственного управления в целом. Это были по сути требования расширения функций крестьянского самоуправления за счет полномочий правительственных учреждений.

Надежды даже на частичные уступки со стороны правительства были иллюзорными. Невнимание к требованиям наказов, особенно из Поволжья и При-

¹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 242. Л. 58 об.

² Материалы Екатерининской законодательной комиссии. С. 351.

уралья, «где зрели очаги мятежа», во многом предопределило драматические события 1773–1775 гг. [13, с. 160]. Среди атаманов и активных участников восстания оказался целый ряд депутатов Уложенной комиссии и составителей крестьянских наказов, которые явочным порядком и силой стали добиваться расширения полномочий народного самоуправления и суда.

Литература

1. *Азаматова Г.Б.* Земское самоуправление в многонациональном регионе России (на примере Уфимской губернии, 1874–1917 гг.): дисс. ... д-ра ист. наук. Уфа, 2018. – 586 с.
2. *Артамонова Л.М.* Налоги и повинности государственных крестьян Поволжья (по жалобам и требованиям наказов депутатам Уложенной комиссии Екатерины II) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. № 1. С. 156–164.
3. *Артамонова Л.М.* Региональные особенности землевладения и землепользования государственных крестьян Поволжья в их наказах депутатам Уложенной комиссии Екатерины II // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 222–230.
4. *Белявский М.Т.* Наказы оренбургских однодворцев 1767 г. // Вестник Московского университета. Серия: История. 1982. № 6. С. 70–80.
5. *Васильев И.М.* Податное и военно-служилое население Оренбургской губернии по наказам в Уложенную комиссию 1767 г. Оренбург, 2000. Ч. 1–2. – 294 с.
6. *Волков С.С.* Наказы нерусского крестьянства Приуралья в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. // Марийский археографический вестник. 1998. № 8. С. 30–47.
7. *Иванов А.Г.* Марийцы Поволжья и Приуралья. По их наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. Йошкар-Ола, 1993. – 104 с.
8. *Кабытов П.С.* История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 2 т. / П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов, Л.М. Артамонова, Н.Н. Кабытова, О.Б. Леонтьева. Самара, 2020. Т. 1. (2-е изд. испр. и доп.). – 480 с.

9. *Кулбахтин И.Н.* Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. / И.Н. Кулбахтин, Н.М. Кулбахтин. – Уфа, 2005. – 272 с.
10. *Милов Л.В.* История России XVIII–XIX веков / Л.В. Милов, Н.И. Цимбаев. М., 2006. – 784 с.
11. *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб., 2018. Т. 3. 2-е изд., испр. – 992 с.
12. *Охотникова С.В.* Требования чувашских и марийских крестьян Поволжья в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.: общее и особенное // Чуваши и марийцы – соседи по «общему дому»: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2019. С. 131–137.
13. *Смирнов Ю.Н.* Современные подходы к истории восстания 1773–1775 гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5–3 (55). С. 158–166.
14. *Смирнов Ю.Н.* Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX вв.) / Ю.Н. Смирнов, Л.М. Артамонова, Е.П. Барина, Н.Ф. Тагирова, В.А. Тюрин, З.М. Кобозева, П.С. Кабытов, О.Б. Леонтьева, Э.Л. Дубман. Самара, 2013. – 384 с.
15. *Сушкова Ю.Н.* Историческое значение наказов инородческих крестьян Поволжья в Уложенную комиссию (1767–1768 гг.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 1(57). С. 16–23.

© Артамонова Л.М., 2023

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРЕСТЬЯНСТВА В УФЕ(1860 – 1870-Е ГГ.)

Крестьянство пореформенного периода активно включилось в предпринимательскую деятельность, переселяясь в города, такие как Уфа. Наиболее успешные переходили в состав купцов и мещан. Крестьянская торговля и промыслы играли важную роль в экономическом развитии всех регионов Российской империи.

Ключевые слова: крестьянство; экономика; предпринимательство; торговля; ремесло; Уфа; пореформенный период.

Быстрое развитие экономики Южного Урала в пореформенный период с неизбежностью вовлекало в предпринимательскую деятельность массы крестьянства, освободившегося от всех форм обязательных отношений. А центрами притяжения становились города с их рыночной средой, в первую очередь столица Уфимской губернии.

Крестьянский бизнес формировался в двух вариантах. Сельчане переезжали в Уфу на постоянное жительство, часто оставаясь в составе своих земельных общин, не выписываясь в мещане. Существовала торговля наездом, когда продавец сельскохозяйственной продукции или деревенский ремесленник с разной степенью регулярности посещал Уфу для реализации своих товаров.

Часть торгово-промышленного крестьянства (сельских жителей) находилась внутри прослойки мелких, если не мельчайших, предпринимателей. Это создает большие сложности. Архивов мелких торговцев и промышленников, впрочем, как и средних, практически не сохранилось, требуется поиск новых документальных материалов.

Одним из таких важнейших источников, позволяющих увидеть мелкое крестьянское предпринимательство, являются переписи (генеральные поверки) торгово-промышленных заведений, которые проводились в России с 1863 г. В том году было введено в действие «Положение о пошлинах на право торговли и

¹ *Роднов Михаил Игоревич*, доктор исторических наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, mrodnov@ufanet.ru, Россия, г. Уфа.

других промыслов»¹, дополненное затем специальной инструкцией «о порядке наблюдения за правильным производством торговли и промыслов». Эти документы действовали до 1898 г. и являлись основными актами, регламентировавшими налогообложение предпринимателей (частично дополнялись в последующие годы).

По положению 1863 г. городские думы и органы министерства финансов (казенные палаты) обязаны были регулярно проводить переписи торгово-промышленных заведений в своих городах и губерниях. Основной целью этих переписей являлась задача заставить всех предпринимателей выбирать (покупать) документы на право занятия бизнесом. Документы (гильдейские свидетельства и свидетельства на промысел) выдавали городские управы, крайне заинтересованные в регистрации всех, даже самых мелких предпринимателей.

В переписи вносились торговавшие с телег, балаганов, столов, даже с рогожек, которые постилали на землю. Это уникальный источник, показывающий мелкий и мельчайший бизнес, находится в фондах казенных палат. Не облагались только приезжавшие на воскресный базар крестьяне, да на зимней ежегодной ярмарке в Уфе существовало особое ярмарочное обложение торговцев.

В России наиболее успешно изучают этот источник историки из Тулы, где сохранился большой массив переписей (вплоть до 1892 г.), создана база данных, особое значение имеют работы Н.А. Биленко [1], ему принадлежит специальная статья о крестьянском предпринимательстве в Туле [2]. Автор подчеркнул, что положение 1863 г. фактически уравнило крестьянство в торгово-промышленных правах с другими сословиями, в первую очередь купцами и мещанами. Теперь крестьянам требовалось на общих основаниях только приобрести торговые документы. В результате возможности крестьян участвовать в предпринимательской деятельности резко возросли.

В уфимском архиве сохранились материалы 3-х переписей по Уфе (за

¹ ПСЗРИ. II собр. Т. XXXVIII. Отд. 1-е. 1863. СПб., 1866. № 39118. С. 3–15; Приложения к Продолжению Свода Законов 1857 года. Т. XI, части II Уст. Торг. Приложение к статье 275. Правила о порядке наблюдения за производством торговли и промыслов. С. 73–78.

1865, 1869, 1873 гг.)¹ [см. также 4]) и одна по городу Златоусту (за 1867 г., опубликована [5]). Данные по сельской местности найдены только по нарушавшим законодательство предпринимателям (1860-е гг.)².

Рассмотрим подробнее материалы первого обследования 1865 г. Всего в Уфе выявили 578 торгово-промышленных заведений³, из которых крестьянам по сословию, без приказчиков и сдачи в аренду помещений, то есть владельцам, принадлежало 56, или 9,7 % от общего количества.

Эмпирически разделим всех крестьян-предпринимателей на средний и мелкий бизнес, взяв за основу наличие лавок (мест стационарной торговли), наем работников, характер торговли или промысла, имеющуюся информацию о конкретных уфимцах. Средних предпринимателей из крестьян в Уфе в 1865 г. было 40, а мелких – всего 16.

На таком соотношении сказался ряд факторов. Во-первых, в первой переписи еще не удалось охватить ряд мелких и мельчайших предпринимателей, например, вообще не были включены извозчики, что занижает итоговые данные. Во-вторых, 1860-е гг. стали периодом начала массовой миграции вчера еще жестко прикрепленных к земле сельчан, которые пока не успели сменить свой сословный статус, хотя материальное положение у них поднялось до «среднего» уровня.

К примеру, кожевенное заведение держал в городе уфимский мещанин Михаил Нехаев, а торговал «родной его брат временнообязанный крестьянин Федор Нехаев». Один из бывших крепостных Шереметевых вышел из общины и записался в мещане, второй не успел. Или государственному крестьянину Нижегородского уезда Ивану Константиновичу Палатину на лето 1865 г. в Уфе принадлежали дом на Нижне-Торговой площади с находившимися там питейным заведением («раздробительная продажа хлебного вина») и бакалейной лавкой, где в розницу торговали чаем, сахаром, пряниками, духами и помадой. Второй собственный дом Палатина находился рядом на Сергиевской улице, там

¹ НА РБ. Ф. И-139. Оп. 1. Д. 5, 33, 71, 71а.

² Там же. Д. 40.

³ НА РБ. Ф. И-139. Оп. 1. Д. 5. Л. 2–206.

тоже продавали крепкое спиртное. Два наемных сидельца из уфимских мещан разливали хлебное вино (самогон) страждущим, сам Палатин стоял за прилавком в бакалейной лавке. Этот «мужик» владел двумя домами и тремя торговыми «точками». Очевидно, что для него смена сословной принадлежности являлась вопросом времени. И уже в 1873 г. он временный уфимский купец 2-й гильдии. А в 1875 г. оборот его капитала на текущем счету в Уфимском отделении Волжско-Камского банка составил около 43 тыс. руб.¹

Всего же из 40 «средних» крестьянских заведений Уфы в 1865 г. было 6 питейных мест и 6 бакалейных лавок, 2 трактира, спичечный заводик, харчевня, кондитерская, игольная лавка, плотницкая артель, фарфоровая лавка, кузница, «серебряк» (ювелир) и др. Из 40 заведений 22 принадлежали бывшим сельским жителям из Рязанской (5), Симбирской и Ярославской (по 4), Нижегородской и Владимирской (по 3), Оренбургской, Костромской, Енисейской (по 1) губерний. Из 3-х крестьянок-предпринимательниц две приехали издалека. Наталья Пугачева из Оренбургской губернии открыла трактир, а государственная крестьянка из Рязанской губернии Авдотья Круглова, имея 3-х работников, выпекала кренделя, продавая их на месте и в разнос. Наличие большого числа пришлых, несомненно, влияло на показатели. Выписаться из удаленных общин было долго, процесс перехода в городские сословия из-за этого затягивался.

По сословному разряду деревенские распределялись так: временнообязанных насчитывалось 24, государственных – 15, а кузнец Иван Смышляев числился крестьянином-собственником (на Южном Урале их было много с дореформенных времен).

Не только И.К. Палатин являлся владельцем нескольких заведений, таких случаев зафиксировано несколько, концентрация «сельского» бизнеса была достаточно высока. Государственному крестьянину Василию Галочкину принадлежало питейное заведение в собственном доме, где торговал его сын Михаил, сам же хозяин заведовал столярной мастерской во второй своей усадьбе. Там трудилось 5 работников и 2 мальчика. Вообще наём работников (без родствен-

¹ РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1178. Л. 83.

ников) указан в 25 заведениях из 40.

Можно утверждать, что к 1860-м гг. в Уфу происходил приток сельских предпринимателей, которые прибывали с определенными капиталами и быстро включались в экономическую жизнь губернского центра Южного Приуралья. Массовая миграция ярославцев в Уфу отмечена уже в первой половине XIX в., значительная часть уфимского купечества вышла из рядов бывших ярославских крестьян [6].

Иной облик был у мелких предпринимателей из крестьян. Из 16 заведений единственное принадлежало пришлому, уроженцу Казанской губернии Сейфутдину Ахтанову, торговавшему фруктами. Всего по сословию (разряду) из 16 заведений 12 принадлежали временнообязанным, остальные были представлены в единичном случае: горнозаводской, удельный, собственник и государственный. Очевидно, почти все они местные жители.

В мелком бизнесе также происходила концентрация, например, Степану Жилкину принадлежали 3 калачных балагана, Котковым – 3 заведения, Баутиным – 2. И всего в 2 случаях зафиксирован наём: 2 мальчика и приказчик. В остальных заведениях торговали либо сами владельцы, либо члены семьи. По специализации мелкие уфимские предприниматели в 1865 г. включали 2-х «медяков», 2 кожевенных завода, 8 калачных балаганов, 3 квасных и сбитенных балагана и фруктовый погреб, итого 16.

Мелкий бизнес в 1860-е гг. был еще слабо представлен в экономике Уфы. Между прочим, аналогичные данные фиксирует тульский материал, доля крестьян среди предпринимателей – 3,1 % в 1864 г. [2]. В Уфе в 1865 г. крестьяне-предприниматели составляли 2,8 % (16 из 578). С моей точки зрения, это не случайно. Мелкое предпринимательство обслуживает в первую очередь рядовые слои населения: рабочих, служащих, «средний класс», а данные социальные группы только начинали складываться в значительную прослойку горожан. Уфа вообще была самой дворянской из уральских столиц, зажиточное население сбитень и калачи на базаре не покупало.

Тульский материал свидетельствует о росте с 1870-х гг. удельного веса

крестьян до 6–18 % среди всех предпринимателей. Проанализируем показатели уфимской переписи торгово-промышленных заведений за 1873 г.¹ В Уфе также наблюдался рост, но не такой значительный, в 1873 г. из 1092 всех зарегистрированных заведений крестьянам по сословию принадлежало 139, или 12,7% (без мастеровых, казаков, бессрочноотпускных рядовых, но все башкиры, татары и иные мусульмане включены). В мелком и среднем бизнесе главную роль играли уфимские помещане и выходцы из отставных военных, даже среди городских извозчиков крестьян насчитывалось 7 из 61. Существенные позиции крестьяне занимали лишь среди торговцев кожевенным товаром (23 из 52 заведений), встроительстве (27 из 86), торговле лесоматериалами (7 из 15), 2 из 3-х спичечных заводов также находились в руках крестьян по сословию.

Сравнение с материалами переписи 1865 г. показывает, что к 1873 г. число крупных и средних предпринимателей, оставшихся в крестьянском сословии резко сократилось. Выделялся лишь Митрофан Иванович Паршин (фамилию также указывали в форме Першин), владелец 4-х мануфактурных лавок в Гостином дворе, центре уфимской торговли. Он упрямо не уходил из крестьян. Но по данным Уфимского отделения Государственного банка на октябрь 1875 г. М.И. Паршин, занимавшийся мануфактурной и пушной торговлей с 1867 г., имевший дом в Уфе, числился уфимским 2-й гильдии купцом².

Миграция крестьянских предпринимателей с капиталами в Уфу к началу 1870-х гг. продолжалась, хотя и в меньших масштабах. Так, из участников алкогольного бизнеса лишь 3 заведения из 156 находились в руках сельчан: крестьянки А.Г. Шаткиной, а также крестьянина Стерлитамакского уезда Е.Д. Батурина. Третье питейное заведение принадлежало крестьянке Ярославской губернии А.Т. Уткиной.

На Набережной улице вдоль р. Белой стояли 2 спичечных завода, там выпускали фосфорные спички (6 и 8 наёмных работников). Первый находился во владении крестьянина Егорьевского уезда Рязанской губернии В.А. Андреева, второй принадлежал крестьянину из Гжатского уезда Смоленской губернии

¹ Подсчитано по: НА РБ. Ф. И-139. Оп. 1. Д. 71. Л. 4–164; Д. 71а. Л. 329–336.

² РГИА. Ф. 587. Оп. 48. Д. 337. Л. 47, 68.

А.Л. Утробину.

Среди кредитовавшихся к июлю 1880 г. в Уфимском отделении Волжско-Камского коммерческого банка 139 клиентов было лишь 2 крестьянина по словию: К.К. Матвеев из Златоустовского уезда (ему был открыт кредит в 3 тыс. руб.) и И.Л. Сёмин из Горбатовского уезда (кредитной линии не имел, учтен вексель всего на 335 руб.) [3, с. 94–100]. В достаточно крупном бизнесе сельские податные сословия почти не были представлены.

Много проживало в Уфе иногородних ремесленников из крестьян. Шубы шил ярославец А.Л. Пунтаков (крестьянин Романоборисоглебского уезда Максимовской волости дер. Балавиной), катали валенки выходцы из Горбатовского уезда Нижегородского уезда И.А. Баранищев и М.И. Пахомов, кошмы делал Матвей Молчанов из Гороховецкого уезда Владимирской губернии. Его земляк Трофим Молчагин организовал в Уфе артель каменщиков (8 работников), вятские плотничали, ярославцы клали печи, штукатурили и т.д.

Из местных жителей много крестьян занимались кожевенным ремеслом (выделкой кож, торговлей). Центром кожевенного промысла было большое селение Нижегородка, находившееся недалеко от Уфы. А в целом среди ремесленников сельчан самой Уфимской губернии было сравнительно немного. В отличие от Тульского края Южный Урал – многоземельный хлебный регион, здешнее крестьянство, особенно русское, жило зажиточно, доходы от земледелия и пригородного огородничества были весьма высоки, надобности бросать землю и идти в город на заработки в общем большой и не было. Мусульманское крестьянство (татары) имело более низкий уровень сельскохозяйственного производства, но миграция в чисто русскую Уфу представляла сложный социокультурный выбор, массовые масштабы переселение татар в город примет позднее, к концу XIX в. А башкирских деревень возле Уфы вообще насчитывалось единицы.

Материалы переписей (генеральных поверок) торгово-промышленных заведений, позволяют определить, как сельчан, навсегда переселившихся в города (выход из крестьянских сословных разрядов был вопросом времени), так и де-

ревенских жителей, регулярно наезжавших в город для торговли или иной работы (извоз, подряды, пр.). Среди них были жители окрестных селений и приезжие из других губерний.

В Уфе ситуация была во многом специфичная. Местные русские крестьяне имели в достатке землю, уровень материального благополучия являлся высоким, массовой миграции в города еще не наблюдалось. Поэтому преобладали приезжие из великорусских нечерноземных губерний – кустари-ремесленники и многочисленные предприниматели из крестьян. Последние трудились в Уфе не только наездом, например, в летние месяцы, когда производились строительные работы, многие насовсем оседали в городе, создавая серьезный бизнес. Правда, они быстро покидали крестьянское сословие, записываясь в уфимские купцы или мещане.

Литература

1. *Биленко Н.А.* Журналы генеральной поверки торговли и промышленных заведений как исторические источники по изучению внутреннего рынка Российской империи второй половины XIX века // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 4–9.
2. *Биленко Н.А.* Крестьянское предпринимательство в губернском городе Туле второй половины XIX века: формы, масштабы, тенденции развития // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 4 (48). Без паг.
3. *Роднов М.И.* Волжско-Камский коммерческий банк и уфимское купечество (вторая половина XIX – начало XX веков). Уфа, 2020. – 238 с.
4. *Роднов М.И.* Переписи торгово-промышленных заведений Уфы в 1860 – 1870-е гг. // История России и Финляндии в современных исследованиях / Сборники Президентской библиотеки. Серия «Электронный архив». Вып. 6 / [науч. ред.: Н.В. Дунаева, С.Г. Кащенко]. СПб., 2021. С. 206–214.
5. *Роднов М.И.* Перепись торговых заведений г. Златоуста 1867 года как информационный ресурс изучения потребительского рынка Южного Урала //Magistra

Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии (Челябинск).
2021. № 2. С. 123–136.

6. *Тарасова Т.В.* Ярославцы в рядах уфимского купечества // Река времени. 2021
/ сост. и отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2021. С. 91–110.

© *Роднов М.И.*, 2023

МЕСТНЫЕ ВЛАСТИ, КРЕСТЬЯНЕ И МИРОВЫЕ ПОСРЕДНИКИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЯХ РОССИИ (1861–1874 ГГ.)

В статье рассмотрены процессы создания и деятельности местных органов управления крестьянами в первое пореформенное десятилетие. Особое внимание обращено на практическую деятельность мировых посредников. Показано, как складывались отношения новых администраторов с крестьянами и помещиками.

Ключевые слова: северо-западные губернии России; губернская и уездная администрация; полиция; исправник; крестьяне; помещики; мировые посредники.

В ходе реализации крестьянской реформы 1861 г. перед органами власти различных уровней встали сложные задачи, связанные как с землеустройством, так и с созданием органов управления освобождёнными крестьянами. 19 февраля 1861 г. император Александр II подписал именной указ, согласно которому Главный Комитет по крестьянскому делу был упразднён². Согласно указу, его преемником становился межведомственный Главный Комитет об устройстве сельского состояния. На него возлагалась задача выработки и осуществления общего курса политики в отношении крестьян и устройство всего сельского населения империи «на общих и единообразных началах». Главному Комитету предстояло разработать законопроекты «об устройстве крестьян государственных, дворцовых, удельных, заводских и всех других». Требовалось не только уравнивать в правах и обязанностях все разряды самой многочисленной части населения империи, но и создать единую систему управления крестьянством. Формирование и деятельность Главного Комитета об устройстве сельского состояния в течение двадцати пореформенных лет не были обделены вниманием историков [2, с. 269–286; 3, с. 25–28; 7, с. 25–69; 8, с. 223–249].

На местах реализацией основных положений крестьянской реформы 1861 г. занимались губернские по крестьянским делам присутствия, уездные

¹ Никулин Валерий Николаевич, доктор исторических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, nikuliny@mail.ru, Россия, г. Калининград.

² Об учреждении Главного Комитета об устройстве сельского состояния, и о закрытии Главного Комитета по крестьянскому делу // ПСЗРИ. 2 собр. Т. XXXVI. Отд. I. № 36653. С. 138–140.

мировые съезды и мировые посредники. Они формировались на основе отдельного положения¹ и в своей деятельности подчинялись МВД. В состав губернского присутствия входили: губернатор (он возглавлял присутствие), губернский предводитель дворянства, губернский прокурор, управляющий Палатой государственных имуществ (или удельной Конторой) и 4 помещика из местных дворян – 2 по назначению МВД и 2 по избранию губернского и уездных предводителей дворянства. В обязанности присутствия входил разбор жалоб на решения мировых посредников и уездных мировых съездов, утверждение добровольных соглашений между помещиками и крестьянами о размерах наделов, рассмотрение случаев превышения мировыми посредниками власти и нарушения закона, утверждение проектов распределения селений по волостям. В губернском присутствии рассматривались жалобы на уездные съезды и мировых посредников, связанные с наделением крестьян землёй, уточнялись размеры земельных наделов и крестьянских повинностей за пользование ими².

Членами уездных мировых съездов были уездный предводитель дворянства, все мировые посредники и член от правительства³. В сферу деятельности мировых съездов входил разбор споров, возникавших из обязательных земельных отношений между помещиками и крестьянами, а также жалоб крестьян и сельских обществ на решения волостных сходов и действия волостных должностных лиц.

При всём значении губернского присутствия и мирового съезда в деле реализации положений 19 февраля 1861 г. главная роль принадлежала самой «близкой» к крестьянству власти. Она была представлена мировыми посредниками. В ходе реформы посредники должны были решать проблемы дворян-помещиков, временнообязанных крестьян и дворовых людей⁴.

Активная фаза формирования института мировых посредников в губер-

¹ Положение о Губернских и Уездных по крестьянским делам Учреждениях // ПСЗРИ, 2 собр. Т. XXXVI. Отд. I. № 36660. С. 202–218.

² Положение о Губернских и Уездных по крестьянским делам Учреждениях // ПСЗРИ. 2 собр. Т. XXXVI. № 36660. С. 216–218.

³ Положение о Губернских и Уездных по крестьянским делам Учреждениях // ПСЗРИ. 2 собр. Т. XXXVI. № 36660. С. 213.

⁴ Положение о Губернских и Уездных по крестьянским делам Учреждениях // ПСЗРИ. 2 собр. Т. XXXVI. № 36660. С. 204–207.

ниях началась весной 1861 г. Петербургская, Новгородская и Псковская губернии, входившие в северо-западный район, показали в деле образования мировых учреждений наиболее быстрые темпы в сравнении со многими губерниями империи. По данным периодической печати дворянству Тихвинского уезда «досталась честь первому в Империи заняться практическим разрешением вопросов, вызванных новым «Положением о крестьянах». В результате к концу марта в уезде были выбраны все 5 мировых посредников¹. В апреле – начале июня мировые посредники вступили в должность в остальных уездах губернии, а также в Псковской губернии². В Новгородской губернии «открытие мировых учреждений и утверждение общественных сельских управлений последовало в течение... июня месяца»³. Формирование института мировых посредников губернаторами на Северо-Западе происходило с серьёзными затруднениями, поскольку значительная часть поместного дворянства крайне негативно отнеслась к реформе. С таким настроением помещики вряд ли могли успешно выполнять функции мировых посредников. Многие дворяне считали «уничижительным» для себя занимать должность мирового посредника. В результате губернаторы постоянно писали в МВД о дефиците сторонников реформы среди дворян.

Чтобы ускорить формирование нового административного органа, губернаторам позволили назначать мировыми посредниками до их формального утверждения Сенатом дворян, находившихся либо на гражданской, либо на военной службе. В итоге из 30 назначенных мировых посредников Псковской губернии 18 человек прежде служили в армии; в Новгородской губернии из 41 мирового посредника 23 были раньше военными. В столичной губернии 16 посредников были представлены гражданскими лицами и 16 – бывшими военными⁴.

Правительство требовало от губернских властей ускорить процесс подбора кандидатов на должность мировых посредников. Губернаторы оказались в сложном положении, поскольку большинство землевладельцев- дворян северо-

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 73. С. 400.

² РГИА. Ф. 1181. Оп. 1 (XV), дела, не вошедшие в контрольный реестр. Д. 15. Л.427, 465, 744.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 52. Д. 9. Л. 18.

⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 123. Д. 72. Л. 2; Д. 79. Л. 1; Ф. 1341. Оп. 107. Д. 164.

западных губерний крайне враждебно приняли крестьянскую реформу. Глава Новгородской губернии В.И. Филиппович отметил, что он «стоит между двумя огнями, что с одной стороны, недовольное дворянство стреляет через него в правительство, а с другой стороны, правительство действует через него на дворянство» [6, с. 87]. Итогом такого положения, как считали современники, стало то, что подбор кандидатур для нового института власти оказался, практически, в руках помещиков. Так случилось в Демянском уезде, где помещики сами «баллотировали дворян и... представили список из четырех лиц». Многое зависело от позиции, которую занимали предводители дворянства. В Валдайском уезде «выбор мировых посредников произведен, – отметил В.И. Филиппович, – ... весьма удачно под влиянием господина П.П. Косаговского». В 1859–1862 гг. Косаговский был уездным предводителем дворянства¹.

Губернатор Псковской губернии В.Н. Муравьев попытался включить в списки кандидатов на должность мировых посредников дворян-землевладельцев, известных своими прогрессивными взглядами. Намерение губернатора было встречено в «штыки» реакционно настроенной частью дворян. Они подготовили и отправили в Земский отдел МВД жалобы на действия губернатора, обвинив его в «предвзятости». Особую враждебность псковские помещики проявили в отношении лейтенанта Голенищева-Кутузова, питавшего, по их мнению, «вражду к дворянству и заявившего себя сторонником одного сословия»². Это вынудило В.Н. Муравьева пойти на компромисс со своими оппонентами. «Долгом считаю представить, – писал он в МВД, – список мировых посредников по Псковской губернии с объяснением, которые из них лично мною избраны, а кто назначен из числа лиц, рекомендованных уездными... предводителями дворянства»³. Из 30 мировых посредников Муравьеву удалось назначить только пять, подобранных им людей: Н.А. Спешнева, Ф.Д. Голенищева-Кутузова, М.Е. Володимирова, П.Н. Болотникова и Г.Н. Сеславина. Из-за беспристрастного и честного исполнения своих обязанностей все они заслужено

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 52. Д. 6. Л. 11.

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. Д. 20. 1861 г. Л. 6, 11–12.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 123. Д. 79. Л. 12.

пользовались авторитетом у крестьян.

В Петербургской губернии местное поместное дворянство сыграло решающую роль в процессе подбора и назначения некоторых посредников гражданским губернатором М.И. Анисимовым¹.

В проектах, подготовленных Новгородским, Псковским и Петербургским губернскими комитетами для улучшения быта крестьян в период, предшествовавший крестьянской реформе, была четко изложена крепостническая позиция большинства помещиков. Недаром в значительной своей части представленные проекты были подвергнуты резкой критике в Редакционных комиссиях. Ознакомившись с проектом Петербургского губернского комитета И.И. Иванюков написал, что ни в одном из проектов «не выразились так ярко поползновения крайней помещичьей партии» [9, с. 35].

С началом кампании по формированию института мировых посредников у дворян-землевладельцев появилась реальная возможность «реванша» и «корректировки» на практике Положения 19 февраля 1861 г. Помещики поняли всю важность нового института в решении поземельных вопросов. Поэтому они стремились заполнить вакантные места своими людьми. И это им в значительной степени удалось.

Формирование новых крестьянских учреждений на Северо-Западе империи завершилось к лету 1861 г. В Новгородской губернии начали работать – 40, в Псковской губернии – 30 и в Петербургской – 32 мировых посредника.

Мировым посредникам «первого призыва» досталось наиболее сложное, трудоемкое и конфликтное дело – создание органов крестьянского самоуправления и составление уставных грамот. «Как велика предстоящая деятельность, можно судить по тому, – писал кандидат на должность мирового посредника В.Д. Куцен, – что в Новгородской малонаселенной губернии в одном Тихвинском уезде на пространстве 800000 десятин разбросано 1200 деревень бывших крепостных крестьян; следовательно, на каждого посредника придется 250 деревень. Если положить на каждую деревню по одному дню в году, то вот уже у

¹ Дневник мирового посредника Александра Андреевича Половцова // Русская старина. 1914. № 2. С. 102.

посредников и есть 250 рабочих дней. А мировые уездные съезды? А разбор тяжб, ссор, проверка уставных грамот и т. п.? – работы вдоволь»¹.

Контингент мировых посредников состоял из людей, придерживавшихся разных взглядов на крестьянскую реформу. На Северо- Западе, по мнению современников, в ряде уездов Псковской губернии преобладали либерально настроенные посредники. «Члены мировых учреждений, – информировал свое начальство полковник корпуса жандармов Ходкевич, – смело отстаивают гарантированные новым положением интересы крестьян и открыто противодействуют сторонникам старого порядка» [1, с. 94].

В записках С.И. Носовича, активно участвовавшего в проведении крестьянской реформы, содержатся обстоятельные характеристики мировых посредников Новгородской губернии. По его мнению, Старорусский уезд располагал наиболее либеральным составом посредников, которые были «защитником слабой стороны, против произвола и насилия». В Демянском, Новгородском и Крестецком уездах среди посредников преобладали сторонники консервативного лагеря: В.А. Тырков – «применяет свои личные соображения в ущерб крестьянам», П.Ф. Пущин – «толкует в Положении всякое, несколько сомнительное, место в пользу дворянского интереса», а И.Н. Шестаков – «большой крепостник» [6, с. 29–30, 49, 99].

В Петербургской губернии либералами прослыли мировые посредники Лужского уезда А.А. Половцов и А.Ф. Маркович.

В посредниках, неукоснительно следовавших букве закона, крестьяне видели единственного представителя власти, который мог дать отпор притязаниям бывших хозяев и защитить их от помещичьего произвола. Внимательный наблюдатель деревенской жизни мировой посредник «первого призыва» А.А. Половцов отметил преобладающую черту в настроениях крестьян. «На всех многочисленных сходах была явно заметна в народе жажда власти и покровительства. Сознывая вполне свою отрешенность от помещиков, – писал далее Половцов, – крестьяне инстинктивно искали прибежища в сфере админи-

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 73. С. 400.

стративной и, потеряв уважение к чинам полицейским, радовались званию мирового посредника и своим учреждениям, как дорогой находке, самим царем для них придуманной». «Мне, благодаря Богу, верили, – с облегчением констатировал Половцов, – и везде в разговорах с крестьянами я встречал радушие»¹.

Одной из первоочередных задач только что созданного института мировых посредников было создание органов крестьянского самоуправления на сельском и волостном уровнях. «Вслед за открытием волостных правлений, – писал один из посредников, – власти и учреждения потребовали сведений о недоимках, о продовольственных запасах, об учениках.... Потом началась паспортная переписка, выписки из ревизских сказок, статистика скота, лошадей и проч.хлопот и разъездов было очень много»².

В деятельности посредников значительное место занимали дела об освобождении крестьян от обязательных отношений к помещикам³, а также разбирательство споров о земле, приобретенной крестьянами на имя помещиков в дореформенный период. Как правило, посредники и их съезды отказывали крестьянам в их жалобах вернуть землю, когда купленную на имя своего помещика. Основанием для отказа служили документы, подтверждавшие право собственности помещиков на спорные земли⁴. Во всеподданнейшем отчете за 1862 г. петербургский губернатор граф А.А. Бобринский отметил, что «главное внимание мировых посредников было обращено на поддержание порядка и на неукоснительное исполнение крестьянами их повинностей в пользу помещиков»⁵.

Составление уставных грамот было важнейшей задачей мировых посредников. В этом деле они столкнулись с серьезными затруднениями. С одной стороны, помещики, никогда фактически не имевшие над собой контроля, использовали все возможности для сопротивления вмешательству посредников в их дела. Открытое нежелание помещиков составлять уставные грамоты объясня-

¹ Дневник мирового посредника Александра Андреевича Половцова // Русская старина. 1914. № 2. С. 300–301.

² Воспоминания мирового посредника Н.А.К. // Исторический вестник. 1904. № 7. С. 91.

³ Псковские губернские ведомости. 1861. № 38. С. 2, 5; Псковские губернские ведомости. 1861. № 41. С. 1; Псковские губернские ведомости. 1861. № 45. С. 3; Псковские губернские ведомости. 1861. № 50. С. 9.

⁴ Псковские губернские ведомости. 1861. № 39. С. 3; Псковские губернские ведомости. 1861. № 41. С. 3; Псковские губернские ведомости. 1861. № 46. С. 13.

⁵ РГИА. Ф. 1181. Оп. 1 (XV), дела, не вошедшие в контрольный реестр. Д. 16. Л. 472.

лось неподготовленностью всего помещичьего хозяйства к новым экономическим условиям. Кроме того, отсутствие оборотного капитала при использовании в хозяйстве наёмных работников понуждали дворян-землевладельцев, как можно дольше сохранять прежние отношения с крестьянами. С другой стороны, крестьяне также отказывались от составления и подписания уставных грамот. Преобладали две причины отказа. Иногда были конкретные поводы, когда крестьяне были недовольны выделенными полевыми наделами или размером повинностей. В некоторых случаях крестьяне были несогласны произведенным разверстанием угодий или перенесением усадеб. Иногда отказ крестьян от подписания уставных грамот связано было с ожиданием ими «новой воли», «мужичьей воли», «слушного часа», «казенного выкупа»¹.

Отсутствие опыта у посредников, иногда совершенное незнание ими крестьянского дела, а в отдельных случаях безответственное отношение к своим обязанностям или произвол сказывались на положении дел в мировых участках [4, с. 64–70; 5, с. 71–87]. Так князь В.Д. Путятин, занявший в Новоладожском уезде Петербургской губернии должность мирового посредника, неоднократно был обвинен в том, что «взыскивал сам оброки, и долгое время удерживал их у себя». Он заставлял крестьян подписывать бумаги, где было написано, что они не оброк заплатили, а якобы дали деньги ему взаймы². Подобного рода «операции» осуществлял в Новгородской губернии кандидат на должность мирового посредника Вомелкин³, и др. В результате губернская администрация вынуждена была ставить перед МВД вопрос об удалении от должности и наказании дискредитировавших себя мировых посредников.

Следует признать, что в начале деятельности института мировых посредников подобные случаи были достаточно редкими. В целом посредники «первого призыва» отличались деловитостью, чувством ответственности и достаточно высокими нравственными качествами. Это оценили, прежде всего, крестьяне. Не случайно по инициативе крестьян Крестецкого уезда Новгород-

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 52. Д. 26. Л. 2, 6; Псковские губернские ведомости. 1861. № 49. С. 1.

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1862 год. Д. 171. Л. 2, 12.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1861 год. Д. 167. Л. 23.

ской губернии, к которой присоединились и помещики, в сентябре 1863 г. был преподнесен мировому посреднику Н.Д. Косаговскому серебряный кубок с надписью «за справедливость и беспристрастие»¹.

Профессиональная деятельность мировых посредников, исполнявшим свои обязанности в точном соответствии с законом, нередко приводила к острым конфликтам с дворянами-помещиками. «Помещики, – отметил С.И. Носович, – пишут посредникам раздирательные, ужасательные и нередко ругательные прошения» [6, с. 189]. Уездные мировые съезды были завалены жалобами землевладельцев на действия посредников.

В борьбе против неугодных посредников местные помещики не гнушались применять самые неблагоприятные приемы. Чаще всего они использовали клевету. В Псковской губернии посредника Ф.Д. Голенищева-Кутузова, ранее бывшего предводителем дворянства Холмского уезда, обвинили в превышении власти. Предводитель дворянства Великолуцкого уезда Н.И. Саврасов 18 июня 1861 г. известил губернатора В.Н. Муравьева о том, что к нему обратились дворяне-помещики уезда с требованием отстранить мирового посредника Ф.Д. Голенищева-Кутузова «по личным неприязненным к нему отношениям» от всех дел, связанных с имениями. Голенищев-Кутузов сообщил губернатору, что подобную «чёрную метку» с требованием помещиков оставить должность получил его коллега мировой посредник Н.В. Гердзей. В июле 1861 г. В.Н. Муравьев обратился к министру внутренних дел П.А. Валуеву с просьбой защитить Голенищева-Кутузова. Псковский губернатор особо напирал на то, что если дело оставить «без последствий», то это приведет к новым «прискорбным столкновениям между дворянством и мировыми посредниками»².

В результате хорошо организованной помещиками травли Голенищев-Кутузов вынужден был отказаться от должности посредника.

«Добровольный» отказ посредника от должности земледельцы объяснили «нерасположением к нему помещиков»³. Крестьяне обратились с ходатай-

¹ Новгородские губернские ведомости. 1865. № 8.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 2. Д. 1064. Л. 92–94, 96–99, 125–127.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 123. Д. 19. Л. 1.

ством об оставлении в их участке мировым посредником «капитан- лейтенанта Голенищева-Кутузова». Но местными властями их ходатайство было оставлено без внимания.

Примерно такая же история приключилась с мировым посредником Опочецкого уезда Д.Н. Мильницким. Местные дворяне-помещики обвинили Мильницкого в том, что его деятельность «односторонняя и постоянно направлена ко вреду помещиков». В процессе развития конфликта Мильницкому был предъявлен уездным предводителем дворянства, опочецкими посредниками В.Н. Вакселем, И.Ф. Тихорским и 14 местными помещиками ультиматум, с требованием сложить с себя обязанности посредника. Помещики нередко прибегали к откровенному саботажу законных распоряжений мировых посредников, широко использовали грязную клевету и грубые оскорбления в их адрес. Осенью 1862 г. в Порхове на специально устроенном вечере около десятка дворян спровоцировали драку в ходе которой был жестоко избит мировой посредник М.Е. Володимиров, пользовавшийся авторитетом у крестьян. Инцидент был предан огласке, благодаря письму С. (свидетеля драки) в газету «Мировой посредник». Взбешенные порховские дворяне через «Весть» потребовали от редакции газеты открыть подлинное имя анонимного информатора (видимо, для того, чтобы «вразумить» его)¹.

В Новгородской губернии реакционно настроенные помещики обвинили посредника Демянского уезда П.Ф. Пущина в «слабоволии и нерадении», посредника Старорусского уезда Р.Х. Вейса в том, что он «в сообществе некоторых других посредников поставил своей целью защиту мнимо-обижаемых крестьян вопреки закону и справедливости». На каждом мировом съезде дворян Демянского уезда хорошо организованной травле подвергался мировой посредник А.Ф. Фон-Фрикен за свои прогрессивные взгляды и поддержку законных крестьянских требований [6, с. 66]². Мировой посредник Лужского уезда столичной губернии А.А. Половцов вынужден был уйти в отставку; дворянская молва обвинила его в подстрекательстве крестьян к «возмущению».

¹ Мировой посредник. 1862. № 25. С. 492–493; Весть. 1864. № 9. С. 8.

² Весть. 1863. № 9. С. 2.

Под давлением сформировавшейся враждебной обстановки в дворянской среде сочувственно настроенные по отношению к крестьянам, бескорыстно работавшие на основе действовавшего законодательства мировые посредники вынуждены были просить отставку и уходить со своей должности, часто – морально опустошенные. В результате число либерально настроенных посредников резко сократилось, что не могло не сказаться на качестве работы мирового института.

Неоднозначно складывались отношения мировых посредников и с сельскими жителями. В крестьянских обращениях в уездные и губернские учреждения значительное место занимали жалобы на неправильные действия посредников: наказание розгами, отобрание имущества неплательщиков, перенос домов с хозяйственными постройками по требованию помещика и пр.

Не доверяя, и подчас вполне справедливо, местным властям, крестьяне со своими проблемами сразу обращались в МВД. При этом они рассчитывали, что уж высшая власть обязательно решит дело в их пользу. Однако их жалобы удовлетворялись крайне редко. Если даже мировые посредники решали дело в пользу крестьян, исполнение этих решений всячески затягивалось местной полицией. «Вследствие уклонения власти исполнительной от содействия мировым учреждениям, – писал посредник А.Ф. Фон-Фрикен, – учреждения эти теряют доверие крестьян потому, что все взыскания с крестьян приводятся немедленно в исполнение через волостное и сельское начальство, тогда как в течение всей моей службы еще не одного взыскания, определенного мною с помещика и переданное на рассмотрение полиции, не было приведено в исполнение»¹.

Зимой 1861 г. Псковское губернское по крестьянским делам присутствие пригласило всех членов мировых съездов и посредников «на заседание Присутствия для совещания о результатах введения в действие уставных грамот»². Власти как в центре, так и на местах были обеспокоены недостаточно быстрыми темпами введения уставных грамот. Практически все грамоты, составленные помещиками, посредникам приходилось исправлять и проверять. В случае отказа

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 123. Д. 19. Л. 3.

² Псковские губернские ведомости. 1861. № 41. С. 1.

крестьян подписать и принять утвержденные уставные грамоты, к ним применялись нередко самые суровые меры, вплоть до телесного наказания [3, с. 48].

Чтобы ускорить составление и утверждение уставных грамот на места был разослан правительственный циркуляр, по которому мировым посредникам предоставлялось право самим оформлять документы по имениям, владельцы которых не представили их в установленный законом срок. В результате составление и утверждение уставных грамот пошло быстрее¹.

К 1 января 1863 г. псковскими крестьянами было подписано 4959 уставных грамот или 74,7 % от общего числа грамот, что значительно превышало общероссийский средний показатель в 42 %. В Петербургской губернии было подписано крестьянами 700 уставных грамот, что составляло 57,5 % общего их числа. В Новгородской губернии крестьяне подписали 1463 уставные грамоты, что составило чуть более 56 % всего их количества. Таким образом, мировые посредники 3-х северо-западных губерний страны, не сумели ввести в действие уставные грамоты в установленный законодательством срок в 2 года. Фактически для завершения дела понадобился еще один год. В Петербургской губернии уставные грамоты были полностью введены к апрелю, в Псковской – к ноябрю 1863 г. В Новгородской губернии грамоты были введены после ноября².

Рост противостояния между помещиками и крестьянами в период составления и введения уставных грамот не мог не сказаться на содержании работы большинства мировых посредников. Сословная принадлежность, преобладающее мнение дворянского общества, карьерные соображения и меркантильные интересы зачастую определяли характер деятельности посредников. Они шли на нарушение закона, утверждая уставные грамоты, составленные с многочисленными нарушениями, систематически практиковали отрезку земель от крестьянских наделов. Земледельцы лишались лугов, леса, более плодородной или выгодно расположенной земли. В интересах помещиков и с санкции посредников осуществлялся перенос на новые места крестьянских дворов, что имело негативные последствия для крестьянского хозяйства. С введома мировых по-

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1862. № 181. С. 780.

² РГИА. Ф. 1181. Оп. 1 (XV). 1863 год. Д. 181. Л. 97, 301, 320.

средников земли, приобретенные крестьянами в дореформенный период на имя помещиков, нередко включались в границы обязательного надела.

И тем не менее, поток жалоб помещиков на действия мировых посредников не ослабевал. В 1869 г. Петербургское по крестьянским делам присутствие рассмотрело 180 жалоб на действия мировых посредников и 106 – на мировые съезды. Из них 6 жалоб было от крестьян на ошибочное разверстание земли и 27 крестьянских жалоб на неправильное составление уставных грамот и владенных записей. «Большинство же жалоб, которые были принесены на мировых посредников, заключались в бездействии их, по ходатайствам владельцев, о взыскании причитающихся им с крестьян оброков»¹.

В сентябре 1868 г. член от правительства при 3-х мировых съездах Псковской губернии К. Меккер посетил Холмский, Торопецкий и Великолуцкий уезды. Целью поездки было ознакомление с положением в крестьянских волостях. Меккер пришел к выводу, что помещики нарезали крестьянам земли «какие пожелали, и никто из мировых посредников не поверял на месте действия их в этом отношении»². «Прославились» своим произволом в отношении крестьян мировые посредники Холмского уезда Н.П. Гаевский, Н.И. Коведяев и Н.Я. Полибин. «Белой вороной» среди них был В.Н. Голенищев-Кутузов, но после вынужденной отставки в 1863 г. его должность занял Калитин, отличившийся тем, что в мировом участке «уничтожил все наделы и нарезал новые наделы сам лично..., включив в удобные земли все места, признанные землемером Блохиным неудобными»³. Это был не единственный «подвиг» Калитина. Он отдал 480 руб., полученных от уездного земства для покупки лошадей безлошадным крестьянам «таким домохозяевам, которые имеют по несколько лошадей, лишив через это остальных крестьян лошадей»⁴. Когда к посреднику Н.П. Гаевскому обратились крестьяне с жалобой на неправильную нарезку земли местным помещиком, тот заявил, что помещик имел на это право.

В 1864–1874 гг. после составления и введения уставных грамот мировые

¹ РГИА. Ф. 1181. Оп. 1 (XV), дела, не вошедшие в контрольный реестр. Д. 22. Л. 461–462.

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1868 год. Д. 251. Л. 156.

³ Там же. Л. 180.

⁴ Там же. Л. 185.

посредники стали заниматься делами по опекам, о предоставлении пособий крестьянам при наводнениях, эпизоотиях, пожарах и неурожаях. Происходило сокращение числа мировых участков. К маю 1864 г. в Новгородской губернии было сокращено 18 из 47 мировых участков, в Петербургской – 9 из 36 и в Псковской – 3 из 30¹. На рубеже 60–70-х гг. на посредников правительством был возложен надзор за хлебозапасными магазинами, утверждение в должности полевых и лесных сторожей, охрана казенных лесов.

Основная функция посредников «второго призыва» – взыскание крестьянских недоимок. Розги, штрафы, продажа крестьянского имущества – таковы аргументы, использовавшиеся посредниками в отношении злостных неплательщиков. Так в Порховском уезде Псковской губернии мировой посредник Баранов не остановился на «продаже имущества из-за неплатежа оброчной недоимки». В результате дело дошло до использования военной команды. Благодаря настойчивости посредника, наиболее упорствовавшие в неплатежах крестьяне, были отданы под суд, шестеро из них оказались в остроге². Неэффективная, в целом, деятельность посредников при сборе налогов подвигла губернатора Псковской губернии Б.П. Обухова и Новгородской губернии Э.В. Лерхе поднять вопрос о ликвидации мирового института и о передаче полиции дел по взысканию недоимок³ [7, с. 52]. Позиция губернаторов Северо-Запада в отношении института мировых посредников полностью совпадала со взглядами петербургской бюрократии⁴. 27 июня 1874 г. император Александр II подписал разработанное в недрах Земского отдела «Положение об изменениях в устройстве местных учреждений по крестьянским делам»⁵. Институт мировых посредников был упразднён, а функции мировых посредников были переданы полиции, уездным по крестьянским делам присутствиям и непременным членам присутствий.

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 129. Д. 146. Л. 130.

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 52. Д. 26. Л. 32; Д. 129. Л. 1; Оп. 53. Д. 253. Л. 1.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 1. Д. 3591, Л. 119.

⁴ Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70-е гг. XIX в.). Л., 1972. С. 62–66.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XLIX. Отд. I. №55678. С. 929–934.

Литература

1. *Дейч Г.М.* Ближайшие результаты проведения реформы 1861 г. в Псковской губернии по данным уставных грамот // Ученые записки Псковского пединститута. Псков, 1957. Вып. 4.
2. *Дружинин Н.М.* Главный Комитет об устройстве сельского состояния // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971.
3. *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. М., 1978.
4. *Жданович Л.Н.* К вопросу об отношениях мировых посредников и крестьян в северо-западных губерниях России // Северо-Запад в аграрной истории России: сб. науч. тр. / Под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2003.
5. *Никулин В.Н.* Мировые посредники, помещики и крестьяне Северо- Запада России в 1861–1874 годах / Северо-Запад в аграрной истории России: сб. науч. тр. / Под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2003.
6. *Носович С.И.* Крестьянская реформа в Новгородской губернии. Записки С.И. Носовича. 1861–1863. СПб., 1899.
7. *Чернуха В.Г.* Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70-е гг. XIX в.). Л, 1972.
8. *Чернуха В.Г.* Из истории государственных учреждений: Главный комитет об устройстве сельского состояния. 1861–1882 // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVIII. Л., 1982.
9. *Иванюков И.И.* Падение крепостного права в России. СПб., 1903.

© Никулин В.Н., 2023

**«А ПОСЕМУ...ВЫШЕИЗЛОЖЕННОМУ...ЧЕСТЬ ИМЕЮ ДОНЕСТИ...»
РОЛЬ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОЛОСТНОГО ПРАВЛЕНИЯ
В СБОРЕ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)**

В статье рассмотрены некоторые аспекты деятельности волостной администрации в системе сбора урожайной статистики Центрального Статистического Комитета МВД. Анализируется порядок организации сбора первичных данных об урожае на местах.

Ключевые слова: волостное самоуправление; сельскохозяйственное производство; урожайная статистика.

Созданное в ходе реформы 1861 г. крестьянское самоуправление представляло собой не просто корпоративную организацию; оно выполняло ряд государственных функций, в большей степени относящихся к волостному уровню. Одной из задач, стоявших перед волостным правлением, являлось предоставление сведений, касавшихся различных сторон жизни волости, по запросам вышестоящих органов и учреждений. Особое место в ряду доставляемых данных занимали сведения об урожае хлебов и прочих культур. Статистика урожаев являлась важнейшей отраслью экономической статистики, на основе которой правительство делало выводы о положении хлебной промышленности, решало проблемы связанные с обеспечением населения продовольствием и т.д.

Стоит отметить, что в пореформенную эпоху в Российской империи начинает функционировать несколько урожайных статистик: данные о годовых итогах сельскохозяйственного производства собирались Министерством Земледелия, земствами, и Центральным Статистическим Комитетом МВД [4, с. 194]. Однако, из представленных выше систем сбора статистических данных именно работа ЦСК в полной мере была организована с опорой на органы местного крестьянского самоуправления.

Исследование деятельности волостных правлений в системе ЦСК МВД,

¹ Никитина Наталья Павловна, кандидат исторических наук, Псковский государственный университет, npnikitina@gambler.ru, Россия, г. Псков; Григорьев Дмитрий Павлович, аспирант, Псковский государственный университет, grigorievdp11@mail.ru, Россия, г. Псков.

в целом, протекало в русле изучения истории урожайной статистики, оценки ее достоверности и критики как исторического источника. Можно выделить несколько работ, уделяющих особое внимание сбору первичных данных об урожае [1, с. 35–39; 2, с. 92–99; 3, с. 81–97; 7, с. 28–30]. Более полный анализ указанных выше исследований представлен в статье И.А. Кузнецова [4]. Необходимо указать, что данное исследование имеет целью отразить деятельность волостной администрации в процессе сбора статистических данных, не затрагивая вопрос об итоговом качестве проводимых обследований и достоверности сведений ЦСК МВД. На основе архивных материалов предпринята попытка заполнить ряд лакун, имеющих место в историографии по данной проблеме в контексте описания методического обеспечения деятельности по сбору и предоставлению сведений, механизма контроля за выполнением данных работ, описание путей решения проблем, связанных с реализацией сбора на местах.

Вопрос о роли волостного управления в сборе первичных данных для статистического анализа также поднимался земцами. В 1881 г. деятели Псковского земства отмечали необходимость организации взаимодействия с волостными правлениями, с целью сбора сведений о состоянии крестьянского хозяйства и его улучшения¹. Примечательно, что земские служащие отлично осознавали то обстоятельство, что волостное самоуправление де-факто являлось не столько органом крестьянского самоуправления, сколько «...органом администрации, действующей в крестьянской среде»². Фактически все взаимодействия с крестьянами со стороны уездных, губернских властей осуществлялись через волостное правление. Причина этого крылась не только в традиционной системе коммуникаций в рамках государственного управления, когда распоряжения спускаются сверху вниз по подчиненным инстанциям, но и в элементарной способности должностных лиц, избранных сельским самоуправлением, понять и ответить на запрос, идущий сверху в виде «официальной бумаги». Отметим, что уровень грамотности населения Российской империи был крайне низким. В 1913 г. грамотность по России составляла среди мужчин 54%, а женщин

¹ Волостное правление, как орган земской статистики. Псков, 1881.

² Волостное правление, как орган земской статистики. С. 1.

26% [5, с. 265], при этом в сельской местности он был значительно ниже городского уровня. В Псковской губернии по переписи 1897 г. из числа сельских жителей грамотными являлось только 20% мужчин и 5% женщин¹. Естественно, что в таких условиях прямое взаимодействие органов власти и земства с крестьянами было затруднено.

Таким образом, волостное правление в определенной степени аккумулировало на себе функции контакта между крестьянским и государственным «мирами». Возникает вопрос о том, кто непосредственно осуществлял данный «контакт». Несомненно, что волостной старшина, как глава волостного управления, отвечал за это, но всю документацию вели волостные писари, которые не входили в состав лиц крестьянского самоуправления, а являлись вольнонаемными служащими.

Как уже отмечалось выше, создание системы урожайной статистики ЦСК должно было способствовать определению объемов производства и положения дел в сельском хозяйстве и главное – организации продовольственной безопасности населения. Для решения этих задач ЦСК осуществлял три постепенно внедрявшихся вида работ: 1) Сбор данных об средней урожайности культур; 2) Выяснение площади, находящейся под посевом различных культур; 3) Исследование видов на урожай. Составляя основу урожайной статистики ЦСК, первый и второй виды исследований сообщали ряд первичных показателей и после проведенных вычислений давали сведения об посевных площадях, объемах высева, валовом и чистом сборах зерна. Подобный принцип организации урожайной статистики был предложен П.П. Семеновым, еще в 1866 г.², однако полноценно использоваться стал лишь с 1880 г. При сборе сведений о сельскохозяйственном производстве ЦСК выделял две категории угодий – «владельческие» и «крестьянские надельные». Если владельческие хозяйства оказывались в ведении станowych приставов, то в сборе информации о крестьянских надельных хозяйствах ЦСК полностью опирался именно на волостные органы

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Псковская губерния. Том XXXIV. Тетрадь II. СПб., 1904. С. XI.

² Временник Центрального Статистического комитета. СПб. 1866. С. XXII.

самоуправления.

Первым видом статистических работ, введенным на регулярной основе с 1880 г., стал ежегодный сбор данных о средней урожайности культур в разных регионах. Детали в его организации на локальном уровне можно проследить, обратившись к документации, хранящейся в фонде Губернского статистического комитета (далее – ГСК) в Государственном архиве Псковской области (ГАПО). ГСК руководили проведением в жизнь ЦСКМВД на губернском уровне, осуществляли доведение циркуляров ЦСК до волостных правлений и контролировали их работу. Так, в ГАПО сохранился ряд дел, посвященных ежегодному сбору сведений для урожайной статистики, содержащих в себе циркуляры вышестоящих органов, переписку ГСК с волостными правлениями, доклады волостных правлений об итогах работ, образцы вопросных бланков, инструкции для лиц, собирающих сведения¹.

Ежегодно весной (перед началом посевных работ) в канцелярию Псковского губернатора поступали циркуляры ЦСК, с требованием организовать сбор статистических сведений об урожае текущего года². В них уточнялся порядок сбора данных, отмечались какие-либо изменения в методике сбора или же особо указывалось, что порядок сбора в текущем году остается неизменным. К циркулярам прикладывались образцы вопросных бланков для ознакомления с ними членов ГСК. Также определялись сроки, в которые в текущем году необходимо предоставить сведения по урожаю озимых и яровых культур. В обязанности ГСК вменялся контроль за своевременностью предоставления данных от волостных правлений³.

Далее, в конце мая – июле каждого года, в период проведения посева яровых, в ГСК поступали циркуляры, с приложенными вопросными бланками и наставлениями по их заполнению. Приводился расчет количества волостей и бланков, отправленных в губернию⁴. Бланки рассылались уездным исправникам, которые в свою очередь распределяли их по волостным правлениям. Таким об-

¹ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 23. Оп. 1. Д. 106, 119, 268, 272, 344, 420, 495.

² ГАПО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 106. Л. 42.

³ Там же. Д. 344. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 106. Л. 12, 19, 34.

разом, уже к окончанию посева яровых и сенокосу в каждое волостное правление должны были поступить по 12 вопросных бланков (половина – для описания урожая яровых, вторая – для озимых). В качестве исследуемой единицы в волости выступали 6 крестьянских хозяйств, членами волостного самоуправления должны были быть выбраны 2 крупных, 2 средних и 2 мелких крестьянских хозяйств. Конкретные параметры выбора исследуемых хозяйств не оговаривались и оставлялись на усмотрение волостных правлений. В наставлениях о сборе сведений лишь отмечалось: «чтобы намеченные хозяева были людьми толково ведущими свое хозяйство, притом были бы в состоянии дать точные ответы на все предложенные в листке вопросы в той форме, которая требуется, и вообще были надежными, на показания которых можно вполне положиться»¹. Таким образом отбор хозяйств для обследования был полностью в ведении волостной администрации.

Особо отмечалось, что «заполнение граф листов без личного участия хозяев не должно иметь место»², поскольку существовала практика заполнения бланков волостными правлениями без участия крестьян, а возможно порой и просто совершенно произвольным данными. Так Н.М. Виноградова в своей статье, отмечала что вопросные листки нередко бывали заполнены одинаковым почерком [1, с. 39].

В августе – сентябре, после завершения уборки урожая яровых и озимых, волостные правления приступали к сбору заполненных бланков.

Если обратиться непосредственно к вопросным бланкам об урожае, то можно отметить, что волостные правления при работе с крестьянами должны были собрать следующие первичные данные:

- Посевная площадь или часть ее, под хлебом или иной культурой, площадь сенокоса, в обследуемом хозяйстве;
- Высеяно зерна или иной культуры, на указанной выше площади;
- Сбор зерна или иной культуры, сена и соломы, с указанной площади;
- Вес четверти хлеба, иной культуры, сена и соломы в пудах;

¹ ГАПО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 344. Л. 4.

² Там же.

– Причины неурожая в текущем году¹.

Таким образом, сведения о посеве и сборе привязывались не к единице поземельной меры, а к действительной площади, состоявшей в данном хозяйстве под посевом той или иной культуры². Как для озимых, так и для яровых, вверху, на указанном месте в бланке надписывалось название губернии, уезда, волости и селения, в котором проживает крестьянин, дающий показания. В конце бланка крестьянин и волостной старшина оставляли свои росписи. Стоит отметить, что для волостных служащих и крестьян на обратной стороне каждого бланка были дополнительно даны детальные разъяснения каким образом их следует заполнять. Уже в ЦСК производились вычислительные работы, когда на основе заполненных бланков из шести крестьянских хозяйств вычислялись средние показатели посева и сбора зерна на 1 десятину в данной волости.

Особый интерес в рамках данного исследования представляют конкретные приемы сбора статистических данных волостными служащими.

На текущий момент представляются возможными несколько основных путей сбора первичных материалов:

- 1) Раздача опросных бланков для заполнения в конкретные крестьянские хозяйства. После заполнения бланки собирались и отправлялись в ЦСК;
- 2) Опрос крестьян из конкретных хозяйств или опрос присутствующих на сходе. Самостоятельное заполнение бланков писарем;
- 3) Опросные бланки заполнялись непосредственно писарем в волостном правлении, на основании его субъективных оценок урожая в данной местности (по слухам, расспрашивая отдельных крестьян, отталкиваясь от прошлогодних показателей и т. д.).

Интерес могут представлять рапорта волостных правлений в ГСК, в которых они докладывали об отправке сведений об урожае в ЦСК. В данных документах можно встретить упоминания о том, что волостные правления как раздавали крестьянам бланки для заполнения, так и самостоятельно заполняли их

¹ Там же. Л. 5.

² Юбилейный сборник Центрального статистического комитета МВД. 1963–1913. СПб., 1913. Отдел III, С. 30.

после опроса выбранных хозяев¹. Так или иначе, этот процесс всецело зависел от органов крестьянского самоуправления.

После неурожая 1891 г. правительством были предприняты шаги по усилению контроля за работой по предоставлению сведений об урожае. Прежде всего, стоит отметить формирование системы контроля за сроками предоставления данных, надзорные функции в данном вопросе исполнял как ЦСК, так и ГСК, в которых составлялись табличные поволостные ведомости о получении урожайных данных. В случае неисполнения поручения в срок ЦСК и ГСК поручали организацию расследования на местах. Более того ЦСК потребовал от губернских властей, чтобы работа волостных правлений по раздаче и сбору вопросных бланков на постоянной основе контролировалась земскими начальниками, которые должны были проследить за скорейшим выполнением работ и отправкой сведений в ЦСК². Неисполнение обязанностей влекло за собой наказание служащих органов крестьянского самоуправления. ГСК поручал земским начальникам проведение расследования, по итогам которого определялся характер взыскания. Так, земский начальник 3-го участка Новоржевского уезда докладывал в ГСК, что: «за неточное исполнение предписания губернского начальства, Дворицкий волостной писарь Василий Иванов подвергнут штрафу в размере трех рублей»³.

Помимо этого, можно обнаружить не только стремление к контролю за сроками подачи данных, но также и за их качеством. ЦСК требовал предоставить сведения об урожае в крестьянских хозяйствах не только волостное правление, но и земских начальников, членов земских управ и земских гласных, отправляя им дополнительные вопросные бланки с целью проверки данных из волостей и получения насколько возможно точных сведений о состоянии урожая в данной местности⁴.

В качестве одной из проблем, препятствовавших качественной работе волостных органов самоуправления и в том числе сбору статистической инфор-

¹ ГАПО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 272. Л. 13, 55, 89.

² ГАПО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 106. Л. 23.

³ Там же. Д. 307. Л. 204.

⁴ Там же. Л. 33.

мации, исследователи отмечают чрезмерно большое количество задач, стоявших перед ними. Иллюстрацией к этому может служить тот факт, что в волостных правлениях Псковской губернии делопроизводство, ведущееся писарем, могло составлять до 14 различных книг и журналов (книги мирских сборов, переходящих сумм, подворная, приговоров сельских и селенных сборов и т. д.). Такой большой объем документации приводил к тому, что крестьяне нанимали в волостное правление не только писаря, но и его помощников. Земский начальник 2-го участка Островского уезда Псковской губернии отмечал, что в уезде волостные правления укомплектованы одним писарем, при котором состояло три помощника, что должно было способствовать решению поставленных задач [6, с. 46].

Помимо этого, ЦСК стремился хотя бы частично ограничивать нагрузку на волостные правления, связанную со сбором статистической информации. ЦСК запрещал губернским статистическим комитетам требовать от волостных правлений изготовления копий первичных данных собираемых для исследований, проводимых ЦСК МВД; в первую очередь, это требование касалось именно сбора данных об урожае. Кроме того, губернским статистическими комитетами было запрещено собирать какие-либо сведения без согласования с ЦСК и предоставления в ЦСК программ проводимых обследований¹.

Существовала проблема отсутствия единообразной системы измерения урожая хлеба. В частности, А.Ф. Фортунатов в своей работе «Урожайи ржи в Европейской России», отмечает, что в ходе проведенного им исследования в разных местностях удалось насчитать 56 единиц измерения используемых площади посевов, 36 единиц измерения для хлеба, сжатого в снопы, 37 единиц измерения для объемного и 13 для весового измерения хлеба [7, с. 1, 215–224]. В разных хозяйствах используются меры объема или же меры веса для учета урожая. Иногда встречается использование как весовых, так и объемных мер. Нередко крестьяне вели учет урожая в снопах сжатого хлеба, вовсе не имея представления о весе собранного хлеба в пудах. Стоит отметить широкое ис-

¹ ГАПО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 106. Л. 38.

пользование методики подсчета урожая «сам – столько- то», когда крестьянин имел представление соотношении о количества собранного зерна к посеянному. Очевидно, что подобный способ не давал возможности для подсчета валового сбора зерна. Но наибольшую проблему собой представляло измерение площадей посева. В своей работе Фортунатов для одной только десятины приводит 16 ее вариаций, изменявшихся в зависимости от местности.

Можно также отметить, что получение данных в положенные сроки было затруднено, поскольку обмолот собранного с полей хлеба происходил в течение года, по мере необходимости, т.е. производитель хлеба после завершения жатвы имел лишь приблизительное представление о количестве полученного урожая. Выходом являлись пробные умолоты с части посевной площади, которые давали некоторое представление об урожае в хозяйстве. ЦСК в циркулярах регулярно указывал на необходимость использования практики пробных умолотов для ускорения подачи сведений¹.

Еще одной проблемой, которая могла препятствовать сбору первичного статистического материала, являлась квалификация волостных служащих и их умение организовать данную работу. Эти факторы, оказывавшие существенное негативное влияние на качество работы волостных правлений, особо подчеркивает М.А. Давыдов [3, с. 81–97]. Однако обращаясь к документам делопроизводства земств и земских начальников, можно также неоднократно встретить дела о представлении волостных старшин и писарей к награждению медалями, денежному премированию², положительные характеристики на лиц местного самоуправления. Так земский начальник 1- го участка Великолукского уезда характеризуя писаря Максимовской волости Ивана Борисова в представлении указывал: «Состоит в должности с 1893 года. К службе относится в общем усердно, службу знает и является опытным писарем. Человек способный, трезвого поведения и с самостоятельным характером почему в волостном правлении и суде является авторитетом»³. Представляется, что на сегодняшний день

¹ ГАПО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 106. Л. 19, 24; Д. 344. Л. 1, 4.

² ГАПО. Ф. 78. Оп. 10. Д. 75.

³ Там же. Оп. 8. Д. 92. Л. 5.

вопрос о квалификации должностных лиц местного самоуправления однозначного ответа все-таки не имеет.

Стремясь преодолеть данные затруднения, ЦСК предпринимались попытки сопроводить вопросные бланки методическим и инструктивным материалом, поясняющим порядок организации сбора данных в волости. Помимо этого, стоит помнить, что сбор сведений об урожае каждый год выпадал на конец лета – начало осени, естественно совпадая с периодом уборки урожая. Устоявшиеся сроки проведения данных работ также способствовали тому что для волостного писаря они не являлись незапланированным и неосвоенным видом работ, при добросовестном исполнении своих обязанностей членами волостных правлений, к сбору сведений об урожае возможно было подготовиться заранее¹. Также стоит помнить, что волостному правлению, для сбора сведений, было необходимо выбрать лишь 6 хозяйств на вверенной территории, способных дать данные об урожае, и договорится с ними о их получении. Возможно было взаимодействие с этими же хозяевами на протяжении ряда лет, чему опять же способствовало достаточно единообразное собирание данных на протяжении многих лет.

Таким образом, мы можем говорить о том, что служащие волостных правлений, прежде всего писари выступали, в роли правительственных агентов статистических служб, предоставляя первичные данные при обследованиях, проводившихся правительством. Таковыми они становились как в силу своих должностных обязанностей, определенных еще «Общем положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», так и в силу своей грамотности. Получение качественных первичных статистических данных полностью зависело от местной администрации и компетентности ее сотрудников.

Более того, можно сказать, что органы волостного самоуправления были встроены в определенную систему получения данных об урожае. Работы проводились ежегодно, порядок их проведения был достаточно устойчивым и не претерпевал существенных изменений, как минимум с 1895 по 1915 г. Выше-

¹ Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 344. Л. 332–334.

стоящие органы власти осуществляли контроль за сроками подачи данных и, по возможности, за их достоверностью. В то же время ЦСК стремился улучшить качество проводимых работ, инструктируя волостных служащих посредством наставлений, ограничивая нагрузку на волостные правления со стороны ГСК.

Служащие волостной администрации не являлись членами крестьянской корпорации, поэтому были «свободны» в отношении оценки видов на урожай, вместе с тем не всегда они были выходцами из крестьянской среды или обладали какими-либо агрономическими знаниями, чтобы предоставить «качественные» ответы на опросные бланки. Объективность собираемой информации во многом обеспечивалась и тем обстоятельством насколько волостному писарю удавалось установить контакт с крестьянским сообществом, учесть традиционную крестьянскую черту «опасение начальства».

Литература

1. *Виноградова Н.М.* Русская урожайная статистика (организация и методы) // Вестник статистики. 1925. № 10–12. (Кн. XXIII). С. 29–84.
2. *Виноградова Н.М.* Русская урожайная статистика (организация и методы) // Вестник статистики. 1926. № 1–6. (Кн. XXIV). С. 51–104.
3. *Давыдов М.А.* Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте-Столыпина. СПб., 2016.
4. *Кузнецов И.А.* Русская урожайная статистика 1883–1915 гг.: источник в контексте историографии // Экономическая история: Ежегодник. 2012. С. 190–228.
5. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Т. 2. Изд. 3-е. СПб., 1999.
6. *Никитина Н.П.* Волостные писари в социальном пространстве псковской деревни второй половины XIX – начала XX вв. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2014. №41. С. 42–49.
7. *Фортуатов А.Ф.* Урожай ржи в Европейской России. М., 1893.

© *Никитина Н.П., Григорьев Д.П., 2023*

**НЕКОТОРЫЕ ШТРИХИ К ЭВОЛЮЦИИ КРЕСТЬЯНСКИХ ОБЩИН
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.:
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

В статье рассмотрены некоторые особенности эволюции крестьянских общин Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. Особое внимание уделено показу распада конфессионально и этнически смешанных поселений на автономные сельские общества, отражено отношение к данному явлению властей разного уровня.

Ключевые слова: Среднее Поволжье; земельная община; этническая мобилизация.

Во второй половине XIX – начале XX в. многонациональное Среднее Поволжье входило в состав обширной зоны Российской империи, где безраздельно доминировало общинное землевладение. Оно было присуще всем проживающим здесь этническим группам крестьянского населения. Оценочно-статистическое бюро Казанского губернского земства в 1906 г. зарегистрировало в административно-территориальной единице 2 992 земельные общины, в том числе у марийцев – 135 (4,5%), у мордвы – 14 (0,5%), у русских – 1 377 (46%), у татар – 763 (25,5%), у удмуртов – 19 (0,6%), учувашей – 452 (15,1%), у хлебопашцев, хозяйствовавших в сельских сообществах совместно с представителями других этносов (далее – «смешанные») – 232 (7,8%)². Согласно данным земской подворной переписи 1910–1911 гг., в Симбирской губернии функционировало 2 549 крестьянских земельных союзов. Из их числа мордве принадлежало 139 (5,5%) общин, русским – 1 975 (77,5%), татарам – 121 (4,7%), украинцам – 1 (0,0%), чувашам – 272 (10,7%), «смешанным» – 41 (1,6%)³. Поздние поселенцы в лице белорусов, латышей, литовцев, эстонцев и основной части украинцев на территории указанных административных единиц вели по-

¹ Николаев Геннадий Алексеевич, кандидат исторических наук, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, nicga50@rambler.ru, Россия, г. Чебоксары.

² Подсчитано по: Крестьянское землевладение Казанской губернии. Свод по губернии. Казань: Литотип. И.Н. Харитонова, 1909. Вып. 13. С. 102, 103.

³ Подсчитано по: Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Симбирск: Тип. «Работник» М. Иванова и К^о; А.П. Балакирщикова; Типолитограф. губерн. правления, 1913–1915. Вып. 1–8. Раздел I.

левое хозяйство или на купчих, или на арендованных, или и на купчих, и на арендованных землях.

На Средней Волге получили распространение все три типа крестьянских сообществ: и простые, и отдельные, и сложные (составные, федеративные). Но их соотношение у этнических групп хлебопашцев в силу множества факторов и условий, сложившихся исторически, было разным. В 1906 г. в Казанской губернии, как явствует из данных земского обследования крестьянских хозяйств, у марийских хлебопашцев земельные общины были преимущественно сложными (60,7%; простые – 38,5%, отдельные – 0,8%), у мордовских – преимущественно простыми (71,4%; отдельные – 21,4%, сложные – 7,2%), у русских – преимущественно простыми (60,5%; отдельные – 37%, сложные – 2,5%), у татарских – главным образом простыми (95,2%; отдельные – 0,9%, сложные – 3,9%), у удмуртских – главным образом простыми (89,5%; сложные – 10,5%), у чувашских – сложными (50,2%) и простыми (49,8%), у «смешанных» – преимущественно простыми – (71,6%; отдельные – 1,7%, сложные – 26,7%)¹. По Симбирской губернии картина была несколько иной. Здесь мордовские крестьяне хозяйствовали главным образом в составе простых общин (95,7%; отдельные – 4,3%), русские – отдельных (59,4%) и простых (40,6%), татарские – простых (57,9%) и отдельных (42,1%), чувашские – главным образом простых (93,7%; отдельные – 6,3%), украинские (представлены жителями д. Отрадная Сызранского уезда) – простой (100%), «смешанные» – главным образом простых (97,5%; отдельные – 2,5%)².

Отмена крепостного права и реализация других буржуазных реформ дали новый импульс эволюции крестьянских общин. В условиях роста численности сельского народонаселения и дробления больших неразделенных семей в части сел и деревень хлебопашцы стали находить обременительным вхождение в административном отношении их населенных мест в единое с соседними населенными местами сельские общества. Так, 31 января 1889 г. жители с. Тюрлема и расположенной в одной версте от него д. Новая Тюрлема Чебок-

¹ Подсчитано по: Крестьянское землевладение Казанской губернии. Свод по губернии. Вып. 13. С. 102, 103.

² Подсчитано по: Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Вып. 1–8. Раздел I.

сарского уезда Казанской губернии единогласно постановили разделить свое сельское общество на две автономные составляющие. На такой шаг чувашских крестьян подтолкнули следующие причины: сложность созыва мирских сходов в зимнюю стужу, а также в весеннюю и осеннюю распутицу; растущая нагрузка по сбору податей и «других денежных повинностей», падающая на сельского старосту и сборщика податей¹. Число сельских административных единиц увеличивалось и за счет учреждения в отдельных поселениях, в силу назревшей необходимости, новых сельских обществ. Дворохозяйства д. Кузьминка Ардатовского уезда Симбирской губернии размещались по обоим берегам реч. Меня на расстоянии одной версты друг от друга. Каждую весну здесь вешние воды сносили мост, лишая однообщинников возможности контактировать друг с другом. На надельной и купчей землях русские хлебопашцы левобережья и правобережья хозяйствовали порознь. На разных полях паслось и их общественное стадо. Будучи относительно автономными в хозяйственно-экономическом плане, проживающие на разных берегах речки крестьяне сочли необходимым стать таковыми и в административном отношении. 4 мая 1912 г. сельчане составили мирской приговор об учреждении в поселении второго по счету сельского общества². Согласно свидетельству современника, в пореформенное время сельские сходы созывались от двух до пяти раз в месяц, «смотря по текущим делам и нуждам»³. В эпоху рыночных отношений хлебопашец стал больше, чем прежде, дорожить временем.

Закрепление де-юре за сельскими обществами в собственность надельной земли не могло не сказаться на их эволюции и как земельных союзов. Новая правовая реальность заметно облегчила крестьянам защиту полученных владений от притязаний других хозяйствующих субъектов. Более того, она изменила их отношение к общему «имению». Отдельные сельские общества, преследуя цель эффективно эксплуатировать свои наделы, на участках, отстоявших на

¹ Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. 17. Оп. 1. Д. 3784. Л. 2, 2 об.

² Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. 83. Оп. 25. Д. 157. Л. 2, 6 об.

³ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Казанская губерния. Спасский и Лаишевский уезды. Казань: Центр русского фольклора, 2017. Т. 9. С. 26.

значительном расстоянии от поселений, стали основывать новые выселки. Так, в 1867 г. выходцы из русско- чувашского с. Байглычево Тетюшского уезда Казанской губернии на принадлежащей сельскому обществу надельной земле, расположенной в 5 верстах от него за р. Була, основали новое населенное место – Новое Андиберово, пополнившее список простых общин в административно-территориальной единице. Помимо географического фактора – относительной удаленности пахотных угодий, к подобному шагу чувашских крестьян подтолкнуло прежде всего то обстоятельство, что их участки находились за надельными землями жителей д. Атабаево-Анкеба, что представляло немалые неудобства: приходилось через наделы татарских хлебопашцев добираться на свои поля и прогонять туда же свой скот для пастьбы¹. Выделом выселков на дальние участки и члены составных земельных союзов отчасти разрешали проблему дальнотемелья и чересполосицы, введения в хозяйственный оборот необрабатываемых участков².

Не все выделившиеся из поселений выселки трансформировались в автономные сельские общества. Жители части таких новых населенных мест в силу разных обстоятельств и условий, к примеру, чтобы иметь доступ к общим пойменным лугам или строевому лесу, считали необходимым и впредь находиться со своими бывшими односельчанами в единой хозяйственно-экономической связке. Такие случаи имели своим социальным следствием формирование новых составных земельных союзов. За период с 1880-х гг. по 1906 г. в Казанской губернии в результате выделения выселков из поселений число сложных общин пополнилось 10 единицами. В их числе были представлены по 2 марийских, русских и татарских, а также 4 чувашских сообществ³.

В федеративных земельных союзах еще в дореформенное время крестьяне стали тяготиться с вхождением собственных населенных мест в их состав. Сложные общины на порядок глубже были погружены в паутину земельного

¹ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. I. Фонд К.В. Элле. Ед. хр. 636. Инв. № 9097. Л. 190.

² ГИА ЧР. Ф. 202. Оп. 1. Д. 25а. Л. 258 об.

³ Подсчитано по: Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Казань: Тип. Г.М. Вечеслава; Тип. губерн. правления, 1886–1893. Вып. 1–12. Приложения; Крестьянское землевладение Казанской губернии. Казань: Типолитограф. И.В. Ермолаевой, 1907. Вып. 1–12.

«раздрая», чем простые и раздельные. Исторические путы составных сообществ – владение в большинстве случаев землей с другими хозяйствующими субъектами по одному акту-плану, межселенная и межобщинная чересполосица, более выраженные дальнеполосица и мелкополосица – сильно усложняли хозяйствование на земле. Для рыночной эпохи большинство федеративных земельных союзов оказались чересчур громоздкими социальными образованиями, ибо они тормозили агрокультурное развитие деревни. Но для жителей селений, входивших в составные общины, путь к автономии почти всегда пролегал через растянутое на десятилетия разорительное испытание – судебное-межевое размежевание сельскохозяйственных и иных угодий с однообщинниками и прочими собственниками. В социальных составляющих многодеревенских сообществ правил бал принцип «своя рубашка ближе к телу», сводивший к минимуму возможность полюбовного размежевания общих владений. В такой ситуации структурное упрощение и распад составных общин на малодеревенские и простые земельные единицы в среде средневожских крестьян объективно не могло получить сколько-нибудь широкого распространения. Так, с 1880-х гг. по 1906 г. в Казанском уезде одноименной губернии имели место всего два таких случая: от Моркинского и Старопаратского марийских сельских обществ, объединявших по 7 поселений, отпочковались 1 трехдеревенская, 4 двудеревенских и 3 однодеревенских общин¹.

Реформирование государственной образовательной и конфессиональной политики, реализация в средневожской деревне миссионерско-просветительской системы Н.И. Ильминского, рост мобильности членов нерусских сельских обществ, учащение их контактов с соплеменниками и иноплеменниками привели к большим подвижкам в мировоззрении и мировосприятии марийцев, мордвы, кряшен, удмуртов и чувашей. Они, вступившие в эпоху капитализма в большинстве своем номинальными христианами, укрепились в «русской вере», на новую качественную ступень поднялось их национальное

¹ Подсчитано по: Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Уезд Казанский. Вып. 3. Приложения. С. 34, 38; Крестьянское землевладение Казанской губернии. Казанский уезд. Вып. 1. С. 36, 40.

самосознание. В аспекте идейно-организационного укрепления сделали шаг вперед также русская православная и татаро-мусульманская религиозные общины. Данные социально-психологические составляющие исторических реалий эпохи модернизации наложили свой отпечаток на эволюцию крестьянских сельских обществ в регионе. В Буинском уезде Симбирской губернии мордовская д. Верхнее Тюнсюрево и чувашские поселения Сигачево и Нижнее Тюнсюрево составляли составной земельный союз. В административном отношении жители д. Сигачево являли собой самостоятельную единицу, а крестьяне деревень Верхнее Тюнсюрево и Нижнее Тюнсюрево входили в одно сельское общество. В последнем, когда на мирские должности выбирали чувашей, морд-ва проявляла «ослушания». Когда же на мирских должностях оказывались мордовские крестьяне, подобным же образом вели себя чувашаи.

Находя такую ситуацию представляющей разные «неудобства», 20 ноября 1888 г. этнические партнеры составили приговор о разделе сельского общества на две автономные составляющие. Общей надельной землей крестьяне всех трех селений пожелали по-прежнему пользоваться совместно¹. Впоследствии им стали тесны и рамки единого хозяйственно-экономического пространства. В подворной переписи 1910–1911 гг. мордовское и чувашские поселения зарегистрированы уже простыми земельными союзами².

Этнокультурное дистанцирование наблюдалось главным образом в пространстве тех этнически смешанных сельских обществ, члены которых принадлежали к разным монотеистическим традициям – православию и исламу, или же стали принадлежать к таковым в результате выбора ими новых духовных ориентиров. Так, в части населенных мест, где православные чувашаи и татаро-мусульмане проживали совместно, растущее отчуждение сторон друг от друга вылилось в движение за учреждение автономных, этнически и конфессионально однородных сельских обществ и земельных союзов. Распад этнически смешанных деревень на автономные земельные союзы, в частности, получил отражение в материалах земской подворной переписи Симбирской губернии

¹ ГАУО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 892. Л. 7, 7 об.

² См.: Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Буинский уезд. Вып. 4. С. 66, 74. Раздел I.

1910–1911 гг. Как явствует из них, отдельные общины, принадлежащие чувашам и татарам, функционировали в социальном пространстве 10 чувашско-татарских населенных мест Буинского уезда: Альшихово, Белая Воложка, Бюрганы, Ишаково, Новое Чекурское, Старое Чекурское, Тингаши, Тойгильдино, Чикильдым и Энтуганово¹. Полученные данные неполные. К их числу необходимо причислить и те поселения этнических партнеров, которые после раздела общих наделных земель трансформировались в простые общины. В Буинском уезде, к примеру, чувашско-татарская д. Альбусь-Сюрбеево в начале XX в. разделилась на два населенных места: чувашскую д. Альбусь-Сюрбеево Первое и татарскую д. Альбусь-Сюрбеево Второе².

Мотивы и причины, вынуждавшие хлебопашцев пойти на такие хлопотные и затратные шаги, получили отражение в исходящих из их среды многочисленных документах – ходатайствах, прошениях, жалобах и т. д. В поданном 28 марта 1899 г. в Симбирскую казенную палату прошении конфессионально и этнически мобилизованные чувашские крестьяне с. Трехбалтаево Буинского уезда в адрес односельчан – отпавших в ислам крещеных татар – высказывают, к примеру, следующие претензии: «Сильно нас обижают в разных случаях, а именно: не дают нам исполнять свою православную религию во время говения, в великих постах, в больших торжественных и воскресных, а также вообще во всех праздниках; производят сельские сходы, разные работы, а также полевую местную запашную работу; и на сходах, и собраниях татарских нас, крещеных, обзывают разными позорными ругательными словами; и для большого позорства и насмешки нас всегда отрывают от исполнения своей религии и вызывают в самые праздничные дни в свое татарское общество и находят для нас, крещеных чуваш, в обществе разные дела, а татары сами в наши праздники бывают праздными и над нами крещеными насмеваются». Находя сложившуюся ситуацию безвыходной – «в татарском этом обществе впредь жить никаких возможных сил не имеем», православные чуваша ходатайствовали перед губернским

¹ Там же. С. 2, 10, 18, 26, 50, 58, 114. Раздел I: Поселенно-общинные таблицы.

² См.: Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск: Губерн. тип., 1897. С. 410; Подворная перепись Симбирской губернии 1910–11 гг. Буинский уезд. Вып. 4. С. 34. Раздел I.

органом Министерства финансов о выделении их в автономное в административном отношении сельское общество¹.

Инициаторами разрыва единого социально-экономического пространства чувашско-татарских деревень на автономные земельные союзы почти всегда выступали чувашские хлебопашцы. Возбуждая таковые ходатайства перед разными органами власти, чтобы во что бы то ни стало добиться желаемого, конфессионально и этнически мобилизованные чувашские крестьяне намеренно делали особый нажим на показ остроты конфессиональной ситуации в поселениях даже тогда, когда таковой в них она являлась лишь отчасти или вовсе не была. Татарские же крестьяне в большинстве случаев не находили нужным дробить сельское общество на части и всячески блокировали действия соседей, направленные на демонтаж здания совместного сообщества. Подобное поведение сторон имеет свое объяснение. Дело в том, что естественный прирост татар-мусульман из-за особенностей повседневного их быта и образа жизни – поддержания на должном уровне чистоты в избах, соблюдения правил и норм личной гигиены, правильного вскармливания младенцев, меньшего привлечения кормящих матерей к сельскохозяйственным работам и т.д. – был выше, чем у православных чувашей². В 1880-х гг. в этнически смешанных поселениях, чтобы увеличить землепользование татарской части хлебопашцев, приверженцы ислама стали настаивать на перераспределении пахотных и прочих угодий при очередных переделах по наличным душам. Поскольку при переходе с ревизской разверстки на наличную фактическое землепользование чувашской части хлебопашцев в сельских обществах существенно уменьшалось, ибо прирост числа домохозяев в их среде был меньшим, постольку они такой передел находили неправильным и несправедливым. Заслон развитию событий в подобном ключе ими был поставлен в запуске механизма раздела сельского общества в административном и земельном отношении на автономные составляющие. Причем при учреждении автономных этнически и конфессионально «чистых» обществ православные чуваша настаивали раздел общих владений производить

¹ ГАУО. Ф. 83. Оп. 11. Д. 11. Л. 2, 2 об.

² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1291. Оп.71. Д. 98. Л. 2.

непременно по ревизским душам. Так, в своей жалобе, подданной 6 октября 1892 г. в губерское присутствие, татарские крестьяне д. Белая Воложка Буинского уезда Ш. Абдульханов и С. Сабитов указывают, что их однообщинники-чуваши выселяются из поселения не потому, что между ними «происходили какие-либо ссоры, притеснения к ним со стороны» татар, «и не из чувства религиозности, а просто из боязни, как бы не состоялся передел земли по наличным душам»¹.

При несогласии этнических партнеров на любовный раздел этнически смешанных сельских обществ на автономные составляющие каждая из сторон активно защищала свои интересы. Разные инстанции власти при вынесении решения по подобным делам руководствовались главным образом следующими позициями-принципами: учреждение в социальном пространстве чувашско-татарских населенных мест в административном порядке этнически и конфессионально однородных сельских обществ и земельных союзов положит конец межэтническим трениям; при разграничении земельных угодий, распределении платежей и недоимок между православными чувашами и татарами-мусульманами экономические интересы сторон не должны быть нарушены; раздел чувашско-татарских сельских обществ в административном и земельном отношениях на автономные составляющие целесообразен, ибо при тесном общении с татарами-мусульманами некрепкие в «русской вере» чувашские крестьяне могут отпасть в ислам².

© Николаев Г.А., 2023

¹ ГАУО. Ф. 83. Оп. 4. Д. 32. Л. 11.

² См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 71. Д. 845. Л. 1–6.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ И КООПЕРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА КУБАНИ В НАЧАЛЕ XX В.

В статье рассмотрены взаимоотношения органов государственной власти и кооперативных организаций на Кубани в начале прошлого столетия. Сделан акцент на разных уровнях взаимодействия местной администрации с кредитными товариществами и потребительскими обществами.

Ключевые слова: органы государственной власти; кредитная кооперация; потребительские общества; взаимодействие; союзное кооперативное строительство.

Возникнув в середине XIX в. и постепенно охватив огромные массы населения, кооперация не только способствовала втягиванию их в рыночные отношения, но и являлась средством экономической модернизации и социального структурирования гражданского общества. Этапы развития кооперации в нашей стране имели свои региональные особенности. Это касается и особых взаимоотношений государства и кооперации. Осознавая важность кооперативного движения для хозяйственной жизни страны, государство, с одной стороны поощряло его развитие, с другой – всеми мерами пыталось ограничить его общественную активность. Это обстоятельство приводило государственную власть и кооперативное движение к непростым, неоднозначным отношениям.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении особенностей взаимодействия органов государственной власти с кредитными кооперативами, с одной стороны, и с потребительскими обществами – с другой. Неоднозначность взаимоотношений, в свою очередь, сказывалась и на развитии данных видов кооперации на Кубани в начале XX в.

На Северном Кавказе, в отличие от центральных губерний России, в которых большую роль в зарождении кооперации сыграли земства, процесс становления кооперативных организаций несколько запоздал. Однако уже в начале

¹ Сидоренко Таисия Николаевна, кандидат исторических наук, Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Taisianik@yandex.ru, Россия, г. Краснодар.

XX в. северно-кавказская кооперация с лихвой перекрыла свое отставание. Особенно это было характерно для Кубанской области, которая значительно выделялась среди других районов Северного Кавказа по темпам развития кооперации [5].

Наиболее бурное развитие на Кубани в начале XX в. получила кредитная кооперация, так как государство оказало сильную поддержку кредитным товариществам, дав им значительные средства в виде ссуд и направив им специалистов кооперативного дела в лице инспекторов. К концу 1914 г. кубанская кредитная кооперация насчитывала 255 учреждений и всемерно поддерживалась как центральной, так и местной властью. Особенно показателен тот факт, что кредитные кооперативы брали на себя многие задачи и обязанности земства, которое на Кубани отсутствовало.

Важным фактором, способствующим развитию всех видов деятельности кредитных кооперативов, стало образование в 1912 г. Кубанского Центрального союза учреждений мелкого кредита. Еще с 1901 г. под давлением экономической обстановки правительство разрешало организацию товариществ в союзы, но замыкало их деятельность в узкие рамки, воспрещая вести кредитные операции. Утвержденный же в 1911 г. новый устав предоставлял союзам право самостоятельно заниматься финансовыми операциями. Именно по новому уставу и был образован Кубанский Центральный союз, который стал в будущем не только объединяющим центром для товариществ области, но вместе с тем и центральным мелко-кредитным банком, и крупной торгово-посреднической конторой.

Как известно, Первая мировая война внесла огромные изменения в социально-экономическую жизнь страны и оказала существенное влияние на развитие кооперации. Несмотря на то, что Кубанская область находилась сравнительно далеко от театра военных действий, вся жизнь в крае с началом войны оказалась подчиненной ее влиянию. Главным продуктом сельского хозяйства края являлся хлеб, который почти полностью составлял предмет внешнего экспорта и только частично предназначался для вывоза во внутренние губернии России. С началом же войны экспорт хлеба был прекращен, что существенно

осложнило сбыт зерновых продуктов на местах и тем самым поставило в весьма тяжелое положение сельских хозяев – членов кредитных кооперативов.

Наиболее чувствительным образом отразился на кредитных кооперативах начальный период Первой мировой войны, когда среди вкладчиков возникло опасение за целостность их сбережений и они спешили забрать свои вклады. Но, благодаря страховым кредитам, открытым Государственным банком, доверие к прочности кредитных кооперативов было восстановлено [4, с. 45]. Определенные опасения проявило в первое время и Управление по делам мелкого кредита, вследствие чего оно решило сократить кредиты кооперативам и чуть было не приостановило открытие новых кооперативов. Вскоре и эта опасность была устранена [1, с. 138].

В целом, несмотря на осложнения в развитии вкладной и ссудной операций в первые месяцы войны, как отмечалось управляющим Екатеринодарским отделением Государственного банка, положение кредитных товариществ области оставалось прочным и устойчивым, что позволяло последним и далее поступательно развиваться¹. Кроме того, во время войны началась усиленная работа кредитных кооперативов по снабжению армии продовольствием и обмундированием.

Из всех видов посредничества в Кубанской области на первом месте оказался сбыт хлеба. Как отмечал исследователь кооперации А.Е. Кулыжный, здесь «трудно было найти товарищество не занимающееся сбытом хлеба» [2, с. 57]. Необходимо заметить, что организация сбыта хлеба требовала от кредитных кооперативов неременного введения выдачи ссуд под залог хлеба. В связи с чем от кооперативов стали поступать в большом количестве ходатайства в инстанции о хлебозалоговых кредитах. И государство удовлетворило данную просьбу. Специальные кредиты из Государственного банка под залог хлеба были открыты уже в конце 1914 г. 129 кредитным и ссудосберегательным товариществам на сумму более 4млн руб. (4142 тыс. руб., а

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 582. Оп. 6. Д. 472. Л. 190.

задолженность по ним составляла 1815 тыс. руб.)¹. Для активизации хлебозаготовочной кампании кооперативы обзаводились собственными зернохранилищами, весами и другим необходимым оборудованием (сортировками и пр.).

С началом военных действий власти поддержали инициативу сельских кредитных и ссудо-сберегательных товариществ по доставке в армию сельскохозяйственной продукции. Советом Министров было принято постановление, чтобы «закупки и заготовки производились по преимуществу непосредственно от производителей или через посредничество земских учреждений, а также сельскохозяйственных и кредитных общественных организаций». В некоторых регионах страны, тормозом в поставках в армию сельхозпродукции кооперативами, по мнению исследователя кооперации дореволюционного периода Г. Львова, было нежелание уполномоченных иметь дело с кооперативными учреждениями [3, с. 22].

Кредитные кооперативы Кубанской области в вопросе о поставках продовольствия для нужд армии оказались в весьма выгодном положении. Имея свой собственный, объединяющий их деятельность, орган (Кубанский центральный союз учреждений мелкого кредита), при отсутствии в области таких общественных организаций как земство или крупные сельскохозяйственные общества, которые в других губерниях часто организовывали дело снабжения армии непосредственно мелкими производителями, они смогли успешно наладить дело поставки провианта в армию.

Деятельность кубанских кооперативов в этой сфере облегчалась и благодаря доброжелательному отношению к кооперативным поставкам местного уполномоченного по закупкам хлеба Н.Н. Данилевского². На Кубани все кооперативные поставки хлеба для нужд армии производились через Кубанский центральный союз.

За период войны кооперативами области было сдано сначала для «Хлебармии», затем продовольственным комитетам через посредничество сою-

¹ Вестник мелкого кредита. 1915. № 20. С. 808.

² РГИА. Ф. 582. Оп. 8. Д. 132. Л. 2.

за около 13 млн пудов зерна (12,812 млн пуд.)¹. Кроме поставок зерна Кубанский союз организовал участие кооперативов в снабжении армии и другими продовольственными товарами, и фуражом. Всего в 1915 г. союз поставил интендантству 3,7 млн пуд. ячменя и овса, 191 тыс. пудов пшеницы и другой сельскохозяйственной продукции на сумму более 3,5 млн руб. (60,8 тыс. пуд. муки, 1556 голов скота, 21,4 тыс. пуд. сала, 48,5 тыс. пуд. сена и др.) [6, с. 104].

В целом взаимодействие государства и кредитной кооперации на Кубани можно оценить, как позитивное. Органы власти оказывали значительную материальную и организационную помощь кредитной кооперации, которая в свою очередь выполняла возложенные на нее правительством и местными органами власти функции.

Взаимоотношения административных органов и потребительской кооперации носили несколько иной характер. Если, так сказать, «привилегированная» кредитная кооперация не могла избежать «благоприятного надзора» царской администрации, то потребительские общества с самого момента возникновения подозревались в политической благонадежности.

С одной стороны, правительство вынуждено было признать необходимость организации снабжения населения продовольствием и предметами первой необходимости, с другой административные органы опасались, что потребительские общества, объединившись в союзы, могут выйти из-под контроля и будут содействовать общественно-политической организации населения, росту оппозиционных настроений.

К 1912 г. в Кубанской области действовало 90 потребительских обществ. Сдерживающим фактором развития потребительских обществ являлась их слабая финансовая база и отсутствие союзной организации. С другой стороны, в отличие от кредитной, потребительская кооперация не имела финансовой поддержки со стороны государства. Также сказались и отсутствие учреждений, которые могли бы вовремя оказать материальную, инструкторскую и идеологическую поддержку. Поэтому претворение в жизнь на практике идеи объединения

¹ Союз. 1918. № 18. С. 8.

потребительских обществ Кубани оказалось довольно сложным делом, в том числе из-за разобщенности потребительских обществ, не имевших фактически между собой контактов.

В годы первой мировой войны потребительская кооперация гигантскими шагами пошла вперед. На Кубани прирост новых обществ за первые два года войны по сравнению с довоенным уровнем составил 285% – это почти в 3 раза больше, чем в среднем по России. В июне 1916 г. из-за дороговизны в Кубанской области прокатилась волна погромов, разрушившая почти весь частный торговый аппарат. В связи с этим на потребительские общества легла вся тяжесть снабжения станиц и городов предметами первой необходимости. Однако отсутствие союзной организации сдерживало деятельность потребительской кооперации.

Представители потребкооперации обратились к местным властям с ходатайством об утверждении устава Кубанского союза потребительских обществ, но получили отказ. Объяснялось все теми же причинами, что и в довоенный период. А именно – в 1916 г. всем губернаторам и начальникам областей был разослан секретный циркуляр, в котором говорилось, что объединение в кооперативные организации часто преследует не только торговые, но и политические цели.

Кубанские областные власти, следуя указаниям правительства, пытались поставить потребительское кооперативное движение в зависимость от администрации. Так, в июне 1916 г. начальник Кубанской области генерал М.П. Бабич, понимая значение потребительских обществ для успешного обеспечения края продовольствием, решил организовать в станицах потребительные кооперативы, выделив им суммы из станичных обществ, и установить над ними контроль станичных атаманов. Но большинство кооператоров области отказались признать себя зависимыми от власти и рассматривать устав центрального союза, предложенный администрацией. Отстоять свое стремление к независимости и самостоятельности и создать союз на кооперативных началах на Кубани удалось только после Февральской революции.

После Февральской революции новая власть в лице Временного правительства сделала ставку на кооперацию как на самую массовую общественную организацию. В результате уже 20 марта 1917 г. было принято «Положение о кооперативных товариществах и союзах», в соответствии с которым снимались все преграды на пути организации кооперативов и их объединений. Через 5 дней после этого правительство ввело хлебную монополию и издало «Временное положение о местных продовольственных органах». Все излишки зерна и фуража объявлялись государственной собственностью. Предпочтение в их заготовке отдавалось кооперации и общественным организациям, из представителей которых формировались продовольственные комитеты.

Кубанские кооператоры, осознавая крайнюю необходимость привлечения к продовольственному делу общественных организаций, на состоявшемся в мае 1917 г. 10-м собрании уполномоченных союзных кредитных и ссудосберегательных товариществ высказались за скорейшую ликвидацию всех видов заготовок продовольствия и фуража для армии, производимых правительственными уполномоченными, и передачу этих заготовок в ведение продовольственных комитетов при условии тесного сотрудничества последних с кооперативами.

Однако следует заметить, что образовавшиеся на местах различные общественные комитеты неоднократно вмешивались в деятельность кооперативов, занимавшихся заготовкой продуктов питания для армии и населения, нарушая тем самым деятельность последних. В связи с этим Министерство внутренних дел издало распоряжение № 18121 от 7 июня 1917 г. «О недопустимости вмешательства общественных комитетов в продовольственное дело кооперативов». В нём разъяснялось, что «деятельность кооперативов по заготовке продовольственных продуктов для армии и населения не подлежит контролю местных общественных комитетов; вмешательство последних тормозит работу кооперативов и вносит расстройство в продовольственное дело, и без того в сильной степени дезорганизованное; (... контроль за деятельностью кооперативов по

заготовке продовольствия принадлежит Министерству Продовольствия»)¹. В новых политических условиях правительственные органы стали проявлять к кооперации более благожелательное отношение.

В завершение следует отметить, что накануне Октябрьской революции в стране кубанская кооперация представляла собой уже широко разветвленную систему с хорошо налаженным аппаратом. С момента распространения (март 1918 г.) Советской власти на всю Кубанскую область взаимодействие местных властей и кооперативных организаций значительно осложнилось, а деятельность кооперативов приобрела черты напряженной борьбы за самосохранение.

Литература

1. *Ким Чан Чжин*. Государственная власть и кооперативное движение в России – СССР (1905–1930). М., 1996.
2. *Кулыжный А.Е.* Организация хлеботорговли и кооперативный сбыт хлеба в России. М., 1919.
3. *Львов Г.* Война и кооперативы // Сборник статей, посвященных 50- летию русской кооперации. 1865–1915 гг. Иркутск, 1916.
4. *Орлов А.С.* Кооперация в России накануне и во время войны. М., 1915.
5. *Ратушняк В.Н.* Сельская кооперация Северного Кавказа в период становления капитализма (Историография и очерк развития) // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. Ставрополь, 1983.
6. *Сидоренко Т.Н.* Возникновение и развитие кооперации на Кубани (вторая половина XIX в. – 1920 г.). Краснодар, 2008.

© Сидоренко Т.Н., 2023

¹ Сборник Циркуляров Министерства внутренних дел за период март-июнь 1917года. Пг., 1917. С. 77.

ФЕНОМЕН КРЕСТЬЯНСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА И АГРАРНЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.

В работе проанализирована эволюция консервативного крестьянского сознания в пореформенные десятилетия. В ней показано, что обострение проблемы относительного аграрного перенаселения сопровождалось эрозией общинного консерватизма крестьян. В итоге в деревне обострялись социальные противоречия при одновременном расслоении крестьянского мировоззрения.

Ключевые слова: деревня; пореформенная эпоха; аграрное перенаселение; реформы; община; расслоение.

Важнейшей особенностью консервативных течений общественно-политической мысли всегда являлась апелляция к народным устоям, традиционная прочность которых рассматривалась как залог успешного и органического развития государственной и общественной жизни. В этом отношении особой заботой идеологов и практиков консерватизма неизменно пользовалось русское крестьянство. В построениях консерваторов оно рассматривалось как естественный носитель национальной самобытности и, в связи с этим, как главный оплот государственного строя.

Основания для таких построений были. Российское самодержавие на протяжении многих веков опиралось не только на узкий слой привилегированных классов, но в не меньшей степени на монархизм народа, в первую очередь, конечно, крестьянства. Крестьянский монархизм нередко именуют наивным. Однако таким он был только на первый взгляд. В действительности же наивного в нем было мало. За столетия своей нелегкой истории крестьянство прочно усвоило представление о неограниченном самодержавии как о наиболее оптимальной для России форме политического устройства. Понятия о долге перед родиной и о царской воле в массовом крестьянском сознании были неотделимы, что консерваторы закономерно рассматривали как условие морально-

¹ Карпачев Михаил Дмитриевич, доктор исторических наук, Воронежский государственный университет, m-karpach@mail.ru, Россия, г. Воронеж.

политической устойчивости русского общества. Вполне определенно на этот счет высказался С.Ю. Витте. В начале XX в., писал он, в просвещённых кругах России оппозиционные настроения развились очень широко. «Крестьянство же осталось верным своим традиционным воззрениям, по которым народ не может существовать без царя, а царь может стоять только на народе, и никаких политических преобразований не желало и о них не мечтало, но оно находило, что ему, крестьянству, трудно жить, что ему должна принадлежать если не вся, то большая часть земли русской, что они главные работники на земле, а что потому эксплуатирующий их труд, кто бы он ни был, дворянство ли, купечество или вообще интеллигенция, суть по меньшей мере трутни, а потому гораздо более мечтало об экономических, социальных преобразованиях, нежели о преобразованиях политических. Если что в России происходило дурного..., то простой народ, особенно крестьянство, никогда государя в этом не винил. Они не могли себе представить, что государь может быть в чем-либо виновен, а если и есть виновные, то виновные – его советчики, все те же дворяне различных категорий и различных происхождений» [4, с. 483]. В данном случае первый премьер-министр был вполне точен.

На устойчивость консервативной мысли во второй половине XIX в. свое влияние оказали некоторые условия крестьянского освобождения. Реформа 19 февраля 1861 г. оставила самое массовое сословие России в особом правовом пространстве. Крестьяне, объединенные в сельские общества, обособлялись от прочих социальных слоев. В общинах сохранялись сословные учреждения самоуправления, порядок совершения которого определялся традицией. В качестве основного юридического регулятора крестьянской жизни был сохранен волостной суд. Глава третья второго раздела «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» гласила, что в пределах волости крестьяне должны были из своей среды ежегодно избирать суд из 4–12 судей. Избранным в состав такого суда крестьянам необходимо было ведать «как споры и тяжбы между крестьянами, так и дела по маловажным их проступкам» [10, с. 57].

Стоит обратить внимание на то, что по внешним признакам волостной

суд был самым демократическим учреждением. Самодержавное правительство демонстрировало доверие к здравому смыслу народа, полагая, что режим крестьянского самоуправления сможет стать достойной заменой исчезавшей крепостнической опеке дворянства. При этом инициаторы преобразований хорошо понимали, что волостные суды не могли руководствоваться в своей деятельности нормами писаного закона. Для этого крестьянским судьям не хватало ни общей грамотности, ни традиций гражданского поведения. Расчет был на силу народных обычаев, на сложившиеся в крестьянском сословии нормы морали и стереотипы поведения.

Долгое время в высших сферах Российской империи держалось убеждение в том, что сохранение специфических форм крестьянского самоуправления, включая волостной суд, надежно служит общественному спокойствию и безопасности государства. Известные основания для такой уверенности у власти были. Крестьянские общинные институты на протяжении столетий являлись важнейшей опорой самодержавного режима. Всем своим строем крестьянская семья, а вместе с ней и община, воспроизводили на уровне народной жизни модель авторитарного государственного строя с неограниченным правителем во главе. Естественная забота о стабильности государственного устройства побуждала верховную власть к сохранению сословной обособленности многомиллионного российского крестьянства и после отмены крепостного права.

Однако в правящих сферах даже во времена реформ 1860-х гг. было немало противников правовой самобытности «свободных сельских обывателей». Уже во время подготовки к освобождению от крепостной зависимости ряд деятелей Редакционных комиссий настаивал на формально-правовой последовательности при проведении крестьянской эмансипации. По мнению В.А. Черкасского главным ориентиром при устройстве сельского населения преобразующейся России должно было стать свободное общество равноправных собственников. В 1856 г., он писал «что с дальнейшим развитием гражданственности, умножением народонаселения и возвышением поземельной ценности, наши сельские общества, сохранив лишь общинное управление, покинут сами собою

эту первообразную, несовершенную форму владения поземельного и путем естественного развития дойдут до более или менее общего приложения понятия о частной собственности» [13, с. 27].

В.А. Черкасский и его единомышленники полагали, что общинные отношения являлись преградой развитию гражданственности в среде русского народа. Без права частной собственности на землю не могло быть и подлинного правосознания. Однако в среде деятелей, принимавших участие в разработке Положений 19 февраля 1861 г., такая точка зрения была достоянием меньшинства; общинный строй крестьянской жизни охранители самодержавия продолжали рассматривать как залог народного спокойствия.

И все же те круги высшей бюрократии, которые демонстрировали заинтересованность в продолжении курса на либеральную модернизацию России, неизменно настаивали на несовместимости общины с цивилизованным развитием страны. В начале 1870-х гг. министр государственных имуществ П.А. Валуев, возглавлявший специально созданную комиссию для изучения обострившихся проблем сельского хозяйства России, весьма скептически оценивал возможности общин в условиях начавшегося обновления страны. На заседании комиссии отмечалось, что общинное землевладение «по единогласному почти отзыву всех выслушанных в комиссии лиц и собранных ею письменных заявлений составляет одно из главных препятствий успешному развитию хозяйства в среде крестьянского населения» [15, с. 84]. Стоит напомнить, что П.А. Валуев был автором проекта изменения государственного строя России в конституционном духе, составленного им еще в 1863 г. под прямым впечатлением от отмены крепостного состояния.

На несоответствие общинного строя принятому правительством курсу и духу реформ указывал даже шеф III Отделения П.А. Шувалов. После отмены крепостного права прошло десять лет, рассуждал он в беседе с видным публицистом В.П. Мещерским, и «пора устроить более европейский порядок землевладения, при котором была бы мыслима сельскохозяйственная культура и рациональное хозяйство» [8, с. 147].

Тем не менее, базировавшийся на общине крестьянский правопорядок долгое время рассматривался властью как неизбежный и необходимый компонент общественного благополучия. Прежде всего, стихийный консерватизм крестьянского самоуправления вполне соответствовал традиционализму самодержавного политического строя; ни тот, ни другой не были склонны к восприятию глубоких новаций. Отменив крепостничество, самодержавное государство искало залогов стабильности в народных обычаях и надеялось, что с потерей помещичьего контроля именно общинные порядки и обычное право не дадут освобожденному народу войти в состояние социальной неуправляемости. Как известно, о такой угрозе неизменно предупреждали открытые противники крестьянского освобождения.

Впрочем, положиться на крестьянские обычаи верховная власть должна была и по необходимости. Отмена крепостного права сразу же со всей полнотой обнажила проблему местного управления. Правительство не могло отважиться на индивидуализацию крестьянской жизни (хотя бы даже очень умеренную) уже потому, что просто нечем было заменить уходившую административную и полицейскую власть помещиков. Пойти на существенное увеличение аппарата управления самодержавие не могло; для этого в его распоряжении не было ни финансов, ни подготовленных штатов. Для содержания разветвленной бюрократии требовалась развитая экономическая жизнь и полнокровный бюджет, чем самодержавие, едва освободившееся от крепостничества, похвалиться не могло. Таким образом, община, с ее обычным правом, была для самодержавного государства жизненной необходимостью, во всяком случае, в первые десятилетия пореформенного развития. И она до определенной поры оправдывала расчеты властей.

Однако к концу века ситуация стала быстро ухудшаться. Настойчивая поддержка общины с ее круговой порукой неожиданно для властей обернулась стремительным ростом социальной нестабильности в русской деревне. Крестьянская общинная солидарность все чаще стала проявляться в откровенно противоправных акциях: самовольных захватах частновладельческих земель,

коллективных столкновениях с администрацией и помещиками, в грабежах дворянского имущества и т.п. Анализ происходивших перемен в социальном поведении общинников показывал, что сохранение патриархальных институтов народной жизни способствовало обострению крайне болезненной проблемы относительной избыточности аграрного населения. Внешним выражением этой проблемы стал популярный в революционных кругах вопрос о крестьянском малоземелье, единственным способом разрешения которого радикальная интеллигенция считала упразднение частной собственности на землю и ее уравнительный передел. При быстром росте населения и естественном сокращении душевого надела общинное крестьянство неминуемо тяготело к конфискациям и перераспределению земельной собственности, что с точки зрения властей, никак не соответствовало понятиям о законности и праве.

Большим достоинством общины в глазах консерваторов долгое время считалось ее противодействие развитию пролетариата в среде русского крестьянства. Действительно, общинные уравнительные переделы помогали крестьянам сохранять социальный статус. Крестьянская надельная земля после реформ 1860-х гг. была фактически выведена из рыночного оборота и не могла быть продана владельцам иных сословий. А прикупить частные земли общины могли. По этой причине общие размеры крестьянского общинного землевладения за пореформенные десятилетия заметно увеличились, хотя душевое земельное обеспечение сократилось из-за роста населения в среднем по стране почти в два раза (с 4,8 до 2,6 дес.). Однако защитники традиционных устоев старались не замечать, что уравнительные переделы и хозяйственная солидарность прекрасно уживались внутри общинного крестьянства с проявлениями крайнего индивидуализма. При переделах крестьяне чрезвычайно ревниво следили за тем, чтобы земельные участки разного качества и разной удаленности получала каждая «душа» поровну. Поэтому-то крестьянский надел состоял из многих (иногда до 50–60) полос. Такая чересполосица создавала большие неудобства в работе (одни переезды чего стоили!), однако душу общинника согревала мысль о том, что страдает не он один, что так трудятся все его одно-

сельчане. «Тебе хорошо, а мне худо, так пускай же и тебе будет худо. Поровнять...» – так горестно оценивал рутину сельской жизни популярный в свое время герой очерков Г.И. Успенского хозяйственный мужик Иван Ермолаевич [14, с. 62]. Добавим к этому, что при систематических переделах крестьяне не проявляли особого желания заботиться о качестве земли; хорошо удобренные и обработанные участки легко могли перейти к другим хозяевам. Замечательно, что одновременно в идейную борьбу за сохранение общины и других устоев традиционного крестьянского быта активно включилась радикальная русская интеллигенция. Выступая под флагом народничества, демократы долгое время (от А.И. Герцена до эсеров) усматривали в общинных порядках особую предрасположенность русского крестьянства к социализму. Прежде всего отмечались отсутствие частной собственности на землю и способность к мирскому самоуправлению. Взгляды на общину консерваторов-монархистов и радикалов-социалистов при очевидной противоположности целевых установок сходились на общем отрицании либерального реформирования устоев крестьянской жизни.

К концу века обе разновидности крестьянской общинной утопии стали быстро разрушаться. Прежде всего, община вступила в острое противоречие с экономическим курсом государства. Приходится констатировать, что, затрудняя крестьянскую мобильность, община способствовала усилению избыточности аграрного населения, что, в свою очередь, консервировало застой в экономике деревни. О бездоходности крестьянских посевов много раз с тревогой говорили специалисты. Так, статистики Богучарского уезда отмечали, что в начале XX столетия средние урожаи с крестьянских наделов не превышали 50 пуд. с десятины, а за вычетом посевного зерна, чистый урожай составлял всего около 40 пудов. Подсчеты показывали, что затраты составляли не менее 75 коп. на пуд, а продажная цена зерна (около 1 руб. за пуд.) едва их покрывала¹.

Земля по-прежнему приковывала к себе основные массы трудоспособного населения, и именно это обстоятельство предопределило развитие депрессив-

¹ Вестник Богучарского общества сельского хозяйства. 1915. № 1. С. 8.

ных явлений в хозяйственной и социальной жизни богатого земельными ресурсами региона. Изнурительная чересполосица, длинно- и дальнотемелье, принудительный 3-польный севооборот начинали отталкивать все более значительные группы тружеников. На это обстоятельство обратил внимание известный соратник П.А. Столыпина датский специалист А.А. Кофод. Хозяйственная архаика общины, отмечал он, выталкивала из земледелия деятельную часть крестьянства. «Так, – писал Кофод, – на востоке, в астраханских, уральских и даже воронежских степях, в местностях арендного хозяйства, бывает, что крестьяне и казаки крупных сели станиц, убедившись в невозможности успешного ведения хозяйства на разбросанных полосах, отдаленных от их местожительства иногда до десятка и более верст, отдают свои наделные земли в аренду участками или гуртом, сами иногда совершенно отказываясь от занятий сельским хозяйством» [7, с. 3]. Понятно, однако, что в деревне были и те, кто по-прежнему дорожил землей и даже брал ее в аренду, невзирая на все рыночные невыгоды земледелия. Но, как видно, неудержимо росла прослойка и тех крестьян, над которыми пресловутая власть земли начинала терять свою силу. Материальные выгоды промыслов, их возраставшее многообразие все более активно нарушали патриархальную жизнь крестьян.

На рубеже XIX–XX вв. аграрная экономика земледельческого центра определенно заходила в тупик. Систематически повторявшиеся недороды обрекали массы крестьянства на полуголодное существование. Но и в случае обильных урожаев в губернаторских отчетах звучала тревога, правда, совсем иного рода: на выращивание и уборку хлебов крестьяне тратили огромные усилия, между тем избыток зерна вел к сильному падению цены на него. Продажа зерна в такие годы не могла окупить трудовых и материальных затрат на его производство. Так было, например, в 1897 г., когда воронежский губернатор В.З. Коленко с тревогой сообщал правительству о катастрофическом падении цен на зерно из-за высокого урожая и отсутствия спроса [5, с. 312]. Оскудение земледельческого центра страны считалось тем более тревожным, что оно отмечалось на фоне высоких темпов развития промышленности и транспортной

сети всей России.

Община с ее натурально-потребительским хозяйством не соответствовала курсу на ускорение темпов развития промышленности и транспортной инфраструктуры. В экономике страны возникла опасная диспропорция. Социально-политическим следствием такого положения стало беспрецедентное повышение агрессивности общины по отношению к частному землевладению и к государственной власти. Не пресловутое засилье помещичьего землевладения и крепостнических остатков, а проблема аграрного перенаселения стала главным дестабилизирующим фактором в жизни русской деревни, а вслед за ней и всей страны. Курс на социально-экономическую и культурную модернизацию требовал ускоренного сокращения доли крестьянства в структуре населения империи.

Столыпинское землеустройство всем своим содержанием было направлено на рационализацию аграрного строя и не могло не встретить упорного сопротивления основной массы общинного крестьянства. Причин для этого было много. Одна из важнейших состояла в том, что в крестьянском сознании общинные традиции связывались с относительной безопасностью деревенской жизни, со способностью народа противостоять суровым натискам природы или властей. Традиционный аскетизм русского крестьянина был отражением того непреложного факта, что материальная безопасность бытия ценилась народом куда больше, чем вероятность хозяйственного успеха.

Вот почему для многих крестьян было характерно враждебное отношение к попыткам разрушения общины, особенно в первые годы реализации реформы Столыпина. Крестьяне отказывались дать согласие на выделение наделов тем односельчанам, которые отваживались принять новые условия хозяйствования, препятствовали работам землеустроительных комиссий, порой оказывали сопротивление властям. Корреспонденции из Воронежской губернии сообщали, что крестьянам, выходявшим на отруба, общинники нередко били окна, угрожали физической расправой, не пропускали скот через общие угодья и т.п. Тем же, кто все-таки настаивал на выделении, пытались отвести самые непригодные земли, рытвины, глину ит. п. [16, с. 106].

Агрессивное отношение общинников по отношению к односельчанам-«новаторам» совсем не означало, что большинству крестьян было вообще чуждо стремление к материальному успеху. Жить богаче и сытнее хотел, конечно, каждый. Но такое желание не должно было размывать традиционных устоев. Вот почему община вполне мирно уживалась с кулаком, а кулак, в свою очередь охотно поддерживал общинные порядки. На это обстоятельство обратил внимание еще А.Н. Энгельгардт. «Известной дозой кулачества, – замечал он, – обладает каждый крестьянин, за исключением недоумков да особенно добродушных людей и вообще “карасей”. Каждый мужик в известной степени кулак, щука, которая на то и в море, чтобы карась не дремал». У крестьян, подчеркивал А.Н. Энгельгардт, «крайне развит индивидуализм, эгоизм, стремление к эксплуатации. Зависть, недоверие друг к другу, подкапывание одного под другого, унижение слабого перед сильным, высокомерие сильного, поклонение богатству – все это сильно развито в крестьянской среде. Кулаческие идеалы царят в ней, каждый гордится быть щукой и стремится пожрать карася» [17, с. 520]. Это вполне достоверное свидетельство писателя-народника лишний раз убеждало: общинный консерватизм отнюдь не мешал духу индивидуальной наживы, что неизбежно вело к деформации крестьянской морали.

Община была вполне совместима с резкими контрастами в имущественном положении крестьянства. Она была несовместима лишь с таким хозяйственным успехом, который достигался на почве производства крестьянской семьей товарной продукции. Как подмечал тот же А.Н. Энгельгардт, неприимчивое большинство крестьян не только не может быть хорошими хозяевами, но даже и работать хорошо не умеет.

«Положительно можно сказать, что деревня и общинное владение землей спасают многих малоспособных к хозяйству от окончательного разорения» [17, с. 287]. Именно эта сторона общины была дорога большинству крестьян. Но она же становилась совершенно неприемлемой для предприимчивых людей пореформенной генерации. С негодованием отвергал косность консервативного большинства преуспевающий персонаж повести И.А. Бунина «Деревня»: «Ты

подумай только: пашут землю целую тысячу лет, да что я! больше! – а пахать путем, то есть ни единая душа не умеет! Единственное свое дело не умеют делать! Не знают, когда в поле надо выезжать! Когда надо сеять, когда косить! «Как люди, так и мы», – только и всего» [3, с. 205]. Приходится признать, что именно развитие предприимчивости в производственной сфере представляло для общины главную угрозу и побуждало ее к активному противодействию правительственным преобразованиям либерального характера.

Защитные действия общинников в годы столыпинских нововведений были подчас чрезвычайно энергичными. Неизбежные в ходе размежевания сельскохозяйственных угодий конфликты порой выливались в полные разгромы хозяйств «выделенцев» и даже в физические расправы с «новыми помещиками». Погромы такого рода свидетельствовали не столько о росте революционных настроений в деревне, сколько об активизации консервативных устремлений бунтовавших крестьян, об их стремлении вернуть «новаторов» в прежнюю общинную колею [6, с. 138]. Как убедительно показал В.П. Булдаков, именно этот агрессивный традиционализм общинного крестьянства сыграл решающую роль в разгуле грандиозного «черного передела», прокатившегося по просторам России во время революционных потрясений 1917–1918 гг. [2, с. 105–115]. Крушение традиционной российской государственности практически немедленно привело к уничтожению всех столыпинских новаций. Большевистский «Декрет о земле» и диктатура комбедов только легализовали стихию общинного бунта.

Российское крестьянство в начале XX столетия было представлено как консервативно настроенным общинным большинством, так и гораздо более предприимчивым меньшинством, определенно тяготевшимся традиционными стеснениями. Оно было представлено не столько кулачеством, сколько представителями молодых и более динамичных поколений крестьян, чье мировоззрение довольно быстро менялось в эпоху пореформенного развития России. Как полагает Б.Н. Миронов «около трети крестьян сделали шаг в сторону личной собственности еще до столыпинской реформы» [9, с. 480]. Региональные

исследования полностью подтверждают этот вывод.

Таким образом, в начале XX в. крестьянство вовсе не являлось однородным социальным бастионом консерватизма. Значительные слои крестьянства сразу же и охотно поддержали правительственный курс на устройство рациональных хозяйств хуторского или отрубного типа. Даже в относительно менее развитой Воронежской губернии из почти 400 тыс. крестьянских дворов более 135 тыс. изъявили желание перейти к подворному землевлладению.

Рост числа крестьян-новаторов напрямую зависел от экономических успехов нового аграрного курса. Среднегодовые объемы сельскохозяйственного производства за годы преобразований выросли в губернии примерно на 25–30%. В России же общий объем производства хлебов достиг в 1913 г. 5,6 млрд пудов, причем сельскохозяйственные продукты являлись главным предметом российского экспорта [11, с. 58–59]. По оценкам наблюдателей, крестьяне-новаторы стали проявлять гораздо более устойчивый интерес к новой технике, к общим и агрономическим знаниям. Нередкими были случаи, писал один из земских агрономов, когда «поступающие в деревню книги читаются целыми группами и кружками земледельцев, объединившихся вокруг хорошо грамотного и любознательного чтеца» [12, с. 25].

Ярче всего преимущества частного крестьянского хозяйства выявлялись на сельскохозяйственных выставках. Например, на выставке в Бобровском уезде в 1912 г. крестьяне-отрубники демонстрировали рожь, давшую на их наделах от 110 до 160 пуд. с десятины, что по меньшей мере вдвое превышало урожаи на общинных полях. Зная картину всходов у большинства крестьян, отмечал обозреватель, «стоишь перед этим ящиком (со всходами. – *М.К.*) и удивляешься. Больно становится за крестьян, которые никак не могут расстаться с тяжелым наследием отцов, терпя от этого голод и холод». Первые успехи реформ заставляли сознательную часть крестьян встряхнуться и с большим вниманием относиться к изменению привычного жизненного уклада. По свидетельству участкового агронома Землянского уезда В. Семенцова, «вопросы разумного хозяйствования не в далеком будущем привлекут большой контингент хозяев» [12, с. 21].

Своеобразным испытанием крестьянской способности воспринимать непривычные новшества стало введение правительством «сухого закона» в самом начале первой мировой войны. Как ни удивительно теперь отмечать, запрет на производство и продажу спиртных напитков совсем не вызвал массового недовольства крестьян. При этом в деревне запрет действовал гораздо эффективнее, чем в городе. Если городским властям пришлось практически сразу же столкнуться с проблемой распространения всевозможных суррогатов, то сельская администрация могла быть спокойна. По заключениям многих наблюдателей, в 1914–1915 гг. произошло массовое отрезвление деревни. И в данной ситуации надежды властей больше всего оправдывали сторонники проведения нового аграрного курса. Исследователи русской крестьянской жизни давно подметили, что сохранение общинных порядков способствовало сильному распространению пьянства. Писатель-демократ Н.М. Астырев в своих очерках с горечью отмечал все возрастающую склонность односельчан к винным угощениям. Сельский сход легко мог принять любое, подчас даже явно невыгодное для себя решение, если за этим маячила перспектива хорошей выпивки. «Я решительно не могу себе представить..., до чего еще может дойти в дальнейшем склонность к водке сельских сходов» [1, с. 244].

Напротив, крестьяне, покинувшие общину, нередко демонстрировали желание избавиться от пагубной привычки «обмывать» любое событие. Так, в апреле 1914 г. крестьяне-собственники с. Чернава Елецкого уезда на своем сходе заявили, что бедность происходит «исключительно от злоупотребления спиртными напитками» и что дальнейшее существование этого зла грозит полнейшей гибелью «нашего имущественного благосостояния и нравственности». Поэтому вышедшие из общины крестьяне «единогласно решили прекратить указанное зло в самом его корне, а именно: совершенно прекратить как продажу, так и употребление спиртных напитков»¹. Об отрезвлении деревни в первые месяцы войны писали многие публицисты. В печати отмечалось даже, что сокращение пьянства привело к росту цен на сельскохозяйственные продукты, так как кре-

¹ Наше хозяйство. 1914. № 9. С. 25.

стьяне стали расчетливее относиться к их продаже. Сильное влияние на повышение цен, сообщал воронежский полицмейстер, имело «закрытие винных лавок: крестьяне, вследствие прекращения пьянства, не стали, без особой нужды, вывозить на рынок хлеб по дешевым ценам»¹. Кстати сказать, самогонварения деревня в первые годы войны еще не знала.

Таким образом, в ходе реформы столкнулись два принципиально разных подхода, которые, условно говоря, можно назвать консервативным и новаторским. Первый из них был характерен для общинников и кулаков, второй – для крестьян, решивших воспользоваться новым законодательством, так называемых «укрепленцев». Со вторым были связаны зримые перемены к лучшему. «Русская деревня последнего десятилетия, – писал современник, – усиленно менялась. На какую бы сторону ее жизни мы ни взглянули – везде шла стройка, стучали топоры, звучали новые речи, и всюду из-под обомшелых камней старины пробивалась молодая сильная поросль»². Однако экономические и социальные перемены давались буквально с боем. На всех новшествах, отмечал очевидец, «лежат следы большой борьбы, долгих усилий, нередко большого взаимного озлобления. «Чтобы передохли все эти старые хрычи», – вырывается у одной стороны. «Подождем еще. Умнее отцов захотели быть... молокососы!» – гневно отвечали вторые, и они протестовали, боролись, мешали» – так характеризовал в том же журнале обстановку в деревне известный обозреватель С. Маслов.

Потеря привычного образа жизни с неизбежностью повышала социально-политическую напряженность в русской деревне. Страна в очередной раз встала перед историческим выбором. А в перспективе была революция.

Литература

1. *Астырев Н.М.* В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. Воронеж, 2016.
2. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного наси-

¹ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 21. Оп. 1. Д. 2237. Л. 24.

² Вестник кооперации. 1916. №5. С. 64.

лия. М., 2010.

3. *Бунин И.А.* Деревня // Собр. соч. М., 1988. Т. 2.
4. *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2.
5. Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. Воронеж, 2015.
6. *Карпачев М.Д.* Волнение крестьян-общинников в Козловке в августе 1914 г. // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2000. Вып. 8.
7. *Кофод А.А.* Крестьянские хутора на надельной земле. СПб., 1905. Т. 1.
8. *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. СПб., 1898. Ч. 2.
9. *Мионов. Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. СПб., 1999. Т. 1.
10. Документы крестьянской реформы // Российское законодательство X–XX веков. В 9 тт. М., 1989. Т. 7.
11. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.
12. *Семенов В.* Внешкольное образование в современной деревне Воронежской губернии // Наше хозяйство. 1914. № 9.
13. *Трубецкая О.* Материалы для биографии кн. В.А. Черкасского. М., 1901. Т. 1. Кн. 1. Приложения.
14. *Успенский Г.И.* Крестьянин и крестьянский труд // Полн. собр. соч. В 14 тт. М., 1950. Т. 7.
15. *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. // Л., 1978.
16. *Чернышов И.В.* Община после 9 ноября 1906. Пг., 1917. Ч. 1.
17. *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1987.

© Карпачев М.Д., 2023

ОБЩИННЫЙ МИР РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: В ПРЕДДВЕРИИ 1917 ГОДА

В годы Первой мировой войны основной проблемой русской деревни стала нехватка рабочих рук, нараставшая с 1916г. Противостояние с владельческим товарным хозяйством способствовало усилению роли крестьянской общины в жизни села, что с особенной силой сказалось после революции.

Ключевые слова: крестьянская община; военнопленные; рабочая сила; деревенская взаимопомощь.

В период Первой мировой войны крестьянская община во многом сумела восстановить свое положение, несколько пошатнувшееся в предвоенные годы, притормозив дальнейшую реализацию столыпинской аграрной реформы и организовав внутридеревенскую поддержку и взаимопомощь. Постепенно, с затягиванием военных действий и усилением финансовой составляющей крестьянского мира (солдатские «пайки», сухой закон, благотворительная и государственная помощь, рост цен на сельскохозяйственную продукцию и проч.) община исподволь переходит к тактике усиления своего влияния в среде сельского населения.

Рост цен на предметы первой необходимости, прогрессирующая дороговизна и постепенное снижение количества свободных рабочих рук побуждали крестьянство сосредоточиваться на собственном хозяйстве, что, наряду с увеличением денежной массы на селе, вело к натурализации хозяйства. Военные призывы в ситуации затягивания войны, медленно но верно вычерпывали из села рабочую силу. Донесение Воронежского жандармского управления от 19 ноября 1914 г. констатировало: «призыв на военную службу главных работников и изменение условий аренды настолько тяжело отразились на экономическом благосостоянии крестьян, что некоторые из них, арендовавшие про-

¹ *Оськин Максим Викторович*, доктор исторических наук, Международная полицейская академия ВПА, mahozv@yandex.ru, Россия, г. Тула.

шлый год по 6–8 десятин, в настоящее время совершенно отказались от таковой аренды»¹.

Та часть крестьян, что по различным причинам имела в своем распоряжении рабочую силу, получала преимущество в связи с возможностью сохранить собственное хозяйство на довоенном уровне, а также, пользуясь ростом цен на рабочие руки, заработать на стороне, в том числе и во владельческих хозяйствах. Поддержка солдатских семей, особенно активная в первый период войны, с одной стороны, позволила сохранять посевы на прежнем уровне (важным результатом здесь стал хороший урожай 1915 г.), но с другой – усилила роль и влияние общины в деревенской жизни, что с осени 1915 г. стало явно отражаться на жизни села.

Одной из ведущих задач общины в военный период стало установление контроля над рабочей силой деревни, что по мере новых призывов, а значит, и обозначившейся нехватки рабочих рук, напрямую влияло на продовольственные усилия воюющей страны. Например, 30 ноября 1915 г. вологодский губернатор сообщал, что хорошо живут следующие крестьяне:

1) Имеющие избыток продуктов (дороговизна им на руку), 2) Имеющие свободные рабочие руки (дороговизна труда), 3) Получающие паек – «значительно улучшивший их обычное благосостояние»². В первый год войны фактор свободных рабочих рук в деревне Центральной России еще не был определяющим, напротив – соседские «помочи» стабилизировали ситуацию в деревне, что напрямую отразилось на высоком урожае 1915 года.

Осенние призывы 1915 г. остатков новобранцев и ратников 1-го разряда (1,3 млн чел. к 1 сентября) и особенно ратников 2-го разряда (1,5 млн чел. к 1 ноября 1915 г. + 800 тыс. к 1 апреля 1916 г.) [3, с. 15] существенно понизили количество рабочих рук. Так, 11 февраля 1916 г. земский начальник Малоаровского уезда доносил калужскому губернатору Н.С. Ченыкаеву, что невозможно выполнить наряды для сопровождения арестантов, так как «из муж-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1914. Д. 14. Ч. 1. Л. 1 об. – 2.

² ГА РФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1915. Д. 108. Ч. 12. Л. 11 об.

ского населения на местах, в связи с наборами, мобилизациями и усилившимися отхожими промыслами, остались лишь старики и больные»¹. Тем самым, со второго года войны, как писал А.М. Анфимов, понятие о рынке рабочей силы становится условным, а обычный добровольный наем чем дальше тем больше «уступает место различным способам вербовки или разным формам принудительного труда» [2, с. 129].

Власти сознавали проблему, и осознана она была рано – уже после осенних призывов 1914 г., призванных компенсировать большие потери на фронте. Например, 23 января 1915 г. тульский губернский предводитель дворянства Р.Д. Еропкин довел до сведения губернатора, что «ввиду призыва на военную службу ратников ополчения 1-го разряда за 12 лет и набора молодых солдат в текущем январе месяце – сельское население Тульской губернии остается почти без работников и не будет иметь возможности своевременно обрабатывать свои поля». Еропкин просил ходатайствовать в Петроград «об отпуске для Тульской губернии на летнее время для обработки полей необходимое число военнопленных исключительно славянского происхождения». 7 февраля тульский губернатор отправил эту просьбу министру внутренних дел: «Рассчитывать на оставшихся рабочих едва ли возможно, так как последние будут заняты обработкой как своих, так и оставшихся у призванных на военную службу полей». Между тем, большинство тульских крестьян доставляет «контингент сельскохозяйственных рабочих у частных землевладельцев»².

Наличие рабочей силы в крестьянских хозяйствах рассматривалось как фактор относительного благополучия и стабильности, позволяющий не только поддерживать собственное хозяйство, а значит, и государственные военные усилия, но и как аргумент, побуждающий на данном этапе отказываться от государственной помощи. Например, отчет Богородицкой уездной комиссии Елизаветинского комитета по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, от 21 мая 1915 г. сообщал на места, что «помощь должна оказываться лишь беднейшим из семейств, ее не нужно оказывать получаю-

¹ Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 62. Оп. 12. Д. 3761. Л. 4.

² Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 90. Оп. 1. Д. 39815. Л. 1–2.

щим большой казенный паек или имеющим в семье мужчин, годных к работам». [Волостным] «отделениям предлагалось тщательно разбирать каждую просьбу в отдельности, принимать в соображение работоспособность членов семьи, количество скота, птицы, возможность заработков и т. д.». При учете обстоятельств, требующих поддержки или, напротив, отказа в таковой, «стариков до 60 лет и мальчиков 16–17 лет считали за рабочую силу»¹.

Спустя девять месяцев циркуляр Елизаветинского комитета от 25 февраля 1916 г. предлагал местным отделениям «за приближением весеннего времени безотлагательно приступить к разработке плана предстоящих действий по оказанию в текущем году нуждающимся семьям воинов агрономической помощи по обработке полей и уборке урожая, и выяснению потребных для этого денежных средств». Так как средства, естественно, были ограничены, то отделениям рекомендовалось взять максимум из своих местных источников. При обследовании выяснилось, что главная проблема – «довольно острая нужда в рабочих силах при обработке полей и уборке урожая»².

Эта нехватка вынуждала власти прибегать к активному и постепенно усиливавшемуся использованию внедеревенской рабочей силы в сельскохозяйственном производстве: труда военнопленных (с 1916 г. располагавшихся за Уралом пленных стали перебрасывать в Центральную Россию), беженцев (губернаторы проводили прямую связь между трудом и выплатой пособий) и военнослужащих тыла (военными округами, и незадолго до революции штабом Ставки Верховного командования – решались вопросы отправки в сельское хозяйство части солдат тыловых гарнизонов). Циркуляр министра земледелия А.Н. Наумова от 4 февраля 1916 г. «О восполнении убыли рабочих рук в сельском хозяйстве», рассчитывал на применение следующих мер: 1). пополнение пленными, в том числе 120 тыс. немцев и венгров, которые ранее в сельском хозяйстве не использовались. 2). использование тыловиков – «обеспечить прилив к сельскохозяйственным работам в наиболее горячую их пору около 200–250 тыс. чел.». 3). привлечение беженцев, коих более 3 млн чел. Всего

¹ Центральный городской архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 113. Оп. 1. Д. 172. Л. 295.

² Там же. Д. 88. Л. 459 об. – 460.

Наумов рассчитывал на 1 млн чел.¹

Помещики и крестьяне равно претендовали на дополнительные рабочие руки, причем мотивировка деревни опиралась на необходимость поддержки солдатских семей, спустя два года войны составлявших большинство на селе. Владельцы же давали товарный хлеб для снабжения армии, и властям приходилось выбирать между этими категориями, идя, разумеется, на компромиссы. Например, донесение председателя Севской уездной земской управы орловскому губернатору от 20 февраля 1916 г. сообщало – на совещании волостных старшин и сельских старост выяснилось, что «общественные земли крестьяне считают вполне возможным весной посеять своими средствами, если взятые на окопы и обязательные работы рабочие руки будут возвращены для сельскохозяйственных работ на родину». Однако, «что касается землевладельцев и хуторян, то положение таковых, в смысле полного отсутствия рабочих рук, самое печальное, грозящее полным сокращением посевов яровых и невозможностью уборки урожая»². Последнее грозило падением объемов товарного хлеба, необходимого для страны. Или – отношение епифанской уездной комиссии в Тульское отделение Елизаветинского Комитета от 26 марта 1916 г. с просьбой выделить 5 тыс. руб. на обработку полей призванных, использовало именно такую мотивировку: «число нуждающихся увеличилось, так как с прошлого года было несколько призывов ратников и новобранцев. Таким образом, количество работников в семьях сократилось, а на оказание помощи по уборке полей весной военнопленными, за недостатком их, рассчитывать не приходится; приток же местных средств на этот предмет ожидать уже нельзя»³.

Рост цен на рабочие руки как нельзя более способствовал усилению крестьянских настроений и действий. В связи с этим властями стали применяться различные формы принудительного характера, в том числе и по отношению к крестьянству внутренних губерний. В годы войны стала активно использоваться практика арестов для крестьян, отказывавшихся выполнять работы в имениях по

¹ Известия Министерства земледелия. 1916. № 7. С. 140.

² Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 5310. Л. 14–15.

³ ЦГА Москвы. Ф. 113. Оп. 1. Д. 172. Л. 647.

ранее заключенным договорам, подстрекавших соседей и военнопленных требовать повышения платы, не выходявших на обязательные работы по нарядам администрации, переманивавших пленных из имений в крестьянские хозяйства.

Например, 9 февраля 1916 г. ефремовский уездный исправник докладывал тульскому губернатору А.Н. Троицкому, что три солдатки села Мещерское периодически заявляются в имение уездного предводителя дворянства Е.Д. Хлюстина и подстрекают «рабочих-военнопленных отказаться от работ в имении г. Хлюстина и перейти к ним, обещая представить рабочим улучшенную пищу». В приведенных исправником сведениях об этих солдатках, отчетливо видна главная проблема крестьянского хозяйства – нехватка рабочих рук при наличии минимально достаточного количества скота (к этому времени хозяйства были однокоровными, так как корова освобождалась от реквизиции) и порой избыточного числа лошадей. А именно – Муркина М.П.: муж и старший сын на фронте, семья – мать-старуха, невестка, свекровь, пять малолетних детей; имущество – восемь десятин наделной земли, две лошади, корова с подтелком и десять овец. Анискина А.Я.: муж и деверь на фронте, семья – свекровь, сноха и двое детей; имущество – девять с четвертью десятин земли, три лошади, корова, десять овец и два поросенка. Муркина А.И.: муж на фронте, семья – отец-старик, две несовершеннолетние сестры, четверо детей; имущество – семь десятин земли, две лошади, корова с подтелком и девять овец. Солдатки за подстрекательство были арестованы¹. То есть, лошади и скот в крестьянских хозяйствах были, а не хватало земли (что до войны побуждало крестьян к аренде земли у того же Хлюстина) и рабочих рук. С другой стороны, невысокая площадь наделной земли в годы войны, напротив, стала достаточной в связи с пресловутой проблемой в отношении рабочей силы.

Можно привести пример несколько меньшей трудовой и инвентарной оснащенности крестьянского хозяйства, оказавшегося в аналогичной ситуации – борьбы с владельцами за рабочие руки и, как следствие, повышенную оплату труда. Приговор белевского уездного исправника от 7 апреля 1916 г. на крестьян

¹ ГАТО. Ф. 90. Оп. 2. Д. 555. Л. 1–2.

ян села Кузьменки А.С. Гусева и Е.М. Калабина показывает, что последние подстрекали баб-крестьянок, подрядившихся на работы в имении Байдино, к отказу от работ «без надбавки к договоренной цене»: «не смейте ходить на работу без надбавки – всех не посадят, и ничего за это не будет». Семья Гусева: отец-старик, мачеха, брат на фронте, жена, шесть детей; имущество – четыре десятины земли, лошадь, корова, 2-летняя телка, три овцы» + пчельня с 25 ульями. Семья Калабина: жена, три сына в армии, две невестки, у каждой ребенок; имущество – шесть десятин земли, лошадь, корова, пять овец»¹. 15 апреля крестьяне были арестованы и выпущены лишь 15 июля.

Согласно законодательству, за подстрекательство и невыполнение обязательств в сфере деревенского хозяйства, власти применяли трехмесячный арест. Парадоксально, но лавировавшие между различными слоями деревни и переходившие от владельцев к крестьянам и обратно пленные арестовывались лишь на семь суток². Безусловно, аресты должны были остановить возможное перераспределение внедеревенской рабочей силы, которая использовалась прежде всего в интересах государства – то есть, в хозяйствах, дававших товарный хлеб. С другой стороны, в ситуации нехватки рабочих рук, такие аресты неизбежно на три месяца изымали из села эти самые руки.

Подъем цен на рабочие руки весной 1916 г. подталкивал крестьян устанавливать свои цены, что влияло на рост цен на сельскохозяйственную продукцию вообще. Поэтому, одностороннее невыполнение договоренностей также каралось. Например, 8 мая 1916 г. две крестьянки деревни Будолдиной Белевского уезда «изменили свое решение и отказались отправиться на работы в имение г. Рейтерн», за что были тут же арестованы на те же три месяца. Смысл конфликта заключался в том, что крестьянки этой деревни заключили договор о производстве «всех сельскохозяйственных работ» в имении с 25 марта по 15 октября, получив задаток по 10 рублей на каждую. То есть деньги женщины взяли, но на работы не вышли, требуя прибавки, а денег, в ожидании прибавки, не отдали³.

¹ Там же. Д. 372. Л. 1–3.

² Там же. Д. 191. Л. 1, 11.

³ Там же. Д. 267. Л. 1–2, 17.

Пленные Брусиловского прорыва позволили несколько сгладить остроту проблемы – нехватки рабочих рук в частновладельческих хозяйствах. Если еще весной 1916 г. регионы получали отказы в пополнении пленного контингента, трудившегося в той или иной губернии, то летом Ставка централизованно распределяла взятых в ходе Брусиловского прорыва австрийцев по регионам. Так, в январе 1916 г. соглашением министерств земледелия, внутренних дел и военного «в целях посильной помощи в этом деле... было решено оставить сельским хозяевам всех военнопленных (до 260 тыс.), находящихся у них ныне на работах, и кроме того направить на эти работы весь свободный и трудоспособный контингент пленных». Но последний – всего около 120 тыс. чел., который вследствие их малочисленности был разверстан «между 29 губерниями в зависимости от развития в них хлебопашества и наиболее острого недостатка рабочих рук, уже вызвавшего заметное сокращение посевной площади». По этой разверстке, к примеру, Тульская губерния получила всего 2 тыс. пленных, в дополнение к тем 4,5 тыс. пленных, что уже работали здесь. А резерв военнопленных, оставшихся за Уралом, насчитывал не более 25 тыс. чел.¹ Циркуляр Министерства земледелия на места от 23 марта с сожалением констатировал, что все пленные уже полностью распределены по 33 губерниям.

Брусиловский прорыв резко увеличил возможности по увеличению рабочей силы в деревне, и к 1 июня 1916 г. у Министерства земледелия уже имелись наряды на 34 тыс. пленных славян и 38 тыс. немцев и венгров². К 1 июня наряды на 163 тыс. пленных были распределены по 32 губерниям, а нарядами 7 и 23 июня – еще 77 тыс. Итого – 240 тыс. пленных, большую часть которых получили прифронтовые и южные регионы, но на часть могли рассчитывать и тыловые губернии³.

Тем не менее, потери Брусиловского прорыва требовали своего восполнения – около 1,8 млн чел. к середине осени 1916 г. [3, с. 16], что вывело из деревни последние свободные рабочие руки. Это напрямую отразилось на сборе

¹ Там же. Оп. 1. Д. 40078. Л. 7–8.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2005. Оп. 1. Д. 50. Л. 53.
3 ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 40093. Л. 134, 143–144.

урожая 1916 г., а главное – на его обработке, что вылилось в неудачу риттиховской разверстки, так как хлеб просто не успевали обмолотить и высушить. Так, орловский губернатор А.В. Арапов 20 октября доносил в МВД, что в последний призыв 15 августа «многие семейства лишились последних работников». Донесение от 19 января 1917 г. уточняло: «ввиду ощущаемого повсеместно недостатка в рабочих руках, военнопленные являются для сельских хозяев единственным элементом, с помощью которых при современных условиях только и возможно более или менее сносно поддерживать хозяйство. Поэтому принудительные работы военнопленных население считает мерой безусловно необходимой»¹.

В 1916 г. в Центрально-Черноземном районе без работников осталось уже около трети крестьянских хозяйств. Следовательно, владельцам также нехватало рабочей силы. Таким образом, падение уровня производства помещичьего хозяйства к 1917 г. стало следствием того, что оно, до войны широко использовавшее арендные отношения, не могло функционировать без крестьянских рук, скота и инвентаря [1, с. 205]. Потому, когда крестьяне стали сосредотачиваться в собственном хозяйстве, помещики теряли свои посевы. Общую продовольственную ситуацию частично сглаживал тот факт, что прекрасно понимавшее проблему Министерство земледелия старалось концентрировать военнопленных в регионах востока, юга и юго-запада империи, до войны ориентированных на экспорт².

Отчет конца 1916 г. Управления Сельской продовольственной части МВД, в компетенции которого оставалась «забота об обеспечении в случае неурожая или иных стихийных бедствий, продовольственных и семенных нужд сельского населения империи», показывал, что соседские «помочи», сыгравшие столь значимую роль в первый период войны, теперь практически отставлены. МВД констатировало, что «в отличие от практики предшествующих лет и во внимание к сложившимся вследствие войны условиям, трудовая помощь в те-

¹ ГА РФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1916. Д. 108. Ч. 48. Л. 14, 24.

² РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 50. Л. 91–91 об.

кущую продовольственную кампанию не имеет вовсе применения, и помощь в продовольствии, семенах и кормах производится или путем выдачи ссуд, или же путем организации продажи этих продуктов по заготовительной цене»¹.

Таким образом, к 1917 г. борьба крестьян с помещиками шла не за землю, а за рабочие руки [4, с. 151], что на деле вело к самозахвату частновладельческой земли под видом необходимости обеспечить нужды фронта. Недаром, с 1916 г. крестьяне откровенно пытаются препятствовать применению внедеревенской рабочей силы (военнопленные, беженцы и т. д.) в помещичьем хозяйстве, дававшем продовольственные ресурсы для армии.

Получается, что деятельность общины волей-неволей в определенной степени подрывала военные усилия страны, нуждавшейся во все больших объемах хлеба для обеспечения действующей армии, гарнизонов тыла, городов, потребляющих регионов и проч.

Большинство помещичьих хозяйств не могло функционировать без крестьянских рабочих рук, скота и инвентаря, а потому отказ общинников трудиться в имениях ставил под угрозу судьбу посевов, а значит и продовольственное обеспечение воюющей страны. Стремление крестьян поставить землевладельцам различные препятствия при уборке хлебов основывалось на расчете послевоенного получения помещичьей земли в свое распоряжение. Объективные условия жизни деревни (повышенное потребление и, как противоположность – пониженный урожай 1916 г.) лишь усугубляли проблему, предоставляя дополнительные возможности в руки крестьянства. Скрытая борьба между основными производительными слоями российской деревни – владельцами и общиной, напрямую сказывавшаяся на поставках сельскохозяйственной продукции, в конечном счете привела к реквизиционным мерам, наиболее крупной из которых стала хлебная разверстка зимы 1917 г., отразившая слабость власти в деле решения продовольственного вопроса.

¹ ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 11. Д. 4. Л. 21.

Литература

1. *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962. – 383 с.
2. *Анфимов А.М.* Помещичье хозяйство России в годы первой мировой войны (до Февральской революции) // Исторические записки. М., 1957. Т. 60. С. 124–175.
3. *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. – 239 с.
4. *Куренышев А.А.* Крестьянство России в период войны и революции 1917–1920 гг. (историографические аспекты) // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 148–156.

© *Оськин М.В.*, 2023

СТАТИСТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ 1917 ГОДА

Статья посвящена выявлению роли отдела переписи министерства земледелия Временного правительства, статистико-экономической комиссии Главного земельного комитета, а также местных статистических органов в разработке аграрной реформы 1917 г. Впервые вводятся в научный оборот несколько документов из фонда Главного земельного комитета и из личного фонда заведующего отделом переписи П.И. Попова.

Ключевые слова: аграрная реформа; Главный земельный комитет; сельскохозяйственная перепись; П.И. Попов.

Тема аграрной реформы 1917 г. не очень популярна среди исследователей отечественной истории и понятно почему: при достаточно интенсивной работе ведущих экономистов и статистиков в течение нескольких месяцев, она так и не была проведена [3]. Между тем, это одна из реформ, которая при успешном завершении могла повлечь изменения не только сверху, но и снизу, поэтому она заслуживает внимания.

Теоретическую и организационную составляющую аграрной реформы должны были обеспечить Лига аграрных реформ и Главный земельный комитет (ГЗК), практическое же ее обоснование – результаты Всероссийской сельскохозяйственной переписи. Сложность решения поставленной задачи предполагала слаженную работу всех участников.

В значительной степени ввиду трудностей решения теоретических вопросов, постоянных идеологических споров членов Лиги и ГЗК по вопросам землевладения, землепользования и выполнения организационных мероприятий на местах, «вопрос был перенесен в технологическую плоскость» [1, с. 371]. Разработка реформы началась с определения количественных показателей: размера земельного фонда; систем хозяйства и землепользования; определения условий, влияющих на размер крестьянского надела в различных экономических райо-

¹ Савинова Татьяна Александровна, кандидат экономических наук, Российский государственный архив экономики, starxiv@mail.ru, Россия, г. Москва.

нах; выяснения размера площади по трудовой и потребительской нормам и др.

Ведущей становилась роль одного из участников процесса аграрного реформирования – отдела сельскохозяйственной переписи министерства земледелия, возглавляемого Павлом Ильичом Поповым. Он родился 12 января 1872 г. в Иркутске, после окончания учительской семинарии работал учителем в Усть-Уде, где познакомился с политическими ссыльными. В 1895 г. приехал в Петербург для продолжения образования, но вскоре был арестован по делу Лахтинской типографии. После отбывания двухлетнего срока в тюрьме в 1898 г. был выслан в Уфимскую губернию, где начал работать в местном земском статистическом бюро, сотрудницей которого была и А.И. Хрящева, ставшая его женой. Они были единомышленниками и занимались статистикой всю оставшуюся жизнь. После этого были Самара, Смоленск, Вологда, обучение в течение двух лет в Агрономической академии в Берлине, Харьков, Переселенческое управление министерства земледелия, наконец, Тульское земское статистическое бюро, где они вместе с Хрящевой в 1909–1917 гг. провели полный цикл статистического обследования губернии, включавший подворные и оценочно-статистические работы.

В 1915 г. Попов был избран съездом статистиков ответственным секретарем и заместителем председателя Исполнительной комиссии съезда, после Февральской революции назначен заведующим отделом сельскохозяйственной переписи, который сначала числился в министерстве продовольствия, а затем был передан министерству земледелия и вел основную работу по проведению Всероссийских переписей 1916 и 1917 гг.

Совместная работа отдела сельскохозяйственной переписи и ГЗК по выработке основ земельной реформы. На первом заседании второго съезда Лиги аграрных реформ 23 июня 1917 г. П.И. Попов сделал сообщение о решении съезда статистиков, проходившего в Москве 18–22 апреля, о постановлении правительства от 5 мая 1917 г. о проведении Всероссийской сельскохозяйственной переписи и о ходе подготовки к ней. Целью переписи, по его мнению, является учет населения, определение его состава, изучение типов хо-

зяйств и исследование их элементов, установление размеров земельного фонда. Результаты переписи должны были стать базисом при проведении аграрной реформы [2]. На заседании Совета по делам переписи 30 июня и в письме в ГЗК от 15 июля 1917 г. П.И. Попов просил не только ГЗК, но и Общегосударственный продовольственный комитет, министерство продовольствия, министерство труда, местные статистические, продовольственные и земельные комитеты сообщать отделу свои соображения по вопросу о системе разработки материалов переписи 1917 г. в целях разрешения аграрного вопроса, а при обсуждении ее программы приглашать на заседания представителя отдела переписи. Этим он вызвал удивление представителя МВД В.Ф. Солнцева: «...обращаться за соображениями и пожеланиями, когда перепись уже производится??» Статистик пояснил, что, когда создавалась программа переписи, не существовало ни земельных комитетов, ни министерства продовольствия, которые тоже имеют право получить ответы на свои вопросы в ее материалах. Утвержденная съездом статистиков программа не содержала важных с точки зрения аграрной реформы позиций и нуждалась в доработке и утверждении следующим статистическим съездом не позднее второй половины августа¹.

Отдел переписи с помощью земских статистических бюро произвел пробное исчисление трудовых норм в разных районах России. 12 земствам были разосланы просьбы в срочном порядке произвести работы по вычислению трудовых норм землепользования для крестьянских хозяйств по их подворным описаниям. Целью исследования было определение изменения норм землепользования в зависимости от размера землевладения, состава семьи, степени промысловости хозяйства.

В июле специальной комиссией, состоящей в основном из статистиков – членов Совета ГЗК, и возглавляемой приглашенным профессором Московского университета Н.А. Каблуковым были разработаны «Основные положения статистической организации при подготовке земельной реформы». Документ свидетельствовал о твердом намерении заложить нормативную основу аграрной ре-

¹ РГАЭ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 136. Л. 11.

формы на основании данных переписи, а также создать методологию обработки данных, полученных на местах, с целью применения последней в будущем.

Вопрос о программе разработки материалов переписи был передан на разрешение статистико-экономической комиссии, состав которой был определен на заседании Совета ГЗК 27 мая 1917 г. (председатель А.А. Кауфман, члены комиссии В.И. Анисимов, С.Л. Маслов, П.А. Вихляев, Н.И. Ракитников, Н.Н. Черненко, А.Н. Челинцев, Н.П. Макаров, П.И. Попов, Н.П. Огановский, А.И. Хрящева). На заседаниях по желанию могли присутствовать и другие члены ГЗК¹. Активная работа комиссии началась только в июле, состоялось семь заседаний, последнее – 20 октября 1917 г.

Кауфманом был представлен доклад «К вопросу о плане разработки результатов сельскохозяйственной поземельной переписи 1917 г.»², в начале которого он отмечал, что «рассматривает вопрос единственно и исключительно под углом зрения потребностей предстоящей земельной реформы». Здесь содержался подробный алгоритм разработки и сводки данных о крестьянском и частновладельческом хозяйстве.

Основой разногласий среди членов комиссии был вопрос о включении социально-экономической характеристики крестьянского хозяйства в программу переписи. Большинство проголосовало за необходимость такой характеристики. Против были А.А. Кауфман и Н.Н. Черненко, склонные перевести работу комиссии в практическую плоскость и понимавшие, что расширение программы в область социально-экономической характеристики хозяйств выполнимо только теоретически.

Итогом совместной работы стал доклад, в котором были объединены результаты работы отдела переписи и статистико-экономической комиссии ГЗК по проведению и программе разработки результатов переписи со следующими разделами:

- 1) учет размера и состава общего и колониационного земельного фонда;

¹ ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 19. Л. 47 об.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 63. Л. 181–188.

- 2) учет контингента хозяйств и населения по степени обеспеченности землей;
- 3) определение норм землевладения (ликвидационных и распределительных);
- 4) определение типов хозяйств по социально-экономическому их строению и их характеристика¹.

Но основную работу по производству переписи предстояло сделать местным статистикам, силы и средства которых были ограничены.

Трудности обеспечения нормативной базы реформы на местах. В «Основных положениях статистической организации при подготовке земельной реформы» несколько пунктов были посвящены регламентации работы местных статистических органов, а также местных земельных комитетов. Вся тяжесть по сбору и регистрации, а также первичной обработке полученных в результате опросов данных легла именно на них.

Прежде всего, не все сотрудники губернских статистических органов были согласны с Инструкцией по проведению переписи, разработанной отделом П.И. Попова.

В докладе заведующего отделом статистики Казанского губернского продовольственного комитета В.К. Шалавина отмечалась условность понятия частновладельческого хозяйства, определяемого ст. 4 Инструкции, как хозяйства, «владеющего 50 и более десятинами собственной удобной земли, или имеющего такое же количество земли в обособленном сельскохозяйственном пользовании и на арендном или ином праве». По утверждению статистика, «случаи заарендования крестьянином надельной земли, хотя бы и в количестве, превышающем 50 десятин, не могут создать помещичьего хозяйства. С другой стороны, частновладельческие хозяйства с площадью менее 50 десятин, во всяком случае, не могут выбрасываться из частновладельческих хозяйств только потому, что площадь их земли меньше 50 десятин»².

Нарекания статистика вызвали: ст. 32 Инструкции, дающая понятие о хуторах и отрубях, ст. 34, определяющая хуторское или отрубное владение, ст. 35

¹ Там же. Ф. 766. Оп. 1. Д. 370.

² Там же. Ф. 105. Оп. 2. Д. 363. Л. 4.

о категориях купчих земель, ст. 42 и 45 об арендных отношениях и арендованных землях, ст. 48, дающая определение полевой культуры, а также группировка земель в карточке для сплошной переписи сельских хозяйств. Отмечая дефекты переписи, статистик желал «предостеречь от возможных ошибок при слепом доверии к итогам переписи»¹. Это была качественная оценка профессионалом основного документа, по которому предстояло работать местным статистическим органам.

Из письма статистического бюро Полтавской губернской земской управы в ГЗК следовало, что губернские земства не могли справиться и с количественным учетом. Чтобы выполнить работы за месяц, требовались дополнительные работники в уездные статистические бюро, земства просили ГЗК об ассигновании дополнительных средств на расходы по производству выборок по землеволодению и подсчету материалов².

Обычная российская беда – нехватка средств – грозила прекращением производства переписи и выполнения программы хотя бы предварительного подсчета ее результатов в целях продовольственного снабжения армии и населения, не говоря уже об аграрной реформе.

На основании постановления Временного правительства от 5 мая 1917 г. на производство Всероссийской сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи было выделено 17 млн руб., но перевести на места аванс в размере 25 коп. на одно хозяйство, а всего 6 млн руб., необходимых для начала работ, удалось только 27 мая. Местные учреждения были без средств и не могли вовремя начать перепись. Не было денег и на курсы по обучению инструкторского персонала, недостаток которого сказывался повсеместно³.

На междуведомственном совещании в правительстве, проходившем 6 и 13 октября 1917 г., министерство земледелия вошло с ходатайством о выделении еще 4 млн 800 тыс. руб. на окончание производства переписи и содержание центральной переписной организации. Из них 300 тыс. руб. были предназначе-

¹ Там же. Л. 7, 11–11 об.

² ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 1 Д. 676. Л. 9.

³ РГАЭ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 136. Л. 2 об.

ны министерством земледелия на разработку имеющихся материалов по земельному вопросу. Временное правительство признало возможным выделить для этой цели в 1917 г. только 150 тыс. руб. Остальные деньги министерство земледелия должно было внести в смету на 1918 г.¹

Выводы. Экономия на земельной реформе налицо, но даже успевшим получить дополнительные средства местным земельным комитетам и статистическим бюро вскоре стало не до подведения итогов переписи. Наступившая русская смута надолго отодвинула окончание этих работ. Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям с предисловием П.И. Попова и А.И. Хрящевой были опубликованы отделом сельскохозяйственных переписей уже ЦСУ РСФСР.

Возвращаясь к вопросу о причинах неудачи аграрной реформы 1917 г., можно констатировать, что ни одна из ее составляющих, в том числе и статистическая, не была разработана до конца. Центральные и местные статистические учреждения далеко не всегда могли обеспечить проведение переписи и первичную обработку ее материалов, которые служили практическим основанием разработки аграрной реформы.

В одном из докладов на заседании Лиги аграрных реформ Н.П. Огановский утверждал, что на проведение столь масштабных и основательных преобразований понадобится двадцать лет. Возможно, он был прав, однако история реформаторам этого времени не дала.

Литература

1. *Медушевский А.Н.* Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI века. М., 2005. – 639 с.
2. Основные вопросы аграрной реформы на 2-ом Всероссийском съезде Лиги аграрных реформ. М., 1917. – 48 с.
3. *Фигуровская Н.К.* Банкротство «аграрной реформы» Временного правительства // Исторические записки. Т. 81. С. 39–54.

© Савинова Т.А., 2023

¹ Там же. Оп. 2. Д. 363. Л. 14 об. Журнал междуведомственного совещания об отпуске средств из казны.

АГРАРНОЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ ЛИПЕЦКОЙ ДЕРЕВНИ В 1917–1920 ГГ. И ЕГО РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Далеко не однозначные аграрные реформы первой трети XX в. актуализируют вопрос о причинах и о последствиях крестьянской неподатливости, казалось бы, насущным изменением. В статье обращено внимание на реализацию большевистского варианта аграрных реформ на уровне отдельного Липецкого уезда черноземной Тамбовской губернии.

Ключевые слова: аграрное реформирование; гражданская война; хозяйственный консерватизм; стратегии выживания; Липецкий уезд.

Реализация принципа справедливости, заложенного в большевистском Декрете о земле, предполагала ликвидацию частного владения землей с передачей последней в пользование трудящегося крестьянства. Декларируемая декретом общекрестьянская этическая норма, тем не менее, имела ряд практических негативных последствий, которые выявлялись по мере проведения земельного передела, в частности, в Липецком уезде Тамбовской губернии.

Принятие Декрета о земле вызвало цепную реакцию в черноземном регионе в виде проведения разнообразных крестьянских и межпартийных съездов, съездов Советов, съездов коммунаров, съездов представителей волостных земельных комитетов с обсуждением путей решения земельного вопроса. Подобные форумы прошли на уровне Тамбовской губернии [1; 2], а также в Липецком и в смежных с ним уездах: Лебедянском, Усманском, Козловском, Задонском² с принятием резолюций по земельному вопросу. В них фиксировался порядок распределения между крестьянскими обществами частновладельческих земель³, нормы наделения, порядок уборки урожая на засеянных ранее частных землях, затрагивались вопросы распределения усадебных земель, деятельности сельскохозяйственных предприятий (сахарных, конных заводов) и пр. Решения

¹ Гатилов Эдуард Вячеславович, кандидат исторических наук, Липецкий государственный технический университет, gatilow.e@yandex.ru, Россия, г. Липецк.

² Государственный архив Липецкой области» (ГАЛО). Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 12. Л. 81, 86, 75.

³ Включая земли частных лиц, казенные земли, земли церковные и монастырей.

о земельном переделе в Липецком уезде были приняты в ходе V (16 декабря 1917 г.) и VI Крестьянских съездов Липецкого уезда (10–14 января 1918 г.)¹. Последний поручал Земельной управе немедленно приступить к сбору сведений о количестве наделной, учетной пахотной и луговой земли, о числе душ в уезде с последующим составлением общего плана разверстки земли для дальнейшего утверждения в уездном земельном комитете, уездном Совете крестьянских депутатов и на Уездном крестьянском съезде.

Проведенная работа достаточно быстро выявила «плавающий» характер данных – каждый последующий сбор сведений являл новые цифры. В таблице 1 представлены данные по ряду волостей Липецкого уезда, полученные в результате учета населения и земель в январе и мае 1918 г.

Таблица 1

Учет населения и земель по волостям Липецкого уезда

Волость	Количество душ обоого пола		Площадь наделной земли (дес.)	
	Январь 1918 г.	Май 1918 г.	Январь 1918 г.	Май 1918 г.
Больше-Избердеевская	19371	19463	16695	16298
Грязинская	16199	23354	13054	12447
Ивановская	12058	13572	13490	6361
Таволжанская	19902	21044	13640	14003
Фашевская	26987	11597	18126	6233
Шехманская	19173	18155	15261	14704

Источник: ГАЛО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 1. Л. 11об.; Д. 27. Л. 1.

Изменения происходили и в других волостях. В Сырской волости, например, повторный учет населения в марте 1918 г. выявил недостаток земли в размере 646 дес., покрытие которого предусматривалось за счет 466 дес. Липецкой пригородной слободы и 180 дес. хутора Оршан². В Грязинской волости с января по июнь 1918 г. численность населения увеличилась на 2 тыс. чел. что привело к сокращению резервного фонда с 800 до 21,5 дес.³

¹ ГАЛО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 1. Л. 28 об., 29, 9 об.

² Там же. Л. 135.

³ Там же. Д. 25. Л. 95 об.

Показанные по майскому учету 1918 г. земельные площади в Ивановской и Фашевской волостях (табл. 1), которые в половину ниже январских, демонстрируют несомненный саботаж реального учета, поскольку недостаток земель по потребительской норме в малоземельных волостях формировал компенсацию за счет многоземельных волостей. Причем дело осложнялось еще и градацией земель на пахотные, луговые и усадебные. Наличие волостного недостатка/излишка земель определяло необходимость изменения права пользования на земельные участки: при недостатке сельским обществам малоземельных волостей передавалось право пользования излишками многоземельных волостей. При всей видимой справедливости такого земельного поравнения вырисовывались существенные недостатки.

Первый из них – дальнотемелье. Уже в начале апреля 1918 г. комиссия по разрешению конфликтов между волостями отмечала удаленность земельных участков на расстояние от 5 до 10 верст, а в отдельных случаях – от 40 до 50 верст¹. Избежать удаленности земельных массивов от получивших их в пользование сельских обществ было практически невозможно. Отягощающими обстоятельствами выступали расположение и плодородие частновладельческих земель. Такие земли были практически в каждой волости, составляя к маю 1918 г. по Липецкому уезду 42 929 дес.², но основными донорами весной 1918 г. стали Кузьминская, Больше-Избердеевская, Ивановская и Грязинская волости, из которых малоземельным волостям в совокупности было определено для выдела 17 055 дес. (рисунок 1).

¹ Там же. Д. 1. Л. 135; Д. 25. Л. 62.

² Там же. Д. 27. Л. 1.

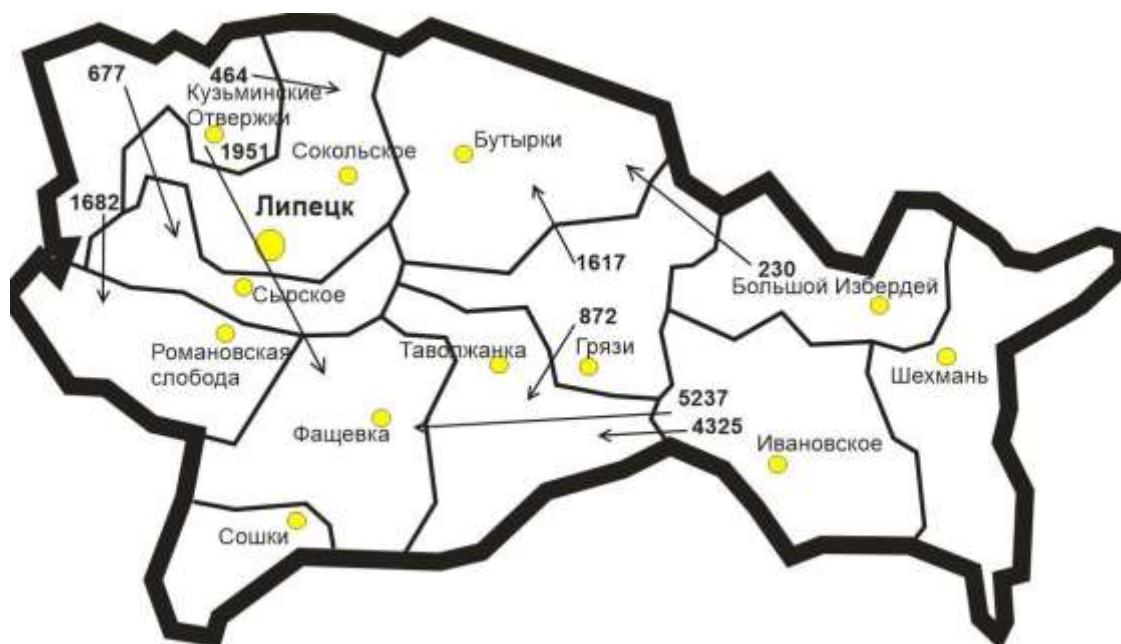

Рисунок 1

Площадь частновладельческой земли, передаваемой малоземельным волостям под яровой посев 1918 г. по мартовской 1918 г. разверстке Липецкого уездного земельного отдела (дес.)¹

На рисунке видно, что наиболее удаленные земли были определены сельским обществам Фащевской (из Кузьминской и Ивановской) и Бутырской (из Больше Избердеевской) волостей – и в первом, и во втором случае – более 20 верст. Но даже в смежных волостях выделяемые земли могли быть не только удалены на приличное расстояние, но и расположены в разных местах. Дело в том, что поскольку определить точно степень плодородия было далеко не всегда возможно, сельские общества инициировали распределение земель по жребию. Так, в частности, были распределены излишки земель Кузьминской волости для покрытия недостатка в Романовской волости под яровой посев 1918 г. Такое распределение считалось крестьянами справедливым, хотя полученные земли были и удалены, и разбросаны: общество с. Крутые Хутора получило 130 дес. в трех массивах, общества с. Студеные Хутора, с. Частая Дубрава и с. Пады соответственно 29, 21 и 52 дес., каждое в двух массивах². Для пущей справедливости в крестьянских обществах практиковалось подесятинная жере-

¹ Там же. Д. 1. Л. 159 об., 160.

² Там же. Л. 162.

бьевка. К примеру, в апрельском протоколе 1918 г. по с. Хрущевка фиксировалось: «Обсуждается вопрос о складке жеребьев для передела земли. По общему мнению решено сложить жеребья по 18 едоков в каждый и для равного распределения трясть жеребья на каждую десятину для того, чтобы каждому домохозяйину досталась земля лучшего качества и по близости к селу и часть худшего качества и в дали...»¹.

Таким образом, удаленность распределяемых между крестьянскими обществами частновладельческих земель определялась их местоположением, плодородием и соблюдением принципа равноправия. Данная совокупность распределения частных земель порождала закономерное следствие – проблематичность обработки удаленных участков из-за высоких издержек.

Дальность земельных участков определяла высокие затраты крестьянских хозяйств на получение урожая (транспортировка сельскохозяйственного инвентаря или его аренда на месте, транспортировка посевного материала, полученного урожая, прогон и содержание рабочего скота, организация места для проживания, питание и пр.), практически лишала возможности унавоживания, вела к хищнической эксплуатации этих земель. Позволить себе высокие издержки могли лишь крепкие хозяйства, имеющие трудоспособный рабочий скот, инвентарь, семенной материал и рабочие руки. Для слабых хозяйств и целых сельских обществ удаленные земли становились головной болью, т. к. необходимо было давать властям мотивированное объяснение о невозможности обработки этих участков.

Практика передела формировала несколько путей разрешения проблемы дальнотемелья. Первый – договорной. Например, в августе 1918 г. в районе с. Средней Лукавки Ивановской волости был выявлен участок земли в 70 дес., который остался невспаханным под рожь на будущий 1919 г. Эта земля по разверстке была закреплена за крестьянами с. Ярлуково Грязинской волости, которые, живя за 35–40 верстах от с. Средней Лукавки, за гумнами которой эта земля находилась, были не в силах ее обработать. По замечанию представителя

¹ Там же. Д. 25. Л. 52.

уездного земельного отдела, крестьяне с. Ярлуково «не имеют хороших, сильных лошадей и плугов, чтобы вспахать эту землю (она слишком тучна и они своими сошонками на клячах физически не смогут вспахать такую землю), не имеют зерна на обсеменение и, наконец, слишком далеко им ехать пахать ее»¹. В сложившихся обстоятельствах земледельцы Средней Лукавки согласны были добросовестно обработать эти земли и на льготных условиях: половину урожая они готовы были отдать ярлуковскому обществу при условии, что остальной хлеб и солому оставят себе за труды. Близость участка и его урожайность для одних и удаленность для других стали достаточными факторами для договора испольщины.

Второй путь – скрытая запашка – проявлялся в тех случаях, когда отдельные земельные участки выпадали из поля зрения земельных (уездных или волостных) отделов. В этих условиях отдельные земледельцы – малообеспеченные – на свой страх и риск, зажиточные – нередко посредством подкупа представителей волземотделов – обрабатывали участки, закрепленные за обществами других, удаленных волостей. Несмотря на то, что сам факт скрытой запашки прослеживается по источникам, однако выявить масштабы этого явления по Липецкому уезду пока не представляется возможным. Но практика наделения малоземельных волостей за счет удаленных участков в многоземельных волостях стабильно реализовывалась в период Гражданской войны и создавала условия для сокрытия запашки. Так, в частности, по сведениям Ивановского волземотдела из волости под яровой посев 1920 г. выделялось Шехманской волости – 50 дес., Больше-Избердеевской волости в разных местах – 52 дес., 16 и 2 дес., Фашевской волости – 5 и 22 дес., Таволжанской – 435 дес.² То есть сохранение удаленных земель формировало потенциальные условия для сохранения практики скрытой запашки.

Непосредственно для уездных и губернских земельных органов отказ сельских обществ от обработки дальних земель автоматически сокращал «налоговую» базу, что, в свою очередь, вызывало реакцию властей в виде

¹ Там же. Д. 38. Л. 45.

² Там же. Д. 133. Л. 89.

нажима на население по принуждению к посевам. Поэтому земельные органы, где это было возможно, способствовали реализации третьего пути – обмену земель между волостями. В частности, протоколом совместного заседания Больше-Избердеевского и Ивановского волземотделов от 23 мая 1920 г. решался вопрос об обмене земель между волостями из-за значительного дальнотемелья. Решено провести обмен в следующем порядке: от Больше-Избердеевской волости передать Ивановской волости 90 дес. из участка бывш. Головина; от Ивановской волости передать такое же количество земли из участка бывш. Квашнина-Самарина¹. Как видно, предметом обмена являлась бывшая частновладельческая земля.

Межволостной обмен земель действительно способствовал некоторому сокращению дальнотемелья, но он не устранял еще одного действенного порока – многочисленных переделов как частновладельческих, так и надельных земель сельских обществ. Данное положение являлось следствием невозможности обеспечить последние едиными земельными массивами, а также из-за демографических и миграционных изменений. Как результат – лоскутность и кратковременность наделения: земли продолжали распределять внутри уезда на 1–2 посева. И яровой, и озимый посевы, и распределение паровой земли вызывали сезонное перемежевание и внутриселенные переделы. В таблице 2 приведен фрагмент проекта распределения земель под яровой посев 1921 г. по селениям Бутырской волости.

¹ Там же. Д. 239. Л. 18.

Фрагмент проекта распределения земли под яровой посев 1921 г.
по селениям Бутырской волости Липецкого уезда

Селение	Число едоков	Имеется надельного ржища (дес.)	Причитается земли на едо-ка (саж.)	Недостаток земли (дес.)	От кого прирезается, сколько и в каких- дах (дес.)
с. Бутырки	3974	800	864	64	Из участка: бр. Андреевы – 21 д., В.В. Соловьева – 6 д., И.Ф. Соловьева – 15 д., Элпидиной – 20 д. в даче с. Ивановки
с. Капитан- щино	431	30	85	55	Из уч.: Рахманина – 25 д., Инютина – 5 д., и И.Я. Седых в с. Корневщине – 25 д.
с. Корневщ ино	1115	127	242	115	Из уч.: Д.И. Хохлова – 25 д., Гончарова – 10 д., Т.В. Наземцева – 30 д., К.А. Седых 7 д., Г.А. Наземцева – 12 д., церковной – 18 д., и в даче с. М.Алексеевки Манаенкова – 14 д.
с. Горицы	2025	241	430	189	Из уч.: Северовой – 25 д., Душенина – 21 д., Никитиных – 18 д., Романова – 24 д., с. М. Алексеевки Томской – 30 д., и в с. Ивановке Ф.И. Андреева – 30 д., Т.К. Соловьева – 22 д., А.В. Иванова – 7 д.
...					
с. Гудаловка	373	30	87	57	Из уч.: Плеханова – 20 д., М.Д. Котельникова – 21 д., Р. И Ф. Котельниковых – 23 д., Голенева – 15 д.
Всего	15294	2779	3308	805	

Источник: ГАЛЮ. Ф. Р-7. Оп. 1. 26. Л. 114об., 115.

Согласно данным таблицы 2 для земельного обеспечения обществ и покрытия недостатка при достижении установленной нормы по селениям Бутырской волости в 1921 г. компенсация формировалась в нескольких, зачастую, незначительных по размеру, массивах. Избежать чересполосицы в таких условиях было фактически невозможно, что, в свою очередь, определяло необходимость переделов внутри сельских обществ для обеспечения справедливости пользования. Практика земельного передела частновладельческих площадей достаточно быстро показала властям невозможность реализации принципа равенства и устранения злободневных сельских проблем, таких как чересполосица. Уже в апреле 1918 г. в Липецком уездном земотделе признавали неизбежность дан-

ного явления и отмечали, что разверстка производится только на один посев и нисколько не предрешает окончательного распределения земель при проведении коренной реформы – социализации земли¹. Не удивительно, что в 1920 г. вопрос перераспределения земель разрешился изданием декрета о недопустимости переделов ранее 3-х кратного обращения севооборота².

Проводимое перераспределение земельного фонда липецкой деревни в 1918–1920 гг. было критически оценено самими землеустроителями – отделом землеустройства Липецкого уездного комиссариата земледелия. Отмечалось, что «...уравнительная разверстка не разрешила благоприятно хозяйственного использования прирезанных земель. Дореволюционная чересполосица и длинноземелье по уравнию разрослись до необычайных размеров. Центральные, наиболее малоземельные волости получили прирезки за 45–50 верст от своего расположения. Жажда земли привела к тому, что крестьяне никак не хотели отказаться от своего права на такие дальние прирезанные земли; однако невозможность хозяйственно правильно использовать их скоро обнаружилась на фактах: 1918 и 1919 г. принесли нам изрядные недосевы в многоземельных волостях, как раз тех земель, какие по разверстке достались дальним крестьянам»³. Как видно, критике подверглась внутриуездная разверстка, сохранявшая права пользования землей сельских обществ одних волостей на территории других волостей уезда. Средством ликвидации данного негатива стал переход на внутриволостную разверстку земель, которая уже в 1920 г. способствовала значительному сокращению недосева⁴.

Практика землепользования в Липецком уезде требовала корректировки в волостях результатов перераспределения частновладельческого фонда. Со стороны крестьянства это осуществлялось в ходе многочисленных земельных переделов, поземельных конфликтов, скрытой запашки, отказов от обработки хозяйственно-удаленных участков, в стремлении переселиться на новые земли, ходачестве, наконец, миграции из деревни. Набор процедур и интенсивность

¹ Там же. Д. 1. Л. 124 об.

² Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1920. № 35. Ст. 170.

³ ГАЛО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 226. Л. 10.

⁴ Там же.

его реализации со стороны уездных властей колебался в зависимости от ситуации на фронтах Гражданской войны и включал в себя как примирительные меры (работа конфликтных комиссий (межволостных, межуездных, межгубернских), организация и проведение землемерно-технических работ), так и принуждение к выполнению решений центральных или губернских/уездных властей, как посредством угроз, так и применением военной силы.

Таким образом, несмотря на получение частновладельческих земель, у липецкого крестьянства, тем не менее, не сформировались основания для изменения традиционного хозяйствования. Негативные тенденции в землепользовании первых революционных лет на территории уезда не могли быть ликвидированы в условиях сохранения уравнительного перераспределения. Чересполосица, длинно- и дальнеземелье, еще более распространившиеся за время земельного передела 1917–1920 гг., создавали слишком высокие издержки для ведения традиционного хозяйства, к тому же значительно ослабленного реквизициями и продразверсткой, а затем и голодом 1922 г. Крестьянство уезда в большей своей части держалось имеющейся земли как гаранта выживания. В марте 1922 г. уездные власти отмечали, что во всех волостях без исключения наблюдается стремление зажиточного меньшинства к мелко-посевному отрубному землепользованию, о чем свидетельствовал рост ходачества и письменных заявлений. При этом для большинства крестьян было характерно нежелание перехода от общинной формы землепользования к другим формам¹. Сохранение традиционного землепользования со всеми его изъянами и организации крестьянского мира в условиях экономической разрухи становилось главным основанием самосохранения, выживания крестьянского семейного хозяйства. И многочисленные поземельные конфликты становились рядовым проявлением в стратегии выживания. Они создавали серьезную нагрузку на органы власти, землемерно-технические отделы, которые в условиях нехватки финансового, кадрового, транспортного обеспечения, должны были осуществлять многочисленные внутриобщинные перемереживания, несмотря на первоочередное выделе-

¹ Там же. Д. 515. Л. 29.

ние коммун и артелей.

Аграрное реформирование липецкой деревни в 1917–1922 г., реализуемое в годы военного противостояния и экономической разрухи на волне удовлетворения общекрестьянских интересов, вызвала в Липецком уезде консервацию наиболее острых проблем деревни. Не удивительно, что в передельном хаосе первых пореволюционных лет создание культурных имений – совхозов, и в меньшей степени коммун и сельскохозяйственных артелей, виделось как формирование крупниц некоторой стабильности землепользования. Хотя в 1922 г. артельно-коммунальный и совхозный сектора включали лишь 3,64% всего земельного фонда уезда¹, привлекательность подобной стабильности в последующем сыграет не последнюю роль в безоговорочной поддержке со стороны властей советских и коллективных форм хозяйствования как в годы новой экономической политики, так и в период коллективизации.

Литература

1. *Мещеряков Ю.В.* Тамбовская губерния в начальный период советской власти: октябрь 1917 – август 1918 гг. Тамбов, 2012. – 423 с.
2. *Протасов Л.Г.* Партийный состав делегатов Тамбовского губернского учредительного съезда Советов (март 1918 г.) // Вопросы исторического краеведения Тамбовской области: крат. тез. докл. на II обл. конф. (нояб., 1982). Уварово, 1982. С. 24–28.

© *Гатилов Э.В.*, 2023

¹ Там же. Д. 515. Л. 29.

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ 1920-Х ГГ.: СВЕРТЫВАНИЕ НЭПА

Реализация «нового курса» позитивно сказалась на развитии сельхозпроизводства. Однако уже в 1926 г. началась корректировка аграрной политики. Вновь стал применяться классовый подход, в соответствии с которым зажиточные слои деревни ставились под возрастающий политический и экономический пресс. В конце 1920-х гг. нажим на них еще более усилился.

Ключевые слова: аграрная политика; нэп; крестьянство; сельское хозяйство; налогово-податное обложение; регулирование землепользования.

В 1925 г. в рамках проведения курса РКП(б) «Лицом к деревне» произошла либерализация аграрной политики советского государства. С целью стимулирования роста товарности крестьянских хозяйств расширились законодательные пределы применения найма рабочей силы и аренды земли. Снизилось налогообложение деревни. Выросло кредитование и машиноснабжение крестьянства. Дезавуировались административные меры в отношении зажиточных хозяйств. Интенсивность антикулацкой риторики в партийной и советской печати существенно уменьшилась.

Осуществление «нового курса» большевистской партии по отношению к крестьянству позитивно сказалось на развитии сельскохозяйственного производства и улучшило социально-политическую обстановку в деревне. Однако уже осенью 1925 г. началась корректировка аграрной политики. Основанием для этого стала негативная оценка партийным руководством страны итогов прошедшей в начале 1925 г. кампании по перевыборам сельсоветов. Относительная демократизация выборов привела к существенному снижению доли бедноты и коммунистов в составе советов².

Власти восприняли подобные результаты как собственное поражение.

¹ Ильиных Владимир Андреевич, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения РАН, agro_iwa@mail.ru, Россия, г. Новосибирск.

² Доля коммунистов в составе сельсоветов в Сибирском крае снизилась с 9,5 до 4,8 % [1, с. 45, 48].

При этом партийное большинство, которое ранее критиковало левую оппозицию за преувеличение кулацкой опасности, увидело в массовом забаллотировании своих однопартийцев «происки кулачества». Подводя итоги перевыборов, «Правда» 12 июня 1925 г. отнесла Сибирь к регионам, где кулацкой верхушке отчасти удалось повести за собой среднее крестьянство. Секретарь Сибкрайкома ВКП(б) С.В. Косиор оценивал ситуацию более позитивно, заявив на октябрьском (1925 г.) пленуме Сибкрайкома, что «к власти пришел середняк». Однако, по его мнению, без организованности бедноты это может привести к блокированию среднего крестьянства с кулачеством¹. Доказательством подобной «смычки» стало для властей то, что сформированные в ходе более свободных выборов сельсоветы способствовали сокрытию крестьянами объектов обложения сельскохозяйственным налогом, которое приобрело массовый характер. Подобные результаты налоговой кампании были восприняты как тревожный симптом, требующий политического купирования.

В связи с этим октябрьский (1925 г.) пленум ЦК РКП(б) поставил в повестку дня текущей политики задачу организации бедноты с целью ее сплочения «вокруг партии и Советского государства». Надлежало оказать бедняцким слоям деревни широкомасштабную экономическую поддержку и направить их политическую активность против зажиточного крестьянства. В качестве одной из наиболее действенных мер рассматривалось налаживание системы льготного кредитования деревенской бедноты (увеличение сроков предоставления кредитов и снижение процентных ставок). Следовало также «усилить поддержку развития» простейших производственных кооперативов и «всемерно содействовать строительству колхозов» [10, с. 415]. Льготное кредитование бедняцких и коллективных хозяйств должно было осуществляться через создаваемые общесоюзный, республиканские и местные специальные фонды.

XIV съезд ВКП(б), констатировав «усиление кулаков в деревне», которые пытаются «овладеть середняцкими слоями и подчинить таким образом советы своему влиянию», поставил задачу политической изоляции кулачества [10,

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-2. Оп. 2. Д. 61. Л. 11–12.

с. 430]. Апрельский (1926 г.) пленум ЦК принял решение о расширении масштабов хозяйственной помощи бедноте и выработке мер по ограничению «эксплуататорских стремлений кулачества» и защите интересов бедноты в сфере найма рабочей силы и аренды земли. Пленум также поставил задачу освобождения от уплаты сельхозналога «наиболее маломощных групп» крестьянства и увеличения обложения «зажиточных и кулацких слоев» [11, с. 14, 15].

В 1926 г. в соответствии с партийной директивой было проведено радикальное реформирование принципов исчисления сельхозналога [6, с. 176–177, 180]. Размер налога теперь зависел от уровня совокупного годового дохода хозяйства в расчете на одного едока и исчислялся по прогрессивной шкале ставок. Облагаемый годовой доход рассчитывался по установленным для сельского района нормам вмененной доходности отдельных объектов обложения¹. Кроме того, с этого года стали облагаться доходы не только от земли и скота, как было ранее, но и от так называемых неземледельческих заработков, более развитых в крупных хозяйствах. От уплаты налога освобождались хозяйства, в которых сумма облагаемого дохода от сельского хозяйства не превышала установленный для данного региона необлагаемый минимум годового дохода. Налоговая реформа привела к существенному росту фискальной прогрессии и размеров сельхозналога². Увеличилось число бедняцких дворов, освобожденных от уплаты налога.

XV съезд ВКП(б) поставил в повестку дня аграрной политики партии задачу «объединения и преобразования мелких индивидуальных хозяйств в крупные коллективы». Кроме того, съезд счел необходимым «развивать дальше наступление на кулачество и принять ряд новых мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне» [11, с. 299, 305]. Реализации поставленных задач должны были способствовать следующие мероприятия:

1. В сфере сельскохозяйственного производства: повышение произво-

¹ В предыдущие годы налог определялся по площади облагаемой пашни (в состав которой по установленным коэффициентам пересчета также включались сады, огороды, используемые сенокосы и скот) на едока и по урожайности в данном регионе.

² В Сибири сумма сельхозналога в 1926/27 г. увеличилась по сравнению с предыдущим годом в 1,4 раза [6, с. 178].

дительности и товарности трудового крестьянского хозяйства путем кооперирования и увеличения масштабов агрономического обслуживания.

2. В сфере производственного кооперирования: расширение сети простейших производственных кооперативов; укрепление существующих и создание новых колхозов; переориентация системы сельхозкредита на поддержку производственного кооперирования; развитие производственной контрактации¹.

3. В сфере налогообложения: увеличение числа бедняцких хозяйств, освобожденных от уплаты сельхозналога; более полное обложение доходов зажиточных хозяйств.

4. В сфере регулирования землепользования: ограничение аренды, ведущей «к росту кулацких элементов»; содействие формам землепользования, которые «более благоприятны для развития кооперирования и механизации сельского хозяйства»; ограничение практики хуторского и отрубного землеустройства.

Важная роль в социалистическом преобразовании аграрного сектора экономики отводилась совхозам, которые должны были превратиться «в образцовые крупные хозяйства социалистического типа», результатами своего труда на деле доказывая крестьянам близлежащих селений преимущества крупного обобщественного производства. Ставилась задача создания значительного количества новых крупных специализированных хозяйств. На июльском (1928 г.) пленуме ЦК ВКП(б) было признано необходимым ускоренное развитие прежде всего зерновых совхозов, с тем чтобы они к концу первой пятилетки могли произвести 100 млн пуд. хлеба и заменить кулаков в производстве зерна [11, с. 354].

Дальнейшая радикализация политики большевистского режима в отношении хозяйств, относимых к кулацким, была связана с заготовительными кризисами 1927/28 и 1928/29 гг., которые И.В. Сталин и его сторонники в Политбюро ЦК ВКП(б) однозначно трактовали как «кулацкие хлебные стач-

¹ Контрактация – заключение контракта (договора), по которому производитель берет на себя обязательство поставить заготовителю оговоренный объем сельхозпродукции, а последний обязывается проавансировать будущие поставки или предоставить в кредит материально-технические ресурсы, необходимые для ее производства (семена, орудия труда, агротехнические услуги и т.п.). В СССР с 1922 г. контрактывались технические культуры.

ки». С января 1928 г. зажиточные крестьяне, не желавшие продавать зерно государственным и кооперативным заготовителям по низким ценам, стали преследоваться в уголовном порядке как спекулянты по ст. 107 УК РСФСР [8, с. 143–146]. Весной 1929 г. государство фактически восстановило продразверстку, названную на сей раз «урало-сибирским методом» заготовок, в соответствии с которым большая часть доведенного до села заготовительного задания (от 60 % и более) возлагалась на зажиточных крестьян. Подворная разверстка утверждалась сельсоветом, приобретая тем самым официальный статус «общегосударственного задания», неисполнение которого преследовалось по ст. 61 УК РСФСР: от налагаемого в административном порядке штрафа, кратного размеру невыполненного задания (как правило, пятикратного), до тюремного заключения и даже выселения с постоянного места жительства в случае группового отказа или «активного сопротивления органам власти» [8, с. 271].

В конце 1920-х гг. постоянно возрастало налогообложение зажиточных дворов [5, с. 15, 18–19]. С 1928/29 г. вводились надбавки к налогу на зажиточные середняцкие хозяйства (до 25 %). В том же году был осуществлен переход к так называемому индивидуальному обложению кулаков, приводившему к резкому возрастанию суммы сельхозналога (см.: [3, с. 151–152]). Привлечение хозяйства к уплате сельхозналога в индивидуальном порядке служило основанием для наложения на него более высокого взноса по самообложению, которое фактически превратилось из добровольного платежа в обязательный. С 1929/30 г. хозяйства, официально отнесенные в разряд кулацких, лишались права на налоговые льготы.

Наступление на зажиточное крестьянство разворачивалось и в других сферах. Постановление ЦИК и СНК СССР от 20 февраля 1929 г. «О порядке применения кодекса законов о труде в кулацких хозяйствах» распространяло действие кодекса на все хозяйства, причисленные к разряду кулацких, а не только на крупные хозяйства промышленного типа, как было ранее. Кодекс устанавливал для работников 8-часовой рабочий день, оплачиваемый отпуск,

социальное страхование¹. Постановлением СНК СССР от 11 июля 1929 г. вводились новые «Временные правила о применении подсобного наемного труда в трудовых крестьянских хозяйствах», которые устанавливали более строгие нормы использования наемной рабочей силы и в хозяйствах, относимых к категории трудовых². Во второй половине 1929 г. «деревенской буржуазии» был запрещен доступ в сельскохозяйственную кооперацию и колхозы, а в декабре 1929 г. началась чистка колхозов и простейших производственных кооперативов «от кулацких элементов». Вводился запрет кредитования и машиноснабжения кулаков.

Принятие IV сессией ЦИК СССР в декабре 1928 г. «Общих начал землепользования и землеустройства»³ знаменовало собой отказ от нэповских принципов земельной политики. Преимущественное право на получение земли в трудовое пользование получали колхозы, а также «бедняцкое и середняцкое безземельное и малоземельное население». Они же должны были получать лучшие и более удобно расположенные земли. Лицам, лишенным избирательных прав, в том числе по кулацким признакам, земельные наделы предоставлялись «в последнюю очередь». Право на свободный выбор формы землепользования формально сохранялось. Однако хуторское и отрубное разверстание должно было производиться «в последнюю очередь» или не исполняться «в тех случаях, когда образование хуторов ведет к росту и укреплению кулачества». Право сдачи в аренду земель предоставлялось трудовым хозяйствам, «ослабленным» стихийными бедствиями, недостатком инвентаря или рабочей силы, на срок не свыше 6 лет⁴. Запрещалась «кабальная» аренда и сдача земли кулацким хозяйствам⁵.

Досрочные переделы земли в общинах допускались лишь при проведении землеустройства, «перехода к улучшенным формам хозяйства», «необходимо-

¹ СЗ СССР. 1929. № 14. Ст. 117.

² Там же. № 46. Ст. 402.

³ Там же. 1928. № 69. Ст. 641.

⁴ Райисполкомы получали право сокращать предельный срок аренды до 3 лет для тех хозяйств, которые, несмотря на оказываемую им помощь со стороны госорганов или кресткомов, «не обрабатывают сами предоставленной им земли, а сдают ее из года в год в аренду». Если же такие дворы по истечении установленного предельного срока аренды не начинали самостоятельно обрабатывать землю, она у них изымалась.

⁵ Земля, сдаваемая в аренду кулацким хозяйствам, подлежала изъятию.

сти борьбы с кулачеством». Земельные общества по решению большинства их членов могли принимать обязательные для меньшинства постановления о проведении агрикультурных улучшений: переходе на многополье, улучшенной обработке земли, борьбе с сорняками и т. п. Меньшинству же членов общества предоставлялось право выхода из него с землей для организации коллективного хозяйства.

В качестве основных задач землеустройства провозглашались «повышение технического уровня сельского хозяйства, кооперирование широких слоев трудового крестьянства, укрепление и развитие сети коллективных и советских хозяйств, а также принятие действительных мер к защите интересов маломощных слоев деревни <...> и к преодолению кулачества». Изменение границ землепользования по инициативе государственных органов допускалось для «ограничения захватнических стремлений кулаков», «прекращения особо острых и запутанных земельно- хозяйственных отношений», выделения переселенческого фонда.

Следствием ужесточения экономического и политического давления на зажиточные крестьянские хозяйства стало сокращение их численности. Часть бывших кулаков разорилась, часть самостоятельно сократила размеры своих хозяйств («самораскулачилась»). Весной 1929 г., по данным официальной статистики, в Сибирском крае насчитывалось всего 1,8% дворов, относимых к категории «мелкокапиталистических производителей»¹. Во второй половине года процесс сокращения численности зажиточных хозяйств еще больше усилился. Постоянно увеличивалось число кулаков, подвергавшихся репрессиям. В итоге к началу 1930 г. кулачество как социально- имущественная группа деревни фактически прекратило свое существование.

Экономическое наступление на зажиточное крестьянство приводило к консервации мелкотоварности крестьянской экономики и замедлению темпов развития сельского хозяйства в целом. С целью замещения производственного потенциала хозяйств, относимых к кулацким, и увеличения товарности сель-

¹ Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами: стат. сведения по сельскому хозяйству СССР за 1927–1930 гг. М., 1931. С. 100.

хозпроизводства власти постоянно расширяли масштабы «социалистического строительства». В 1928 г. основной упор делался на вовлечение крестьянских хозяйств в специализированные простейшие производственные кооперативы (машинные, семеноводческие, мелиоративные, животноводческие и др.). Они считались «вернейшим средством постепенного перехода от кооперирования сбыта и снабжения к обобществлению производства индивидуальных крестьянских хозяйств» [11, с. 306].

Параллельно с производственным кооперированием крестьянства развивалась контрактация, которая рассматривалась не только и не столько как метод заготовок сельхозпродукции, но как механизм организации сельхозпроизводства (прежде всего единоличного) на плановых началах.

Была поставлена задача перехода к массовой контрактации всех видов сельскохозяйственной продукции, прежде всего зерновых культур. Наряду с авансовой контрактацией широкое распространение получила и безавансовая. Произошел переход от индивидуальной контрактации к коллективной. В качестве ее контрагентов могли выступать только колхозы, кооперативы и земельные общества. Непременным условием договора являлось обязательство контрактанта выполнить агро- или зоомиимум (перечень простейших агрономических и зоотехнических мероприятий, направленных на повышение урожайности и продуктивности скота).

Во второй половине 1929 г. контрактация приобрела характер государственной повинности. В соответствии с принятым законодательством контрактационные договоры с земельными обществами утверждались на общем собрании их членов «бедняцко-средняцким большинством». Затем обязательства по производству (в том числе по площади посева) и сдаче продукции распределялись между всеми дворами, «учитывая мощность их хозяйств». Проведенная раскладка утверждалась сельсоветом, что давало право преследовать не выполнявшие ее хозяйства по ст. 61 УК РСФСР [7, с. 359–362].

В 1928–1929 гг. произошли фактические изменения политики большевистского режима по отношению к менее состоятельным слоям деревни – бедноте и

среднякам. Затягивая фискальную петлю на кулаках, государство публично заявило о своем стремлении снизить уровень обложения сельхозналогом бедняцких и середняцких хозяйств. Однако уменьшение базового налога было с лихвой компенсировано за счет роста других бюджетных и внебюджетных платежей, многие из которых превращались из добровольных в обязательные [5, с. 19–20]. С 1928 г. так называемые бедняцкие фонды стали использоваться главным образом для кредитования производственных кооперативов и колхозов¹.

7 декабря 1929 г. с целью централизации управления аграрным сектором экономики и «внесения единства в планирование и руководство сельскохозяйственным производством в масштабах СССР» был организован Народный комиссариат земледелия СССР с сохранением ранее существовавших наркомземов союзных республик [7, с. 140–141].

Централизация управления, экономическое и административное давление на единоличную деревню, развитие производственной кооперации и контрактации должны были способствовать обобществлению сельскохозяйственного производства, в качестве основной организационно- производственной формы которого в 1929 г. стали рассматриваться коллективные хозяйства. На 1 июня 1927 г. удельный вес колхозных дворов в общем числе крестьянских хозяйств в СССР составлял 0,8 %, на 1 июня 1928 г. – 1,7, на 1 июня 1929 г. – 3,9, на 1 октября 1929 г. – 7,6 % [4, с. 112, 126]. Данные результаты не удовлетворяли руководителей советского государства. Ноябрьский (1929 г.) пленум ЦК ВКП(б) дал директиву значительно ускорить темпы колхозного строительства. В январе 1930 г. большевистский режим начал форсированную коллективизацию деревни.

Литература

1. *Боженко Л.И., Гагарин А.В.* Социально-политические организации в сибирской деревне (1920–1927 гг.). Томск, 1971. – 135 с.
2. *Гущин Н.Я.* Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибир-

¹ Постановление Сибкрайкома ВКП(б) от 31 января 1928 г. обязывало 80 % бедняцкого фонда кредитования отпускать кооперативным объединениям и лишь 20 % – непосредственно бедняцким хозяйствам [3, с. 166].

ской деревне (1929–1932 гг.). Новосибирск, 1972. – 189 с.

3. *Гущин Н.Я.* Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. – 517 с.

4. История советского крестьянства. М., 1986. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. – 448 с.

5. *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. – 167 с.

6. *Ильиных В.А.* Сельскохозяйственный налог в сибирской деревне в 1924–1928 гг. // *Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890–1920-е гг.)* : сб. науч. тр. Новосибирск, 2004. С. 175–208.

7. *Ильиных В.А.* Становление и функционирование контрактационной системы в Сибири (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 2014 г.: Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв. Самара, 2015. С. 357–368.

8. *Ильиных В.А.* Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М., 2010. – 342 с.

9. *Коржихина Т.П.* Советское государство и его учреждения: Ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М., 1995. – 418 с.

10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 3. – 494 с.

11. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 4. – 575 с.

© *Ильиных В.А.*, 2023

**РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ТРУДАХ УЧЕНЫХ-АГРАРНИКОВ
РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ 1920–1930-Х ГГ.**

В работе проанализирована динамика научных взглядов выдающихся ученых- экономистов русской эмиграции, их оценки развития сельского хозяйства в России, судьбы аграрной России после установления Советской власти, отношение большевиков к государственной политике обобществления земельных фондов и средств производства в сельском хозяйстве Советской России.

Ключевые слова: ученые-эмигранты; частная собственность; индустриализация; коллективизация; сельское хозяйство.

В октябре 1917 г., когда у власти была партия большевиков, началась массовая эмиграция русских ученых из Советской России. Для отечественной науки это событие оказалось одним из самых трагических в XX в., в результате которого Россия потеряла большую часть своего высокоинтеллектуального потенциала. Русские ученые в разных отраслях продолжали традиции российской науки конца XIX– начала XX столетия и стремились стать полезными для своей страны, оказывать содействие технической модернизации производства, независимо от своей политической ориентации и масштаба научной деятельности. Русское аграрно- академическое научное сообщество за границей, невзирая на единичные трудности, вызванные приспособлением к новым условиям жизни не растеряло, а благополучно использовало собственные познания и умения, сохранив академическое наследие и обойдя потерю профессионализма.

После окончания гражданской войны власть большевиков укрепилась, что еще больше притеснило немарксистских стереотипов научного знания, особенно либеральной и неонароднической теорий аграрного хозяйства. Выдающиеся отечественные экономисты, теоретики и практики аграрного хозяй-

¹ Берлов Артур Валерьевич, доктор исторических наук, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Arberlov@mail.ru, Россия, г. Москва.

ства, такие, как С.Н. Прокопович, А.Д. Билимович, Б.Д., Бруцкус, А.Н. Анцыферов, Н.Н. Зворыкин и другие, вынуждены были эмигрировать из большевистской России. Русские экономисты стали членами европейского научного сообщества и организовали работу своеобразного экспертного центра, который в советское время не имел необходимого освещения своей деятельности в силу официальной идеологии и общественно-политической конъюнктуры, отрицавших эмигрантское сообщество как совершавшее далекие от советской реальности действия. Мировоззренческое давление советского правительства призывало историю отрицательно изображать покинувших государство ученых, а их мысли анализировать в контексте реваншистских проектов «белоэмигрантов».

Принудительная эмиграция ученых из Советской России во многом определила их предвзятое отрицательное отношение к власти большевиков, и, в частности их жесткую критику политики советского государства в сельскохозяйственной отрасли. В то же время требование научного подхода объективности налагало определенные обязанности ученых-эмигрантов детально обосновывать свои выводы, тщательно анализировать исключительно достоверные сведения об аграрных реформах большевистской партии в отрыве от идеологии и пропаганды.

Русские ученые в эмиграции были далеко не единодушны в своих оценках процессов, происходящих в сельском хозяйстве Советской России. Однако при всем разнообразии идей и мнений в научной среде русского зарубежья ярко выделялась единая антимарксистская идеология развития крестьянского хозяйства, которая противоречила идеям колхозного строительства.

С.Н. Прокопович, российский экономист и политический деятель, крайне критически оценивал политику большевистского правительства насильственного изъятия «излишков» крестьянского хозяйства в советской деревне во времена «военного коммунизма». Ученый считал, что именно такая «бесхозяйственная организация народного хозяйства явилась причиной катастрофического падения народного дохода, что, в свою очередь, привело к острому продовольственному и финансовому кризисам» и резкому ухудшению экономического

положения Советской России.

Российский экономист Б.Д. Бруцкус писал про предназначение русских ученых, находящихся в эмиграции: «Создать верную общую концепцию русского народного хозяйства и дать правильную оценку действующей системе есть обязанность, возложенная судьбой на нас, зарубежных экономистов. Только мы, свободные от тисков коммунистической цензуры, могли бы выполнить эту важную задачу, которой наши коллеги в России по внешним условиям своей работы надлежащим образом выполнить не в состоянии» [5, с. 408].

В сельскохозяйственном секторе была выделена проблема частной собственности на средства производства, которая была заложена в основе заочных дебатов русских ученых-эмигрантов с представителями официальной марксистской экономической науки. В.И. Ленин, ссылаясь на труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», говорил, что любое государство, где присутствует частная собственность на землю и на средства производства, где главное место занимает капитал, как бы демократично оно ни было, – оно и есть капиталистическое государство, оно есть машина в руках капиталистов, чтобы держать в подчинении рабочий класс и бедное крестьянство [9, т. 39, с. 81]. Теоретики и практики марксизма-ленинизма, стремясь к созданию совершенной общественной модели, ставили своей задачей установить превосходство общественной (по факту – государственной) собственности на средства производства, освободить трудящихся от эксплуатации и обеспечить честное разделение материальных благ каждому члену общества.

Точка зрения теоретиков марксизма-ленинизма была отражена в том, что земля, как основное средство производства в сельскохозяйственной отрасли, принадлежала экспроприации у частных собственников и обобществлению для выгоды трудящихся масс. Фридрих Энгельс, характеризуя сущность будущего социалистического общества, писал о том, что общественная собственность простирается на землю и другие средства производства, а индивидуальная собственность на остальные продукты, т. е. на предметы потребления.

Право частной собственности на средства производства, также на землю, марксизм рассматривал как средство производства в аграрном секторе. Готовность большевиков отменить это право проявилось не только в «Декрете о земле», но и в «Основном законе о социализации земли», который был подписан Лениным в феврале 1918 г. Далее государственная монополия была закреплена Земельным кодексом РСФСР 1922 г. Все сделки с землей в России – запрещались. Ученые-экономисты русской эмиграции критиковали получившуюся закономерность эксклюзивных прав государства на землю.

Разновидности личного землепользования для либеральных экономистов считались базовыми, в тот момент, когда большевики видели в них, наоборот, «преходящие и отживающие» явления. С чувством ярко выраженного недовольства либеральные экономисты относились к вооруженным методам и проводимому насильственным путем вмешательству советского правительства в жизненные процессы русской деревни. Б.Д. Бруцкус, в том числе, сопоставлял большевистское правительство с древнерусским государством, которым управляли князья и княжеские дружинники: «Вооружённые отряды коммунистов ходили по территории государств и взыскивали с крестьян продукты питания в натурном виде. Однако варяжские правители, по счастливому случаю, Маркса не застали, поэтому они призывали с крестьян такое количество дани, чтобы последние имели возможность вскоре ее восполнить» [6, с. 31].

Большевистское желание обобществления земельных фондов и средств производства в сельском хозяйстве Советской России русские ученые-эмигранты, особенно либерального направления, оценивали крайне негативно. Ученые-экономисты русской эмиграции негативно критиковали ленинскую практику создания товариществ по совместной обработке земли (ТОЗов) и сельскохозяйственных артелей с объединением инвентаря и технических средств. Они однозначно утверждали, что лучшей социальной формой организации труда на земле является крестьянская семья, в частной собственности которой находится и земля, и технические средства ведения хозяйства на ней. Позиция Б.Д. Бруцкуса заключалась в том, что крестьянская семья, как миниа-

торное фермерское хозяйство, способна оптимально организовать аграрное производство, адаптируясь к беспорядочному течению сельскохозяйственных работ, сезонным вариациям, изменениям климатических условий, динамике рыночной конъюнктуры и ряду других разнообразных экономических, социальных и политических обстоятельств. Б.Д. Бруцкус говорит о том, что крестьянская семья, обеспеченная своими собственными средствами производства, «представляет собой в подавляющем большинстве случаев наиболее благоприятную комбинацию разнородных работников, кровно заинтересованных в благополучном ведении хозяйства, обеспечивающего их существование» [3, с. 94].

Русские ученые-эмигранты, вобравшие в себя опыт европейских государств в области сельскохозяйственного производства, с опорой на частную собственность, считали крайне благоприятным для России сделать ставку главным образом на индивидуальные крестьянские хозяйства, реорганизовать их в частные фермы с использованием собственного инвентаря и технических средств ведения хозяйства. Как уверенные единомышленники капиталистических отношений в деревне, они крайне плохо оценивали политику советского государства, которая заключалась в ограничении хозяйственной самостоятельности крестьянства и ликвидации частной собственности, в том числе на землю и средства сельскохозяйственного производства.

Политика советского государства по национализации земли подверглась резкой критике русских ученых, которые находились в эмиграции. Такая политика оценивалась ими как самая заметная в истории российского крестьянства катастрофа. Ученые-экономисты русского зарубежья считали, что частное владение землей является важнейшим средством для обогащения сельских тружеников. Большевики были уверены в том, что перевод земельного фонда в руки государства уберет абсолютную ренту, которой единоличные собственники земли обложили общество, как данью. В стремлении ликвидировать единоличное землевладение В.И. Ленин следовал тому, что частная собственность на землю приводит к появлению в деревне несправедливых капиталистических отношений и является реальным тормозом для рационального ведения сельско-

го хозяйства. Известно высказывание В.И. Ленина, рассуждавшего о том, что «мелкое производство рождает капитализм постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» [9, с. 6].

Ученый-эмигрант русского зарубежья А.Д. Билимович, профессор Люблинского университета, выражал в своих трудах абсолютную бессмысленность утверждений В.И. Ленина и большевистских функционеров о том, что национализация всей земли является требованием широких масс крестьянства и соответствует их коренным интересам. С точки зрения Билимовича, крестьянство никак не могло требовать национализации земли, которая находилась в их частной собственности [2, с. 51].

Главная ошибка большевиков, по убеждению ученых русской эмиграции, заключалась в том, что вместо поддержки социально сильных и зажиточных слоев крестьянского общества, по сути являющихся потенциальными фермерами, советская власть, преследуя цель изъятия земельных фондов у зажиточных крестьян в пользу государства, искусственно разжигала огонь классовой борьбы в деревне. Я.М. Свердлов, кстати, прямо об этом говорил на заседании ВЦИК 20 мая 1918 г., посвященном задачам Советов в деревне: «Только в том случае, – если мы сможем расколоть деревню на два враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городах, если нам удастся восстановить деревенскую бедноту против деревенских буржуев, только в этом случае мы сможем сказать, что мы и по отношению к деревне делаем то, что смогли сделать для городов» [12, с. 213].

Намеренный раскол большевиками русской деревни по имущественному признаку с опорой на комитеты бедноты ученые русской эмиграции считали большой ошибкой, и даже преступлением. С точки зрения ученых-аграриев, в крестьянском мире не могло существовать такой острой классовой борьбы, которая была в городских промышленных центрах. В одном из отчетов по обследованию крестьянских дворов в Пензенской губернии за 1924 г. приводятся слова сельских жителей в адрес кулачества: «Что же из того, что он кулак, но зато он давал нам заработок, мы от него кормились, а теперь этого заработка

нет» [11, с. 45]. По мнению ученых- эмигрантов, в результате постигшей Россию катастрофы сельское хозяйство утратило все свои производительные силы. На съезде экономистов русской эмиграции в апреле 1924 г. Б.Д. Бруцкус выступил с докладом, в котором он отметил, что посевная площадь в Советской России уменьшилась на 64% (считалась за 100% – площадь 1913 г.). Количество скота сократилось на 63%, принимая за 100% – количество скота в 1916 г. Площадь зерновых хлебов снизилась на 22%, а интенсивная площадь сахарной свеклы упала на 92%, конопли на 61%, льна на 58%» [8, л. 1].

Руководители советского правительства считали возможным, что последовательно проникающее все глубже и глубже насильственное государственное регулирование сделает сельскохозяйственное производство органической частью государственного социалистического хозяйства в целом. Теоретики русской аграрной мысли в эмиграции заблаговременно предсказывали неосуществимость и переходящую границы возможного утопичность такой программы.

Более негативные оценки ученых-агров России получила политика коллективизации, которая сопровождалась экспроприацией земельных фондов и сельскохозяйственного инвентаря зажиточных крестьян. С.С. Маслов, когда давал оценку беспрецедентному масштабу вышеупомянутого явления, писал: «По глубине переворота, его размаху и темпам – это действительно величайшая из революций, какие переживало крестьянство всех народов и на всей памяти человеческой истории» [10, с. 83]. Ученые русской эмиграции, основываясь на сведениях о происходящих в России событиях, полученных не только из официальных источников, но и от сбежавших за границу крестьян, уничтожали миф о добровольности коллективизации, который преподносился советской властью. Сельских жителей, как подчеркивал С.С. Маслов, поставили в такие жесткие условия, когда несогласие крестьянина вступить в колхоз ставило его в положение изгоя. С его слов: «в колхоз загоняли непомерными налогами, угрозами раскулачивания, вменением каких-либо нарушений с последующей высылкой в наизидание остальным» [10, с. 91].

Б.Д. Бруцкус в своей статье «Голод и коллективизация», вышедшей в

1933 г., писал, что в процессе повальной коллективизации для большевиков «дело шло совсем не об успехах русского сельского хозяйства, а об успешном укреплении их власти над крестьянством» [4, с. 207]. Крестьяне, лишенные частной собственности на землю и средства производства, лишались не только хозяйственной независимости, но также и способности к общественной самоорганизации и гражданскому сопротивлению. Б.Д. Бруцкус считал, что Советская власть принимала крестьян «как батраков, сидящих на государственной земле, обязанных вести хозяйство под диктовку власти и сдавать весь продукт государству» [7, с. 32]. Вне всякого сомнения, при такой системе о никакой персональной заинтересованности в результатах своего труда у крестьян не могло быть и речи. Крестьяне становились пассивной социальной массой, молча исполняющей хозяйственные указания власти на не принадлежащей этим крестьянам земле и на не принадлежащим им техническим средствам сельскохозяйственного производства.

Все, что произошло в годы коллективизации в России, обобществление советской властью земельных фондов и сельскохозяйственного инвентаря вызвало жесткую критику у ученых-эмигрантов, придерживавшихся социалистических убеждений. Теоретики неонародничества, попав в эмиграцию, вынуждены были признать, что почти все советские коммуны, артели и совхозы пребывали в «жалком состоянии и с трудом прокармливали собственных работников» [1, с. 22]. Ученые русской эмиграции, независимо от своей идейной ориентированности, считали, что программа советской власти по экспроприации частной собственности на средства производства у личных крестьянских дворов в экономическом плане нерациональна и социально деструктивна. У ученых-эмигрантов наибольшую обеспокоенность вызывало то, что большевики окончательно убирают в России крестьянство, заменив его сельским пролетариатом, работающим не на своей земле, а на обобществленных земельных фондах.

Ученые русского зарубежья имели обширные представления о процессах, имеющих место в советской деревне. Это представление было основано на произведенном ими анализе данных статистики, статей советской прессы, вы-

ступлений партийных лидеров и законодательных документов. Отделение от колхозов тракторных отрядов (в последующем – машинно-тракторных станций) вызывало наибольшее возмущение ученых- эмигрантов, что демонстрировало интерес советской власти целиком и полностью отстранить крестьян от средств производства в сельскохозяйственном секторе. В.Г. Венжер и его жена А.В. Санина впервые предложили продать технику МТС колхозам в своих письмах И.В. Сталину, в которых они писали о бессмысленности изоляции собственности на средства технического производства от колхозного производства. Они исходили из того, что, если колхозы действительно являются кооперативными предприятиями, как это официально считается, то они должны сделаться собственниками средств производства и результатов своего собственного труда.

Вне всякого сомнения, власть большевиков не могла предоставить возможность колхозам обрести экономическую независимость и санкционировать в деревне существование товарных отношений. Ответ И.В. Сталина В.Г. Венжеру и его жене наглядно это демонстрирует: «Предлагая продажу МТС в собственность колхозам, тт. Санина и Венжер делают шаг назад в сторону отсталости и пытаются повернуть назад колесо истории... Основная ошибка Саниной и Венжера состоит в том, что они не понимают роли и значения товарного обращения при социализме, не понимают, что товарное обращение несовместимо с перспективой перехода от социализма к коммунизму. Они, видимо, думают, что можно и при товарном обращении перейти от социализма к коммунизму, что товарное обращение не может помешать этому делу. Это глубокое заблуждение, возникшее на базе непонимания марксизма» [13, с. 298, 299]. Это была однозначная и неоспоримая позиция советской власти относительно хозяйственной самостоятельности колхозов.

Ученые-эмигранты в середине 1930-х гг. отмечали факт стопроцентной передачи средств производства и их распределения в собственность советского государства. Таким образом, было принято считать, что с частной собственностью, т.е. с отношениями частной собственности, было окончательно поконче-

но. И.В. Сталин в своем докладе на чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. «О проекте Конституции Союза ССР» полагал, что наше советское общество добилось того, что оно смогло осуществить социализм, что создало социалистический строй. Значит, у нас уже принята первая фаза коммунизма, социализм [14, с. 127]. Конституция 1936 года гораздо более конкретна в отношении того, что составляет государственную, кооперативную и частную собственность в Советском Союзе, чем Конституция 1918 года. Статья 5 Конституции СССР 1936 года гласила: «Социалистическая собственность в СССР имеет либо форму государственной собственности (всенародное достояние), либо форму кооперативно-колхозной собственности (собственность отдельных колхозов, собственность кооперативных объединений)». При советской форме правления, говорится в Конституции, основной частью экономической структуры является государственная собственность.

Русские ученые, находящиеся в эмиграции, хорошо представляли, что первоначальная проблема строительства социализма в Советском Союзе заключалась не в том обстоятельстве, что политическая стратегия большевиков была направлена на обобществление земельных фондов и насильственную конфискацию частной собственности крупных крестьянских хозяйств, а в том, что на время октябрьского переворота капитализм в России еще не израсходовал своих прогрессивных возможностей, преимущественно в деревнях. Соответственно, ученые-эмигранты предлагали либерализацию общественно-экономических отношений в сельскохозяйственной отрасли, узаконивание купли-продажи земли, концентрацию средств аграрного производства в руках зажиточных хозяев-кулаков. Соображения ученых оказались совсем не нужными властям, победившим после революции в России, что спровоцировало за собой череду известных последствий, которые определили историческую судьбу России.

Литература

1. *Анцыферов А.Н.* Революция и русское земледелие // *Земледелие*. Ежемесячный журнал общественной агрономии, земледельческой кооперации и аграрной политики. - Прага, 1921.
2. *Билимович А.Д.* Экономический строй освобожденной России. - М., 2006.
3. *Бруцкус Б.Д.* Аграрный вопрос и аграрная политика. - Пг, 1922.
4. *Бруцкус Б.Д.* Голод и коллективизация // *Современные записки*. - 1934. - Т. 52.
5. *Бруцкус Б.Д.* Народное хозяйство сов. России, его природа и его судьбы // *Современные записки*. 1929. № 38. С. 408.
6. *Бруцкус Б.Д.* Об эволюции земельной политики Советской власти // *Экономический вестник*. 1923. № 1. С. 31.
7. *Бруцкус Б.Д.* Рецензия на книгу С.Н. Прокоповича «Идея планирования и итоги пятилетки» / *Современные записки*. - 1934. - Т.56.
8. *ГАРФ. Ф. Р.-5937* Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
9. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. – М., 1954.
10. *Маслов С.С.* Колхозная Россия. - М., 2007.
11. *Росницкий Н.* Полгода в деревне. - Пенза, 1925.
12. *Свердлов Я.М.* Избранные произведения. - Т. 2. - М., 1959.
13. *Слово товарищу Сталину*. - М., 2002.
14. *Сталин И.* Сочинения. Т. 14. - М., 1997.

© Берлов А.В., 2023

ДИСБАЛАНСЫ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматривается влияние аграрной политики советского государства на состояние сельского хозяйства Новосибирской области в предвоенные и военные годы. Выявленные негативные эффекты позволили сделать вывод о наличии кризисных тенденций в конце 1930-х гг., которые были усугублены факторами военного времени.

Ключевые слова: аграрная политика государства; сельское хозяйство; Великая Отечественная война; Сибирь.

Великая Отечественная война нанесла значительный ущерб сельскому хозяйству СССР. Изучая структуру сельскохозяйственного кризиса 1940-х гг., следует включать в анализ общее состояние аграрного сектора экономики накануне войны и влияние на него государственной политики. При обнаружении кризисных тенденций, не связанных с факторами военного времени, актуальным становится вопрос: являлась ли война прямой и единственной причиной кризиса 1940-х гг. или же только усугубила негативные тенденции, переводя намечавшийся системный кризис в острую фазу? В статье мы попытаемся на материале Новосибирской области проанализировать состояние и динамику земледелия и животноводства региона в расширенных хронологических рамках, включая и предвоенный период. Исследование осложняется тем, что границы региона во время Великой Отечественной войны менялись. В 1943 г. из состава Новосибирской области выделилась Кемеровская область, а в 1944 г. – Томская область. По возможности в статье будут приводиться сопоставимые данные с хронологическим указанием границ региона.

До 1937 г. территория Новосибирской области входила в состав Западно-Сибирского края. Правительственный курс в отношении сельского хозяйства региона заключался в форсированном развитии зернового производства. После

¹ Шаранов Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, sharapovsv1@yandex.ru, Россия, г. Новосибирск.

радикальной и болезненной трансформации аграрного строя на рубеже 1920–1930-х гг. восстановительные процессы в сельском хозяйстве Западной Сибири начались с 1933 г. [1, с. 539]. Несмотря на то, что на протяжении нескольких лет наблюдался рост основных производственных показателей, уже к 1937 г. стали проявляться дисбалансы аграрной политики государства, которые негативно влияли как на урожайность, так и на валовые сборы зерновых. Они проявлялись прежде всего в невозможности создать в Западной Сибири устойчивую и воспроизводимую систему земледелия. В условиях, когда объемы использования удобрений оставались минимальными, единственным способом сохранить плодородие почв считалось внедрение правильных севооборотов. С этой целью в Западной Сибири в 1930-е гг. проводились масштабные и дорогостоящие кампании, результативность которых, однако, была минимальной. К 1937 г. менее 10 % колхозов области имели освоенные севообороты [1, с. 273].

Основные причины неудач внедрения рациональных севооборотов заключались в противоречиях аграрной политики. Система земледелия, как парозерновая, так и травопольная, предполагала выведение части земельного фонда из-под посева товарными культурами. Эти территории должны были отводиться либо под пары, либо под посев многолетних трав. Государство, однако, настаивало на том, что внедрение севооборотов не должно было происходить за счет сокращения посевов товарных культур [3, с. 201]. Напротив, государственные посевные задания продолжали год от года систематически увеличиваться.

В условиях постоянного роста посевных площадей, происходившего под давлением Центра, единственной возможностью не допустить быстрого истощения почв было ускоренное внедрение в оборот целинных и залежных земель. Проблема заключалась в том, что Западная Сибирь не обладала достаточными материально-техническими и трудовыми ресурсами, чтобы соразмерить темпы освоения целины с темпами прироста посевных площадей. С 1932 по 1937 г. посевная площадь в Западно-Сибирском крае возросла на 1 827 800 га, а прирост пашни за счет ввода в сельхозоборот новых земель составил всего лишь на 350 000 га. Темпы введения в оборот целины отставали более чем в шесть раз

от роста посевов [1, с. 276]. Данная тенденция приводила к сокращению паровой обработки земли и нарушениям элементарных правил ротации культур. Политика расширения посевных площадей очевидно входила в противоречие с намерениями создать в Западной Сибири рациональную систему земледелия.

После расформирования Западно-Сибирского края, в Новосибирской области распашка целинных земель и вовсе прекратилась (табл. 1). Увеличение плотности посевов в структуре пашни при сокращении паровой обработки неизбежно вели к истощению и засорению почв и, как следствие, к снижению урожайности. Так, фактическая урожайность зерновых в Новосибирской области в 1938 г. составила 9,6 ц/га, в 1940 г. – 8,1 ц, в 1941 г. – 6,3 ц, в 1942 г. – 4,1 ц, в 1943 г. – 3,3 ц, в 1944 г. – 4,0 ц/га¹. Разумеется, фактор многолетнего истощения почв нельзя считать единственной причиной снижения продуктивности земледелия. Вмешивались природно-климатические факторы: в 1940 и 1943 гг. регион поразили засухи, а начавшаяся война резко сократила наличные в деревне трудовые и тягловые ресурсы.

Таблица 1

Динамика площадей пашни и посевов всех культур
в колхозах Новосибирской области в 1938–1943 гг. (тыс. га)

Годы	1938	1939	1940	1941	1942	1943
Площадь пашни	2644,5	2560,4	2533,6	2223,4	2583,0	2119,1
Посевная площадь	1909,1	1915,5	1982,3	1990,3	2117,1	1738,1
%%	72,2	74,8	78,2	89,5	82,0	82,0
посевов в составе пашни						

Источник: ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 114.

Примечание: В таблице приводятся сопоставимые данные в границах Новосибирской области в 1943 г.

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНУ). Ф. П-4. Оп. 9. Д. 204. Л. 176 об.

Накануне немецкого вторжения, в 1940 г., власть выступила с новой инициативой увеличения товарного производства зерновых на востоке страны. Было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О дальнейшем подъеме зернового хозяйства в колхозах и совхозах восточных районов СССР». В документе были установлены целевые показатели развития отрасли к 1942 г. Площадь пашни в колхозах и совхозах восточных регионов СССР должна была вырасти на 4345 тыс. га за счет распашки целинных, залежных и переложных земель. Кроме того, в течение трех лет предписывалось завершить повсеместное внедрение севооборотов¹. Реализация столь масштабного «целинного» проекта была прервана войной, однако уже на первом этапе его реализации – в 1940 г. – стало очевидным несоответствие целевых показателей наличным в сельском хозяйстве ресурсам. Форсированное освоение целины могло быть обеспечено усиленными поставками сельскохозяйственной техники и активной переселенческой политикой. Однако 1940 г. не показал прорыва ни по одному из направлений. МТС региона в предвоенные годы, напротив, демонстрировали тенденцию к снижению производительности тракторных работ. В 1938 г. выработка на один 15-сильный трактор составила 429 га, в 1939 г. – 343, в 1940 г. – 324, в 1941 г. – 306 га, в 1942 г. – 229, в 1943 г. – 168 га². Провалом завершилась переселенческая кампания 1940 г. В течение года в Новосибирскую область переехали 15 594 семей, но ввиду отсутствия необходимых условий для обустройства хозяйства, 7 904 из них вернулись на прежнее место жительства или осели в городах³.

Противоречия планирования неизбежно вели к снижению продуктивности земледелия в регионе. В то же время пресс натурального налогообложения на колхозы с 1940 г. значительно возрос. Связано это было, прежде всего, с переходом к так называемому погектарному принципу исчисления планов обязательных поставок основных сельскохозяйственных продуктов. Для хлебозаготовок это означало, что объемы обязательных поставок будут рассчитываться

¹ СП СССР. 1940. № 10. Ст. 251.

² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 124–125.

³ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 107.

исходя из размеров закрепленной за колхозами пашни вне зависимости от того, засеивались эти территории или нет.

Очевидно, что вызванный тем самым рост хлебазаготовительных планов следует связать с обострением международной обстановки: на фоне военной тревоги правительство стремилось увеличить приток продукции в государственные продовольственные фонды. Такая политика, однако, была сопряжена с высокими рисками. Возрастала вероятность доведения сельского хозяйства регионов до критического состояния в преддверии событий, которые напрямую бы поставили государство перед угрозой завоевания. Этот худший из возможных сценариев развития событий реализовался в 1940 г. в двух регионах Западной Сибири – Новосибирской области и Алтайском крае. Из-за засухи урожай зерновых оказался низким, а чрезмерные изъятия в ходе хлебазаготовительной кампании спровоцировали острый кризис, выразившийся в нехватке продовольствия, семенного материала и кормов для скота. Несмотря на начавшуюся войну, летом 1941 г. государство вынуждено было оказывать продовольственную и семенную помощь пострадавшим регионам, а также снизить хлебазаготовительный план на 1941 г. [4].

Начало немецкого вторжения не изменило прежнюю политику расширения посевных площадей. До 1942 г. включительно центральная власть продолжала рассматривать директивное расширение посевов в качестве основного инструмента форсирования зернового производства. При нехватке техники и тягловой силы, сокращении паровой обработки земли, нарушении сроков высева и уборки, небольших объемах внесения удобрений расширение посевных площадей в колхозах обернулось обвальным снижением валовых сборов зерна в 1942 г. Сокращение по сравнению с предыдущим годом составило 29 % (в сопоставимых границах региона, включая Кемеровскую область) (рассчитано по: [2, с. 421–423]).

В 1943 г. на снижении продуктивности земледелия сказались как перенапряжение предыдущего года, так и засуха, поразившая регион летом. Некоторые признаки стабилизации стали проявляться в 1944 г. Валовые сборы зерно-

вых в колхозах в сопоставимых границах региона (включая Томскую область) выросли по сравнению с предыдущим годом на 87 тыс. т (рассчитано по: [2, с. 424–427]). Однако государственные хлебозаготовительные планы по-прежнему были не выполнены (табл. 2).

Таблица 2

Хлебозаготовки в колхозах Новосибирской области
в годы Великой Отечественной войны

Годы	1941/42	1942/43	1943/44	1944/45
Заготовлено, тыс. т	719,2	344,6	248,9	225,2
%% выполнения плана	86,9	52,6	45,3	51,7
Валовые сборы в колхозах, тыс. т.	1 683,0	714,4	482,4	432,0
%% от валовых сборов, необходимый для 100 % выполнения плана	49,8	91,7	113,9	100,8

Источники: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 749. Л. 20; Д. 865. Л. 91; Д. 749. Л. 28; Д. 865а. Л. 1, 7; Д. 977. Л. 181, 183, 185, 187, 193, 211; Д. 979. Л. 9, 29, 33–45; Д. 1116. Л. 7–9; [2, с. 421–427].

Примечания: 1) Данные представлены в изменявшихся на протяжении войны границах Новосибирской области (с 1942/43 г. без выделившейся Кемеровской области, с 1944/1945 г. без Томской области); 2) В таблице приведены совокупные данные о выполнении планов по обязательным поставкам колхозов, натуроплате за работы МТС, возврату ссуд колхозами, поставкам в фонд Красной армии и гарнцевому сбору.

Аграрная политика государства вплоть до 1942 г. включительно не претерпевала значительных изменений. Однако курс на расширение посевных площадей не учитывал иных факторов, влиявших на продуктивность земледелия. В частности, он входил в явное противоречие с политикой внедрения севооборотов и стал причиной многолетнего истощения и засорения почв, негативно сказывавшегося на урожайности. Директивное расширение посевов не учитывало уровень технической оснащенности МТС и общего количества трудоспособного населения в сельской местности. Оба показателя резко снизились с началом Великой Отечественной войны. В конечном счете усиленные государственной политикой дисбалансы спровоцировали обвальное снижение урожай-

ности зерновых культур в регионе.

Навязанная региону зерновая специализация неизбежно уводила проблемы животноводческой отрасли сельского хозяйства на периферию внимания управляющих структур регионального и районного уровней. Для животноводства региона начало Великой Отечественной войны послужило скорее фактором, углубившим кризисные тенденции, нежели прямой их причиной. Сокращение поголовья колхозного стада в регионе началось в 1940 г. Так, поголовье крупного рогатого скота (КРС) к началу 1941 г. сократилось на 24,1 тыс. голов относительно предыдущего года¹. Падеж был следствием острой нехватки кормов, вызванной засухой и чрезмерными изъятиями зерна, распространения эпизоотий и завышенных планов поставок мясной продукции.

С началом Великой Отечественной войны ситуация усугубилась значительным сокращением количества рабочих рук. Снижалось производство кормов. Колхозники не успевали подготовиться к работам по обеспечению скота грубыми кормами. В сенокос колхозы вступали с запозданием, в связи с чем значительные площади трав оставались не скошенными. По причине низких валовых сборов зерна сокращалось производство концентрированных кормов. Поголовье общественного скота продолжало снижаться на протяжении всего военного периода (табл. 3).

Таблица 3

Динамика численности скота в Новосибирской области
в 1941–1945 гг. (тыс. голов)

Годы	1941	1942	1943	1944	1945
Крупный рогатый скот					
Госхозы	117,3	121,7	125,8	108,2	113,3
Колхозы	512,9	392,8	387,2	276,8	271,4
ЛПХ колхозников	218,9	178,4	180,9	189,9	221,0

¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 116.

Коровы					
Госхозы	49,7	49,4	47,2	42,6	42,9
Колхозы	190,0	151,3	129,3	95,7	80,9
ЛПХ колхозников	140,0	130,0	135,6	136,8	139,9
Свиньи					
Госхозы	55,4	37,2	35,5	32,1	31,6
Колхозы	90,0	81,7	75,5	29,4	28,9
ЛПХ колхозников	66,8	33,0	40,6	38,3	42,4
Овцы и козы					
Госхозы	91,4	103,9	107,7	84,2	81,7
Колхозы	748,0	612,0	644,1	439,5	409,1
ЛПХ колхозников	489,9	296,5	302,3	267,0	316,9
Лошади					
Госхозы	53,9	34,6	38,0	30,6	28,8
Колхозы	246,0	181,4	150,8	104,6	85,2
ЛПХ	0,1	-	-	-	-
колхозников					

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1821. Л. 120, 121, 122.

Примечания: 1) В таблице приведены сопоставимые данные в границах региона на 1945 г.; 2) Сведения приводятся на начало года.

Наряду с факторами военного времени одной из основных причин сокращения поголовья была несбалансированная заготовительная политика государства. С переходом к погектарному принципу расчета планов обязательных поставок животноводческой продукции их объемы значительно возросли. Сам принцип, следуя которому планы зависели не от размера поголовья общественного стада, а от количества гектаров пашни, пастбищ и лугов, пагубно сказывался на состоянии животноводства, прежде всего, многоземельных колхозов. Принятая система обязательных поставок приводила к поистине абсурдным ситуациям. Так, например, в 1943 г. колхоз «Ленинградский рабочий» Чановского

района Новосибирской области, имевший на один колхозный двор 87 га облагаемой земельной площади, должен был сдать в счет мясopоставок почти в два раза больше скота, чем у него имелось в хозяйстве. В то же время для колхоза «Путь к социализму» того же района, при 41 га облагаемой земли на один колхозный двор, процент изъятия скота по плану составлял только 23,8%. Колхоз «На страже» Чулымского района имел такое же поголовье, что и колхоз «Путь к социализму», но облагаемой земли в нем приходилось на один колхозный двор 82 га и процент скота, который надлежало сдать государству, составлял уже 52,4%¹.

В результате в годы войны объемы заготовок мяса росли, но показатели выполнения планов при этом снижались. Так, в 1939 г. колхозы Новосибирской области по обязательным поставкам сдали 15 451 т. мяса, выполнив план на 104,9%, в 1940 г. – 20 294 (95,4%), в 1941 г. – 17 503 (82,6%), в 1942 г. – 19 867 (85,8%), в 1943 г. – 22 747 (83,1%), в 1944 г. – 18 771 т (78,8%)².

Столь же невыполнимыми были планы и по другим видам животноводческой продукции. Некоторые колхозы, получавшие самые минимальные нормы поставок молока не в состоянии были выполнить планы. Так, например, Кожевниковский район в 1944 г. должен был сдать 8 литров молока с каждого с га облагаемой земли, или 960 литров с каждой имевшейся коровы. В то же время фактический удой в колхозах Кожевниковского района составлял 800–900 литров на корову³.

Государственная политика форсирования зернового производства в регионе лишала возможности развития животноводства в тех районах, в которых имелись условия для его высокой продуктивности. Примером являются районы Барабинской степи Новосибирской области, которые еще в начале XX в. приобрели ярко выраженную животноводческую специализацию, а продукция местного маслоделия была востребована на внешних рынках. Изобилие болотно-луговых, болотно-подзолистых почв с малым содержанием гумуса делало

¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 150.

² Там же. Оп. 9. Д. 204. Л. 36–38.

³ Там же. Оп. 7. Д. 314. Л. 150–151.

земледелие экономически невыгодным, при этом создавая благоприятные условия для животноводства. На протяжении 1920–1930-х гг. животноводство Барабинской степи постепенно приходит в упадок. Одной из причин стала деградация мелиоративной системы, созданной до революции, но не поддерживавшейся в 1920-е и 1930-е гг. Повторное заболачивание почв делало значительные территории Барабинской степи непригодными для сельского хозяйства. Кроме того, курс на форсирование зернового производства ориентировал колхозы на земледелие, не учитывая районную специфику. Под давлением со стороны государства в районах Барабинской степи посевные площади с 1928 г. по 1942 г. увеличились с 409 тыс. га до 1027,8 тыс. га¹. Если в целом по Новосибирской области за указанный период площадь посевов увеличилась в два раза, то по районам Барабинской степи – в два с половиной раза. Вопреки производственной рациональности и без того ограниченные трудовые ресурсы перенаправлялись на земледелие, которое не могло в Барабинской степи быть высокопродуктивным. поголовье общественного скота, при этом, стремительно сокращалось. По районам Барабинской степи с 1 января 1940 г. по 1 декабря 1943 г. поголовье КРС в колхозах сократилось на 207,4 тыс. голов, коров – на 73,9 тыс. голов, овец – на 151,8 тыс. голов, лошадей – на 74,3 тыс. голов².

Аграрная политика государства в 1930-е гг. и во время Великой Отечественной войны породила многочисленные дисбалансы, которые негативно сказывались на продуктивности сельского хозяйства региона. Расширение посевных площадей в силу того, что оно проводилось не за счет введения в оборот целины, а за счет сокращения паров, приводило к быстрому истощению почв, снижению их плодородия. Во время войны продолжение принятого курса на фоне резкого сокращения техники и трудоспособного населения привело к обвальному снижению урожайности зерновых. В то же время политика форсирования производства зерновых заслоняла собой проблемы, существовавшие в других отраслях сельского хозяйства, в частности, в животноводстве, которое оказалось в своего рода «вакууме» управления. С одной стороны, для регио-

¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 160.

² Там же. Л. 156.

нальных и районных властей общественное животноводство оставалось на периферии внимания, с другой стороны, государство не создало достаточных стимулов в развитии отрасли для самих колхозников. Заготовительная система, оторванная от основных производственных показателей, уже в конце 1930-х гг. провоцировала острую нехватку продовольствия, семенного материала, кормов, снижение поголовья общественного скота. Начало Великой Отечественной войны, таким образом, только углубило противоречия аграрной политики государства, доведя и их до критического уровня.

Литература

1. Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание. Новосибирск, 2011. – 608 с.
2. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. – 466 с.
3. На аграрном фронте Сибири. Кампания 1932–1933 гг.: документально-монографическое издание. Новосибирск, 2016. – 224 с.
4. Шаранов С.В. Сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края накануне Великой Отечественной войны: экономический и социально-политический аспекты // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. № 1. С. 81–88.

© Шаранов С.В., 2023

СОВЕТСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА АГРАРНУЮ ПОЛИТИКУ ПОЛЬСКОГО РУКОВОДСТВА В 1944–1949 ГГ.

В статье рассматриваются формы и способы влияния советского руководства на ход аграрных преобразований в Польше в указанный период в условиях формирования тоталитарного режима в стране.

Ключевые слова: аграрная реформа; производственные кооперативы; колхозы; крестьянство, аграрная политика.

Развитие Польского государства с момента его воссоздания в 1918 г. и до конца XX в. не отличалось стабильностью и размеренностью, но даже в этом бурном водовороте событий и процессов период 1944–1949 гг. стоит особняком. В стране, лишь частично освобожденной от фашистской оккупации, раздираемой противостоянием двух центров Сопротивления и набиравшим силу противоборством подчиненных им военных формирований, было объявлено о начале глубоких аграрных преобразований. Это произошло в обстановке ужесточения политической борьбы между силами, искавшими поддержки широких крестьянских масс, тон в которой задавали польские коммунисты, создавшие при поддержке Кремля новый орган исполнительной власти в стране – Польский комитет национального освобождения (ПКНО). Руководство ПКНО видело важнейшей задачей расширение своей социальной базы и потому уже на следующий день после образования Комитета, 22 июля 1944 г., обнародовало Манифест ПКНО, в котором заявило о немедленном начале «широкой аграрной реформы», темпы которой должны были нарастать по мере расширения площади освобожденной от врага территории.

Уже 1 августа руководство СССР официально признало ПКНО как фактическое правительство Польши. 6 сентября 1944 г. Комитет обнародовал декрет

¹ Уваров Геннадий Владимирович, кандидат исторических наук, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», genivarov@yandex.ru, Россия, г. Липецк.

об аграрной реформе, согласно которому земли немцев, коллаборационистов, а также участки польских собственников, если их размер превышал 100 га общей площади или 50 га пахотных угодий, подлежали конфискации и передаче в Государственный земельный фонд (ГЗФ), поделенный на две части. Одна часть предназначалась для создания т. н. «образцовых хозяйств» и оставалась во владении государства; другая дробилась на наделы площадью в среднем по 5 га, которые должны были продаваться за незначительную плату безземельным и малоземельным крестьянам и сельскохозяйственным рабочим и в итоге стать их частной собственностью. Распоряжение средствами ГЗФ было возложено на Комитет земледелия и аграрных реформ [4, с. 144; 5, с. 356; 7].

Таким образом, Манифест ПКНО об аграрной реформе предполагал наделение землей большего числа безземельных и малоземельных крестьян, но в деле его практической реализации наметились серьезные трудности. В условиях острого дефицита пахотной земли на освобожденных территориях наделы не могли быть значительными и в большинстве случаев составляли не более 2–3 га [5, с. 356]. Поэтому середняки, поначалу возлагавшие на польских коммунистов большие надежды в вопросе увеличения своих земельных наделов, были разочарованы политикой ПКНО и не выражали желания поддерживать Польскую коммунистическую партию (ППР). Впрочем, и сами коммунисты на тот момент сделали для польского крестьянина совершенно недостаточно, чтобы рассчитывать на его признательность и поддержку. Об этом, в частности, писала в письме, адресованном членам ЦК ВКП(б), заместитель директора Центральной партийной школы ЦК ППР Р. Каплан-Кобринская¹. «Польская Рабочая партия и вообще польская народная демократия имеет слабое влияние в деревне, – с некоторым раздражением констатировала автор письма. – Это произошло потому, что после аграрной реформы, которая почти не коснулась середняка, партия не выдвинула и не провела в жизнь конкретной платформы улучшения положения трудового крестьянства, даже в рамках тех узких воз-

¹ Обращает на себя внимание справка, приложенная к письму, в которой, в частности, отмечено, что «тов. Каплан-Кобринская просила ЦК ВКП(б), в силу целого ряда причин (главная – она является членом ВКП(б)), не разглашать ее фамилии перед ЦКППР» [2, с. 378].

возможностей, которые существуют в условиях разрушенного хозяйства» [2, с. 372]. Еще большее недовольство испытали безземельные крестьяне, которые так и не получили обещанных им заветных 5 га.

Такое положение дел превращало польских крестьян в силу, могущую в любой момент выступить против ППР, о чем немедленно было доложено в Москву. Поэтому Сталин во время одной из встреч с делегацией ПКНО в Москве в конце сентября – начале октября 1944 г. в резкой форме потребовал от возглавлявшего делегацию видного польского коммуниста Б. Берута проводить аграрную реформу «революционными методами» вплоть до применения репрессий [5, с. 356]. После этого уполномоченные ПКНО и актив ППР при поддержке со стороны Польской социалистической партии (ППС) и подразделений польских войск значительно ускорили темпы аграрной реформы на территории подконтрольной войскам Красной Армии части страны, благодаря чему к концу декабря 1944 г. свои наделы получили порядка 100 тыс. крестьянских семей [8, с. 418]. Вместе с тем общая площадь переданной крестьянам земли не превысила 200 тыс. га [5, с. 356], что составляло в среднем не более 2 га на семью.

Такая чрезвычайщина и последовавшее за ней резкое обострение ситуации с продовольствием в стране весной – летом 1945 г. существенно подорвали влияние ППР в аграрных районах и вызвали заметный рост антикоммунистических настроений [1, с. 120]. К тому же именно в это время у польских коммунистов появился опасный политический конкурент в лице вернувшегося в страну бывшего главы Польского правительства в эмиграции Станислава Миколайчика и созданной им Польской крестьянской партии (ПСЛ). Благодаря активной наступательной работе в деревне ПСЛ за короткое время завоевала симпатии подавляющей части различных слоев крестьянства и сельской буржуазии Польши и основательно готовилась к намеченным на январь 1947 г. выборам в Сейм, будучи твердо уверенной в грядущей победе. Таким образом, есть все основания полагать, что, влияние Кремля на аграрную политику польских властей в указанный период определялось двумя факторами: уровнем популярности в крестьянских массах самого Миколайчика и его партии ПСЛ, с одной

стороны, и эволюцией взглядов руководства ППР во главе с Владиславом «Веславом» Гомулкой, с другой.

В качестве первостепенной задачи на тот момент Москва определила борьбу против ПСЛ и ее влияния в польской деревне. Многочисленные документы периода середины 1945 – конца 1946 гг. изобилуют разного рода информацией о политических консультациях и совместных усилиях руководства ВКП(б) и лидеров польской компартии ППР по вопросам противодействия ПСЛ и дискредитации самого Миколайчика. Советскому руководству пришлось мобилизовать все возможные политические ресурсы в Польше, но зато достигнутый результат в Кремле расценили как в целом благоприятный. ПСЛ потерпела поражение на выборах – факт, вызывающий обоснованные сомнения у ряда современных польских историков, и заставляющий их говорить о фальсификации результатов голосования¹. Как бы то ни было, но политическое детище Миколайчика растеряло большую часть своих членов и начало распадаться, а сам он, опасаясь репрессий, в октябре 1947 г. покинул страну. Подчеркивая стремление полностью устранить даже малейшую возможность возрождения былого влияния ПСЛ, руководители ППР уведомили своих московских кураторов, что одна из важнейших задач политики партии в деревне после выборов в Сейм – «поддерживать дробление и раскалывание ПСЛ и стремиться к тому, чтобы правая группа в ПСЛ стала изолированной» [2, с. 590]. Это на некоторое время вызвало удовлетворение кремлевской верхушки, в прицеле которой теперь оказался «товарищ Веслав».

С момента вхождения в состав ПКНО в июле 1944 г. и до конца лета 1948 г. «маленький Сталин», как называли Гомулку в Польше за неустанное рвание в насаждении советских порядков в стране, в своих речах и выступлениях успел наговорить много такого, что вызвало откровенное недовольство со стороны Сталина и его окружения. Их главные претензии к польскому лидеру касались вопроса о формах и методах «социалистического переустройства» деревни. Кремль, начиная с конца лета 1947 г., настойчиво и последовательно

¹ На то, что в процессе проведения выборов имели место давление на избирателей, репрессии и фальсификации, обращают внимание, в частности, Михал Тымовский, Ежи Хольцер и Ян Кеневич [10, с. 457].

продвигал идею создания на селе массовых производственных кооперативов с высокой степенью обобществления средств производства в них – своего рода аналогов советских колхозов. Тем самым Сталин начисто отвергал и перечеркивал свои же собственные рассуждения едва ли не двухлетней давности о «специфических национальных путях построения социализма», посредством которых поощрял творческую активность и одновременно тешил самолюбие некоторых восточноевропейских теоретиков, включая того же Гомулку. Теперь же, в условиях набравшей обороты «холодной войны» и обострения отношений со строптивым югославским руководством, Сталину потребовалось «нерушимое монолитное единство социалистического лагеря» как в вопросах теории, так и в области практических действий.

В начале апреля 1948 г. руководство ППР было подвергнуто уничижительной критике за многочисленные ошибки в проведении аграрной политики. Ему поставили в вину отсутствие перспективной программы по аграрно-крестьянскому вопросу, отрицание применимости учения Ленина – Сталина и опыта социалистического строительства в Советском Союзе в деле преобразования народной Польши, отказ от создания колхозов, которые, как указывал Сталин, «представляют путь социалистического развития деревни в противоположность кулацкому, капиталистическому пути развития», заявление о том, что колхозы являются «политически и экономически вредными для Польши» [9, с. 242–245] и иные, не менее пагубные, ошибки и просчеты. Наиболее жесткой критики польская компартия удостоилась за «хвостизм» в теоретическом осмыслении и практической реализации работы в деревне. Это следовало понимать так, что ППР, в силу своей безынициативности и теоретических «блужданий в трех соснах», «плетется в хвосте» других партий, которые своей напористостью и боевитостью завоевывают симпатии крестьянства, уводя его с «единственно верного» пути построения социализма в деревне [9, с. 239–241].

Подобные обвинения, по мнению Сталина, не должны были «растворяться в болоте коллективной безответственности»; поэтому конкретной мишенью для них был выбран Гомулка, долгое время не желавший отказываться от

прекраснодушных рассуждений о «специфике польского пути построения социализма». В итоге именно его обвинили в «правонационалистическом уклоне» и сняли с поста генерального секретаря ППР, а в начале 1949 г. лишили всех постов и исключили из партии. После «изгнания гомулковщины» из партии и объединения коммунистов и социал-демократов в единую Польскую объединенную рабочую партию (ПОРП) в декабре 1948 г. советское влияние на проводимую в стране аграрную политику стало всеобъемлющим. Опасаясь повторить незавидную судьбу опального «Веслава», польские «товарищи» предпочли безропотно следовать поступавшим из Москвы директивам и инструкциям. «Правильные» меры ПОРП, предпринятые в деревне уже в 1949 г., ускорили, как торжествующе заявил один из лидеров партии Якуб Берман в ноябре того же года, процесс ограничения и изоляции кулачества, позволили создать первые 200 производственных сельскохозяйственных кооперативов и тем самым сделать важнейшие шаги по пути внедрения принципов обобществленного производства в сельском хозяйстве [8, с. 580].

Кремль и в последующие месяцы всячески побуждал польские коммунистические власти к еще большему ужесточению борьбы с кулачеством, но к этим ставшим уже традиционными формам влияния добавились новые: регулярные поездки партийных функционеров и крестьян в Советский Союз для ознакомления, в частности, с опытом колхозного строительства. Так, например, в мае 1949 г. был положительно решен вопрос о визите группы слушателей Высшей партийной школы в Варшаве численностью 50–55 человек в СССР «для изучения опыта организационно-партийной работы в ВКП(б) и ознакомления с жизнью СССР» сроком на три-четыре недели [3, с. 119]. Спустя примерно полтора месяца в СССР направились еще одна группа из восьми руководящих работников ЦК Польской объединенной рабочей партии, которые должны были провести две недели в Дмитровском районе Московской области. За это время высокопоставленным коммунистическим визитерам предстояло, помимо участия в протокольных и иных запланированных мероприятиях, «ознакомиться с работой» Дмитровского горкома ВКП(б), его структурой и ме-

тодами планирования деятельности, включая руководство колхозами района. Особое внимание организаторы уделили ознакомлению с делами первичной партийной организации колхоза «Колос» Дмитровского района, который, по всей видимости, числился в ряду передовых хозяйств области [3, с. 161]. В период с февраля по май 1949 г. в различных хозяйствах на Украине побывали также три делегации польских крестьян, а группа советских колхозников посетила Польшу [9, с. 353]. История с посещением польскими гостями Украины получила вскоре, как отмечалось в письме советского посла в Варшаве В.З. Лебедева И.В. Сталину от 26 февраля 1950 г., самое неожиданное продолжение. Заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК ПОРП и кандидат в члены Политбюро Хелховский, который, по словам Лебедева, «руководит коллективизацией, будучи противником коллективизации», летом 1949 г. неофициально предупредил польских крестьян, ездивших на Украину и «вернувшихся в восторге от украинских колхозов», чтобы они «не очень-то распространялись у себя в деревнях о том, что они видели в украинских колхозах, так как многое из того, что они видели, не подходит для польских условий». Как оказалось, эта «установка» была одобрена руководством партии, уточнил посол [3, с. 313–314]. «Коллективизация в Польше пока идет главным образом на новых землях, отошедших от Германии. Она почти не затронула коренные польские районы, – обеспокоенно констатировал Лебедев. – Это и понятно, так как настоящего руководства¹ делом нет, под тем предлогом, что спешить не нужно, вредно» [3, с. 314].

Эта интересная информация наводит на мысль о том, что лидеры ПОРП даже в условиях возрастающего советского прессинга старались время от времени бойкотировать по мере сил и возможностей прямые указания Кремля по

¹ Подчеркнуто в тексте документа самим послом. Упомянутое письмо В.З. Лебедева Сталину содержит и иные подробности, указывающие на нежелание польского коммунистического руководства проявлять рвение в насаждении колхозной системы в стране. «Состоявшееся в январе (1950 г. – Г.У.) совещание в ЦК польской партии по вопросу о ходе коллективизации в стране показало, что руководящий этим делом секретарь ЦК т. Замбровский не знал количества созданных колхозов, – сообщал Лебедев. – Сначала он назвал цифру 348, а к концу дня он объявил, что колхозов уже 405» [3, с. 313]. Пикантности ситуации добавляет тот факт, что упомянутый советским послом член Политбюро ЦК ПОРП Роман Замбровский отвечал за проведение аграрной политики в стране. Складывается впечатление, что вопрос о точном количестве кооперированных хозяйств в Польше не был для него главным.

поводу коллективизации польской деревни, поскольку открытое небрежение ими стало равносильно политическому самоубийству. То, что советские руководители называли «отсутствием перспективной программы ПОРП по аграрно-крестьянскому вопросу», в представлениях польских коммунистических лидеров означало упорное стремление избежать прямого копирования советской колхозной системы. Во многом поэтому существование колхозов советского образца в послевоенной Польше оказалось недолгим: после народных волнений летом 1956 г. в Познани спешно возвращенный к власти Владислав Гомулка, не отказываясь окончательно от идеи «социалистического обобществления сельскохозяйственного производства», высказался, тем не менее, в пользу укрепления и поддержки индивидуальных крестьянских хозяйств [6, с. 646]. Вдохновленное этим заявлением, польское крестьянство начало в массовом порядке выходить из производственных кооперативов¹, что продемонстрировало несостоятельность попыток кремлевского руководства навязать Польше колхозную модель по советскому образцу.

Литература

1. Волокитина Т.В., Мурашко Г.Л., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): очерки истории. М., 2002. – 686 с.
2. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.: в 2 т. Т. I. 1944–1948 гг. М.; Новосибирск, 1997. – 985 с.
3. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.: в 2 т. Т. II: 1949–1953 гг. М.; Новосибирск, 1998. – 1004 с.
4. Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 8 т. М., 1974. Т. VIII. Январь 1944 г. – декабрь 1945 г. – 679 с.
5. Краткая история Польши с древнейших времен до наших дней / отв. ред. В.А. Дьяков. М., 1993. – 528 с.

¹ Согласно данным, приводимым в фундаментальном труде российских историков «Польша в XX веке. Очерки политической истории», за период с конца сентября по конец декабря 1956 г. вместо зарегистрированных ранее 10 203 производственных кооперативов осталось 1520, или 15 % [6, с. 646].

6. Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 2012. – 949 с.
7. *Скаржыньски Л.* Реализация Декрета об аграрной реформе Польского комитета национального освобождения от 1944 года в Польше // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. Ростов н/Д. 2016. № 4. С. 82–89.
8. Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы / отв. ред. И.Ю. Новиченко. М., 1998. – 753 с.
9. СССР–Польша. Механизмы подчинения, 1944–1949 гг.: сб. док. / под ред. Г. Бордюгова, Г. Матвеева, А. Косеского, А. Пачковского. М., 1995. – 381 с.
10. *Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* История Польши / пер. спольск. М., 2004. – 542 с.

© Уваров Г.В., 2023

ФОРМИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ЕЕ ЗАСЕЛЕНИЯ (1945–1955 ГГ.)

Рассматривается процесс создания и начала деятельности организаций, осуществлявших управление сельским хозяйством Калининградской области, образованной и заселявшейся в первые послевоенные годы. Обосновывается вывод о том, что деятельность по созданию управленческой инфраструктуры обеспечила формирование системы, соответствующей общим для СССР образцам.

Ключевые слова: послевоенная история СССР; колхозы и совхозы; управление сельским хозяйством на региональном уровне; Калининградская область.

Организации, осуществляющие управление сельским хозяйством, создаются, как правило, в ходе существенных реорганизаций, сопровождающих либо реформирование общественной структуры, либо ее революционное преобразование. Само собой, инфраструктурные изменения происходят в связи со сменой власти на той или иной территории. В случае с созданием на месте части бывшей Восточной Пруссии новой российской области – Калининградской, соединяются все эти факторы, к которым добавляется еще один – полное обновление (не только сельского) населения.

Отправных точек в истории Калининградской выделяется несколько: это и решение Потсдамской конференции в начале августа 1945 года о передаче севера немецкой провинции в состав СССР, и указ об образовании Кенигсбергской области в составе РСФСР (от 7 апреля 1946 г.) и постановление СНК СССР № 1522 от 9 июля 1946 г. о начале ее организованного заселения (область незадолго до этого переименовали в Калининградскую) [3, с. 1]. Пожалуй, именно с последнего события начинается история сельского социума и сельского хозяйства на калининградской земле: предусмотрено было пересе-

¹ Полх Павел Петрович, кандидат исторических наук, Балтийский Федеральный университет им. И Канта, p.polkh@mail.ru, Россия, г. Калининград.

лить 12000 семей из регионов центральной России и Белоруссии. Организованное заселение (специальными эшелонами) сельских районов длилось до 1954 г. [2, с. 90], хотя значительное число новых жителей, заселивших самый западный регион, прибывало сюда и помимо эшелонов, и в последующие годы.

Процесс создания новых управленческих структур нельзя считать стихийным, но о четкой организованной системе тоже речи не идет. Подтверждением этому служит то обстоятельство, что многие ведомственные структуры, призванные управлять народным хозяйством, появлялись в области раньше, чем собственно советская власть, представленная на начальном этапе управлениями по гражданским делам. Отчасти это объясняется тем, что военная администрация способна была взять на себя ряд гражданских функций, прежде всего в силу специфики населения: демобилизованных военных, превращавшихся в управленцев, присланных по оргнаборам специалистов, а также репатриантов и собственно немецкого населения, чья судьба до конца (по крайней мере для них самих) не была решена).

В этой связи, если обратиться к хронологии создания управленческих структур, она выглядит не такой уж не логичной. Первый эшелон с переселенцами в сельскую местность прибыл в августе 1946 г., но отдел сельского хозяйства (в дальнейшем областное сельхозуправление) появился уже 13 февраля – на полгода раньше¹. Правда, районные управления сельского хозяйства начнут создаваться во второй половине 1946 г., когда новая власть сумеет определиться с административным делением. Тем не менее, целый ряд структур, призванных заниматься продуктами аграрного производства, возникло еще раньше: областная контора всесоюзного объединения «Заготзерно» – 22 марта 1946 года², областная контора по сбыту мясной продукции – еще раньше, 16 января³. Понятно, что названия «областные» здесь появятся позже, однако заготовки и сбыт в условиях, когда само производство еще не налажено, могут рассматриваться лишь как действия по выявлению и учету трофейного имущества, с по-

¹ Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-139. Оп. 9. Д. 2а. Л. 2.

² Там же. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

³ Там же. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 об.

следующим распространением их деятельности на производство. Впрочем, первые тресты предприятий (мукомольной промышленности, молочной и пивоваренной¹) отмечены уже в 1945 году. Очевидно, что то, что оставалось от немецких полуразрушенных предприятий, торопились сперва «трестировать», а потом уже решать вопросы о целесообразности их восстановления. Разумеется, решать вопросы перераспределения оборудования и других ресурсов проще, когда они находились под общим управлением.

Еще одна группа управленческих структур, связанная со снабжением уже собственно аграрного производства, возникла в год начала активного заселения области. Появление такой инстанции, как пограничная инспекция по карантину сельскохозяйственных растений 1 июня 1946 года² объясняется насущной необходимостью – очевидно, что через область могли вести из Германии семенные культуры, которые следовало проверить на предмет болезней и вредителей. Появление же структур, призванных обеспечивать само сельское хозяйство, должно было быть обусловлено прибытием тех, кто этим хозяйством должен был заниматься. Главное учреждение здесь – управление снабжения и сбыта, появившееся в сентябре 1946 года – структура, из которой в последствии вырос Облснабсбыт³. Однако тогда же появился еще ряд структур: еще в июле – областная контора сельскохозяйственного снабжения, в августе – база материально-технического снабжения сельского хозяйства, и через год (июль 1947 г.) – отделение управления материально-технического снабжения⁴. Правда, две последние организации относились к специально учрежденным трестам совхозов, один из которых подчинялся Министерству совхозов СССР, а другой – Госплемтресту союзному Министерству мясной и молочной промышленности. Что интересно, оба треста были организованы позже, чем возникли их базы и управления – соответственно в феврале и сентябре 1947 года. Зато ликвидация всех трех структур произошла почти одновременно в мае – июне 1953 г. Архивные фонды сохранили немного документов этих структур, но есть основа-

¹ Там же. Ф. Р-342. Оп. 14. Д. 1. Л. 3; Ф. Р-345. Оп. 1. Д. 1а. Л. 3; Ф. Р-389. Оп. 5. Д. 4. Л. 2.

² Там же. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

³ Там же. Ф. Р-113. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

⁴ Там же. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Ф. Р-392. Оп. 1. Д. 2. Л. 4; Ф. Р-393. Оп. 2. Д. 1. Л. 3.

ния полагать, что занимались на этих снабженческих организациях, главным образом, перегрузкой трофейного имущества, часть которого оставалась в калининградских совхозах и колхозах¹.

Таким образом, первые организации, составлявшие производственную и управленческую инфраструктуру сельского хозяйства, были ориентированы не совсем на производство в аграрном секторе. Между тем, прибытие переселенцев ставило задачи именно помощи в обустройстве на новом месте, а, по мере налаживания хозяйства, выстраивания системы, обеспечивающей не только снабжение, но и заготовку, переработку и реализацию урожая и продукции животноводства.

Безусловно, особенностью калининградской земли было то, что коллективизацию проводить здесь не было нужды. Организационные собрания колхозов проводились почти сразу после обустройства, а потенциальные председатели могли обнаружить себя уже в переселенческих эшелонах, проявив определенные организаторские способности [1, с. 52, 123, 124]. Вопросы землеустройства сводились к необходимости получить традиционные акты на бессрочное пользование землей, чем должны были заниматься отделы землеустройства облсельхозуправления. Самые большие сложности здесь проявлялись при размежевании земель с воинскими частями, обустроившимися на этой земле чуть пораньше. Создание государственных хозяйств – совхозов было обусловлено наличием относительно сохранившихся бывших помещичьих («юнкерских») хозяйств, которые уже в 1945 г. стали превращаться в подсобные хозяйства воинских частей, привлекавших для работы немецкое население. В 1947 году «военхозы» (их было 30) реорганизовывались в совхозы, объединившиеся в трест союзного подчинения². Второй трест объединил уже совхозы, созданные переселенцами³. Оба треста ориентировались на животноводческое направление, но существовали как отдельные структуры до своего объединения

¹ Там же. Ф. Р-393. Оп. 2. Д. 42. Л. 10, 15, 17.

² Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 90. Л. 150; Ф. Р-182. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–30.

³ Там же. Ф. Р-390. Оп. 5. Д. 3. Л. 1.

в 1955 году, причем уже в составе республиканского министерства¹.

Проблемы организации жизни и быта переселенцев были общими, независимо от организационной формы – кооперативной или государственной. Земли, в том числе для подсобных хозяйств хватало, но были сложности с жильем, которое надо было восстанавливать и для себя, и для следующих переселенцев, прибытие которых продолжалось. Хуторская система расселения, принятая у немцев, не очень хорошо вписывалась в систему организации колхозного труда, однако расселяться приходилось там, где была возможность. По сложившейся в основной части страны схеме, шла организация машинно-тракторных станций (МТС), число которых уже к 1948 г. достигло 30 на 17 сельских районов². Техника для них подбиралась как из числа трофеев (не только местных), так и доставлялась с предприятий страны. Безусловно, существовала проблема с техническими кадрами, усугублявшаяся тем, что работники МТС, как, кстати и появившихся в 1948 г. межколхозных строительных объединений, а также начавших создаваться уже с 1946 г. управлений осушительных систем (область была почти полностью мелиорирована при прежних хозяевах), уходя в соответствующие организации, не спешили, да и не могли расстаться с домами и участками, находившимися на балансе у колхозов – на этой почве возникало немало конфликтов³. Разрешать эти споры приходилось партийным и советским органам, отдававшим себе отчет в том, что людей не хватает и в колхозах, и в МТС, и понимавшим, что есть еще проблема оттока людей в город, да и за пределы области. Еще одной инстанцией, помогавшей в этих вопросах, являлся просуществовавший совсем недолго – с февраля 1949 по апрель 1953 г. институт Председателя совета по делам колхозов Калининградской области⁴.

Вместе с тем, новыми управленческими структурами становились организации, призванные не столько решать специфические проблемы, сколько контролировать производство и заготовки. Управление уполномоченного ми-

¹ Там же. Ф. Р-411. Оп. 4. Д. 2. Л. 5.

² Там же. Ф. Р-139. Оп. 9. Д. 74. Л. 8–10.

³ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 3. Л. 6; Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

⁴ Там же. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 9. Л. 12.

нистерства заготовок по Калининградской области (уполнминзага¹) появилось уже в августе 1946 г. – с прибытием первого эшелона с сельскими переселенцами. Чем им следовало заниматься, если знаменитое постановление Совета министров освобождало от обязательных поставок переселенцев на три года (более поздние переселенцы также получали это право со времени прибытия)? – Простой ответ – организовать как структура, призванная организовать учет всех формирующихся хозяйств с целью начать вручать уведомления об обязательных поставках по мере истечения льготных сроков – дополняется небольшой поправкой в том же постановлении: «кроме молока» [3, с. 3]². Поставки молока должны были осуществляться по факту наличия коров у новых калининградских колхозников и рабочих совхозов. Заметим, что упомянутое постановление рекомендовало переселенцам брать с собой коров, овец и даже ульи, однако не многие хотели, да и могли этим воспользоваться. Скотом обзаводились уже на месте, помогали в этом ссуды сельхозбанка, при этом обзаведение именно молочным скотом не просто приветствовалось, но и настойчиво продвигалось под лозунгом «преодоление бескоровности»³. Резоны здесь были не только в том, чтобы наладить заготовки молока, а затем и мяса, но и «привязать» новых селян к хозяйству на земле, закрыв при этом существенную часть проблемы обеспечения продовольствием. Еще до конца 1940-х годов жители сельской местности столкнулись с обязательными поставками мяса, зерна и даже шерсти (когда выяснилось, что овцы здесь не плохо прижились). При чем для заготовок «животноводческого сырья» (включая конский волос, пух и перо, кишечное сырье для производства колбас) в 1949 году была образована особая областная контора⁴. Правда, ни проблему заготовки сырья для производства, ни систему, обеспечивающую заготовку картофеля, овощей и фруктов для нужд городского населения, уполнминзаги так и не решили до окончания существования своей структуры в 1956 году.

¹ Там же. Ф. Р-384. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

² Совет Министров СССР. Постановление СМ СССР от 09.07.1946 г. «О первоочередных мероприятиях по заселению районов и развитию сельского хозяйства в Калининградской области // [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4605.htm (дата обращения – 01.11.2022).

³ ГАКО. Ф. Р-514. Оп. 1. Д. 12. Л. 42.

⁴ Там же. Ф. Р-291. Оп. 7. Д. 25. Л. 13.

Еще одной подобной организацией можно считать межрайонную государственную инспекцию по определению урожайности, созданную 2 мая 1947 года¹. Аналогичные организации, существовавшие во всей стране, призваны были вычислять потенциально возможные урожаи исходя из видов на них в конкретных местностях и погодных условиях, чтобы потом предъявлять требования по сбору хлеба на засеянных площадях. Таким образом рассчитывали бороться с возможными потерями урожая вследствие как бесхозяйственности, так и возможных хищений и укрывательства. Однако контролирующих органов и без того было не мало: уполномоченный Госконторля, уполномоченный по вопросам планирования (помимо областного планового комитета), инспектура по сортоиспытанию². Их деятельность порождала неприятные ситуации, когда областное руководство просило центр о продовольственной помощи, ссылаясь на сложности обустройства на новых территориях.

В целом, говоря о составе созданных организаций, призванных оказывать помощь в создании материальной базы сельскохозяйственного производства и управления аграрным сектором, следует отметить такую проблему как ведомственность. Импульс к развитию отраслевой системы управления народным хозяйством, заложенный в период индустриализации, сыгравший немаловажную роль в период Великой Отечественной войны, в послевоенные годы становился проблемой. Желание и возможность иметь собственные структуры, отвечавшие за строительство, снабжение, распределение всевозможных ресурсов у многих министерств порождали не только бюрократизм в управлении, но и самое необоснованное дублирование функций. Принципиальная возможность распространить эту систему и на сельское хозяйство в новой области, где не было крестьянской стихии, которую следовало преодолевать, привела к ситуации, когда управленческие органы возникали не как ответ на возникшую необходимость усилить внимание к тому или иному участку, а в силу надобности создать территориальную структуру в области, отдаленной от остальных районов РСФСР, и потому с трудом вписывавшуюся в привычные управленческие схемы. Имен-

¹ Там же. Ф. Р-191. Оп. 3. Д. 1. Л. 6.

² Там же. Ф. Р-60, 180, 234, 514.

но этим объясняется очевидное отсутствие логики в открытии многих из перечисленных контор.

Положение усугублялось еще одной проблемой – кадровой, которая неизбежно проявляла себя, когда налаживалось управление на вновь присоединенной территории. Указанное постановление требовало отобрать для Калининградской области определенное количество председателей колхозов, агрономов, зоотехников и других специалистов, причем это требование было в числе тех, которые адресовались партийным и советским органам областей, отправлявших эшелоны с переселенцами. Специальных поручений по управленцам, призванным руководить районами, МТС, не говоря уже о территориальных органах речи не было. По традиции эти назначения шли по партийной линии, причем решения принимались не на областном уровне, а отправлявшими парторганизациями.

Документация таких учреждений, представленная в областном архиве, содержит не мало интересных, пусть и косвенных материалов об условиях их работы. Небольшой штат управлений заготовок, инспекции по урожайности, да и других структур, которые в последствии разрослись, не позволял заводить несколько дел с приказами: кадровые назначения шли вперемешку с распоряжениями по основной деятельности, но именно это и обеспечило сохранность первых. Если обратиться к делам упомянутых конторы по заготовке зерна, комиссии по определению урожайности, уполномоченного по заготовкам, мы увидим похожие картины: штат из 10–12 человек, среди которых директор с не самым большим окладом, зам (не всегда), бухгалтер, несколько специалистов, курьер, секретарь и водитель. Руководитель, как правило, с определенным партийным стажем, часто фронтовик, но без высшего образования. С образованием – как правило бухгалтер и инженер. У специалистов образование не всегда профильное, но и конкуренции со стороны подъезжающих кадров, как правило не наблюдалось. Если прибывал командированный из центра работник, происходила смена руководителя, но очень часто ненадолго – условия устраивали не

всех¹. Дело даже не только в жилье, которого в областном центре не строили, а лишь восстанавливали и приспособляли, а в условиях работы, когда в одном помещении размещалось несколько отделов областного уровня. Но даже в этих условиях, если ставился вопрос о перенаправлении в районы, специалисты и управленцы не торопились переезжать, и тем более перевозить семьи. Находились причины, чтобы этот переезд отсрочить. Кстати, не доезжали и назначенцы из Москвы и Ленинграда до самой области. Стоит ли удивляться, что председателями колхозов становились люди вообще без образования. В 1950–1956 гг. предпринималась попытка их учить в областном центре – действовала школа по подготовке председателей колхозов². При этом учили их не только и не столько сельскохозяйственным наукам. Сколько давали возможность получить среднее образование, что для многих также оказывалось сложным делом. Председатель с образованием на уровне четырех классов был не редкостью даже во второй половине 1950-х годов.

Таким образом, формирование управленческой инфраструктуры сельского хозяйства во вновь созданной Калининградской области оказалось достаточно сложным и противоречивым процессом. Воссоздание советской системы управления на относительно небольшой территории со специально отобранным, знакомым с советскими реалиями населением шло со многими трудностями, хотя характер этих трудностей навряд ли перекрывал все сложности послевоенного восстановления народного вообще, и сельского в частности хозяйства. В Калининградской области не ставилась, хотя и могла провозглашаться задача создать образцовое сельское хозяйство. Важно было заселить регион, имевший определенное военное (геополитическое) значение максимально лояльным населением, если и не полностью русским, то по крайней мере, без особых национальных притязаний. При этом, способность обеспечить область сельскохозяйственной продукцией, была весьма желательной, хоть и не самой обязательной задачей – важно, чтобы сельское население существовало, труди-

¹ Там же. ГАКО. Ф. Р-191. Оп. 1. Д. 4. Л. 5–12; Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 6. Л. 4, 18, 21; Ф. Р-384. Оп. 5. Д. 4. Л. 12.

² Там же. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 4. Л. 5–10.

лось и управлялось в соответствии с общими устоявшимися представлениями. В этом отношении задачи созданной управленческой инфраструктуры в первое послевоенное десятилетие оказались выполненными.

Литература

1. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах / под ред. Ю.В. Костяшова. Калининград, 2018. – 363 с.
2. *Костяшов Ю.В.* Секретная история Калининградской области 1945– 1956 гг. Калининград, 2009. – 351 с.

© *Полх П.П.*, 2023

ПОЛИТИКА «РАСШИРЕНИЯ» КОЛХОЗНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СЕРЕДИНЕ 1950-Х–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х ГГ.

Проанализирована реализация постановлений верховной власти в 1953–1956 гг., нацеленных на развитие в колхозах хозяйственного самоуправления. Рассмотрены объективные и субъективные причины невыполнения этих решений.

Ключевые слова: колхозы; самоуправление колхозов; советское крестьянство; аграрная политика государства; аграрная десталинизация.

В современной историографии актуальными являются исследования о природе и результатах трансформации сталинской экономической модели в годы так называемого хрущевского десятилетия. Особый интерес представляет специфика реформирования аграрной подсистемы сталинизма. Несмотря на то, что данной теме посвящено большое количество научно- исторических исследований [1; 2; 3; 5; 6; 7; 8], некоторые ее аспекты требуют дополнительного анализа. Довольно много пищи для размышления и аргументов для корректировки сложившихся представлений дает изучение следующего направления постсталинского аграрного реформирования. В середине 1950-х гг. верховная власть приняла ряд постановлений, указывавших на необходимость развития самоуправления в колхозах, которое изначально было минимальным. Так, согласно уставу сельхозартели, принятому в 1935 г., правление колхоза не участвовало в разработке важнейших производственных документов – планов, смет, договоров с МТС, поэтому интересы хозяйства в них учитывались слабо. Правление сельскохозяйственной артели было уполномочено определять нормы выработки и расценки работ в трудоднях². Но в связи с введением в 1939 г. обязательного минимума выработки трудодней, устанавливаемого сверху, это право было фактически дезавуировано.

¹ Андреенков Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, Andreenkov_sn@mail.ru, Россия, г. Новосибирск.

² Примерный устав сельскохозяйственной артели, принятый вторым Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержденный СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 года // СЗ СССР. 1935. № 11. Ст. 82.

В послевоенные годы вопрос о том, что кооперативное начало в деятельности сельхозартелей не реализуется, что колхозы связаны по рукам и ногам указаниями сверху поднимался в первую очередь в рамках работы Совета по делам колхозов. За расширение хозяйственных полномочий колхозных властей выступали так называемые экономисты-рыночники, наиболее значимой фигурой среди которых был В.Г. Венжер. Постсталинское «коллективное руководство» было не против либерализации внутриколхозной жизни.

В публикациях советских и постсоветских авторов по рассматриваемой тематике основное внимание сконцентрировано на двух партийно-правительственных постановлениях, призванных расширить хозяйственные полномочия колхозов – «Об изменении практики планирования сельского хозяйства» [4, с. 355–370] от 9 марта 1955 г. и «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели» [4, с. 605–611] от 6 марта 1956 г. В документах колхозам давалось право самостоятельно определять перспективные производственные планы, нормы выработки и расценки работ.

В советский период историки рассматривали эти решения как важный фактор развития внутриколхозной демократии. Однако по их мнению на повестке дня стояла более важная задача – быстро поднять большое число отстающих хозяйств. Решить ее можно было только де-факто чрезвычайными мерами, в том числе, путем отправки в колхозы на руководящую работу 30 тысяч посланцев партии – «тридцатитысячников». Поэтому рассматриваемые постановления не выполнялись (см., напр.: [9]). С конца 1980-х гг. в историографии стала превалировать иная точка зрения. О.М. Вербицкая, объясняя причины невыполнения постановления об изменении практики планирования, говорила о живучести «старых стереотипов в сознании как руководителей всех рангов, так и конкретных исполнителей» [2, с. 32]. Таким образом, первые привыкли навязывать свою волю, вторые – ее выполнять. И эта модель отношений не была сломана и продолжала работать. И.Е. Зеленин в свою очередь утверждал, что требование Н.С. Хрущева отрешиться от принципа невмешательства в дела

колхозов, являлось очевидным волонтаристским проявлением [5, с. 277– 278]. На наш взгляд, ситуация была более сложной, что видно в свете анализа ряда дополнительных фактов.

После смерти И.В. Сталина в колхозах стала падать дисциплина труда. Данная тенденция отчетливо проявлялась в Сибири. В Новосибирской области доля трудоспособных колхозников, не выработавших обязательного минимума трудодней, увеличилась с 9,1% в 1953 г. до 11,7% в 1957 г., а доля тех, кто не выработал ни одного трудодня, – с 1,1 до 1,7%. Рост числа «тунеядцев» происходило в основном за счет женщин, которые стали активнее заниматься домашним производством (содержанием личного скота, ведением огорода, вязанием шерстяных изделия, самогонварением). Согласно материалам проверки деятельности колхозов Чановского района Новосибирской области, проведенной партийными органами, в 1954–1955 гг. в сельхозартели «Сталинский путь» минимум трудодней регулярно не выполняли 35 женщин. Они вязали пуховые платки и продавали их на рынке. Для части женщин работа в колхозе не имела большого значения из-за возросшей зарплаты их мужей. Так, 12 колхозниц были замужем за трактористами, имевшими дополнительные заработки. В этом плане весомую роль играл и социальный статус супруга. На работы в колхоз не выходили жены трех коммунистов, в том числе жена секретаря парткома Чехлова. На общем колхозном собрании Чехлов заявил: «Моя жена как не работала в колхозе, так и не будет работать». В Сибири доля колхозниц, не выработавших минимума, с 1954 г. по 1955 г. выросла с 18,9 до 20,4%. Это негативно влияло на развитие общественного животноводства, где преобладал ручной женский труд. Зато доля «тунеядцев» – мужчин сократилась с 2,3 до 1,9%, что было обусловлено развитием такой «мужской» отрасли, как зерноводство, отличавшееся более широким использованием сложной машинной техники. В Сибири производство зерна наращивалось благодаря начавшемуся в 1954 г. массовому освоению целинных и залежных земель [1, с. 115–116].

Падению показателей дисциплины труда в колхозах в значительной степени способствовали решения самой верховной власти. Важно отметить два из

них: всем известный новый закон о сельскохозяйственном налоге¹ (август 1953 г.), стимулировавший развитие личных приусадебных хозяйств, и гораздо менее известное постановление Совета Министров СССР от 23 июня 1954 г. «Об обязательном минимуме трудодней для трудоспособных колхозников»². Последнее передавало право определять минимум трудодней колхозным собраниям. Устанавливать трудовые нормы они должны были с учетом местных условий и обязательно с превышением норм 1953 г. Минимумы утверждались райисполкомами.

На функционировании общественного производства выполнение этих указаний отразилось в общем негативно: в большинстве случаев колхозники, занятые трудом в ЛПХ, определяли для себя пониженные минимумы трудодней. Газета «Советская Сибирь» (Новосибирская область) в статье «Обязательный минимум трудодней» опубликованной 6 января 1955 г. сообщала о том, что в колхозе «Знамя коммунизма» Чановского района согласно решению общего собрания каждому трудоспособному работнику следовало выработать 130 трудодней, тогда как только в растениеводстве для выполнения всех работ требовалось выработать не менее 200. В 1954 г. в колхозах им. Ворошилова и им. Молотова Ояшинского района области работники, не выполнившие минимума трудодней, пользовались всеми льготами, определенными для колхозников, выработавших необходимое количество трудодней. В сельхозартелях Доволенского и Венгеровского районов, находившихся в одинаковых условиях, были установлены различные нормы выработки (120–150 и 180–220 трудодней соответственно).

Принятое 9 марта 1955 г. постановление о новой практике планирования сельского хозяйства только усугубило ситуацию. Перспективные планы развития сельхозпроизводства в основном предусматривали умеренные темпы роста, что в целом устраивало рядовых работников колхозов. Но для региональных

¹ Постановление Совета Министров СССР от 8 августа 1953 г. «О сельскохозяйственном налоге» // Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Сб. постановлений Совета Министров СССР. 1953. Т. 2. Л. 226–227.

² Постановление Совета Министров СССР от 23 июня 1954 г. «Об обязательном минимуме трудодней для трудоспособных колхозников» // Там же. 1954. Т. 3. Л. 151.

властей производственные обязательства, не нацеленные на быстрый подъем всех отраслей колхозного хозяйства, были неприемлемы. Первый секретарь Томской партийной организации В.А. Москвин на пленуме обкома 4 апреля 1955 г. отметил, что у руководителей ряда колхозов Чаинского, Туганского и некоторых других районов области имеются настроения сократить посевы картофеля, льна-долгунца, кукурузы и это неправильно. На этом же заседании секретарь Асиновского райкома партии Голиков отметил: «У нас многие руководящие работники как-то не проявляют живой интерес, чувствуется до сих пор какое-то формальное отношение, нет огня, нет нужного понимания сегодняшних задач»¹. Меры, нацеленные на подъем трудового энтузиазма, вскоре приняли. В конце марта 1955 г. Н.С. Хрущев санкционировал отправку в деревню «десанта» из посланцев КПСС – «тридцатитысячников». Они должны были занять в хозяйствах руководящие посты и разъяснять крестьянам суть принимаемых властью директив и организовать их выполнение и перевыполнение².

Постановление об изменении устава сельскохозяйственной артели от 6 марта 1956 г. к демократизации колхозов привести не могло. Оно, конечно, разрешало колхозникам вносить изменения в уставы сельхозартелей, в частности, устанавливать минимум трудодней и размеры ЛПХ колхозников, но работа эта проводилась под плотным контролем партийных органов, поэтому уставы корректировали «правильно», то есть так, как было нужно власти. А она стремилась в первую очередь заставить колхозников интенсивнее работать в общественном хозяйств.

Поэтому трудоспособные мужчины, а также женщины, не имеющие малолетних детей, получали повышенные трудовые нормы. Для «тунеядцев» стоимость трудодня уменьшалась на четверть. Размеры их личных подворий сокращались. Индивидуальный надел уменьшался также у пенсионеров и колхозников, члены семей которых работали в государственных организациях, находились на учебе или в армии. При этом соблюдался принцип материальной за-

¹ Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2173. Л. 26–27, 60.

² Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 марта 1955 г. «О мерах по дальнейшему укреплению колхозов руководящими кадрами» // [4, с. 392–398].

интересованности. Крестьяне должны были получать ежемесячные авансы, а особо отличившиеся – дополнительные выплаты, определяемые по решению общего собрания. Кроме того, смягчались условия труда для колхозников, по объективным причинам не имевших возможности трудиться в общественном хозяйстве в полном объеме. Так, для колхозниц с малолетними детьми определялись пониженные трудовые нормативы. Не устанавливался минимум трудодней для нетрудоспособных [1, с. 121–122].

Важно отметить, что социально-экономическая ситуация в колхозной деревне в разных регионах не была одинаковой. Так, в южных регионах Западной Сибири благодаря освоению целины существенно увеличилось валовое производство зерна, в связи с чем доходы хозяйств от его реализации государству по повышенным закупочным ценам значительно выросли. Повысилась и оплата труда. Если в 1952 г. в Западной Сибири каждому трудоспособному колхознику по трудодням было выдано 270 руб., то в 1954 г. – 1821 руб., или 6,7 раз больше. И даже в этой сравнительно благоприятной ситуации в колхозах данного региона дисциплина труда снижалась. В стране в целом доходы колхозников от работы в общественном хозяйстве возросли не так существенно. В РСФСР в целом денежная оплата трудодня колхозника увеличилась только в 2,8 раза (в 1952 г. – 262 руб., в 1954 г. – 737 руб.). В 1954 г. в СССР убыточными были 45 % колхозов, 40 % хозяйств выдали на трудодень менее 1 кг зерна, 37% – менее 1 руб.¹ Большим числом низкодоходных сельхозартелей отличались области Центрального Черноземья. Колхозы здесь собирали небольшие урожаи зерна, поэтому сдавали его главным образом в рамках низкооплачиваемых обязательных поставок. Таким образом, колхозная деревня в целом оставалась в депрессивном состоянии, для преодоления которого необходимо было сделать решительные шаги как экономического, так и административно-политического порядка.

Практика нормирования труда колхозников, исходя из интересов государства, движение «тридцатитысячников» и возобновившееся укрупнение кол-

¹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1326. Л. 74, 77; Оп. 4. Д. 1561. Л. 27.

хозов окончательно ликвидировали остававшиеся в хозяйствах элементы артельной демократии. Общее собрание колхозников уже мало что решало, зато усилилось влияние председателя. Теперь только с ведома главы колхоза и по его воле происходили исключение и прием в члены сельхозартели, устанавливались нормы выработки, расценки работ, авансовые и поощрительные выплаты, обязательный минимум трудодней, размеры ЛПХ и т. п. При этом колхозники фактически уже не выбирали себе руководителя. Процесс смены власти в сельхозартели представлял собой голосование за кандидатуру, рекомендованную райкомом и райисполкомом. Все чаще это был человек, не принадлежавший к местному колхозному социуму, являвшийся «чужаком». В связи с преобразованием сельхозартелей в совхозы централизация управления сельхозпроизводством стала еще более существенной. В 1962 г. она усилилась благодаря созданию территориальных колхозно-совхозных управлений.

Однако огосударствление, укрупнение и централизация производственных процессов наряду с очевидными плюсами (ускорение процесса капитализации сельского хозяйства, нацеленность предприятий на выполнение государственных планов, повышение степени управляемости производства и др.) имели и явные минусы. В рамках больших хозяйственных структур быстро нарастало отчуждение работника от результатов своей производственной деятельности, что сдерживало рост производительности труда. В 1964 г. в РСФСР убыточными были 23 % колхозов и 22 % совхозов [1, с. 141, 168]. На фоне нарастания кризисных явлений в сельском хозяйстве верховная власть вновь заявила о необходимости развития планирования «снизу» и ограничения административного диктата для повышения заинтересованности работника в своем труде. В соответствии с решениями февральского (1964 г.) пленума ЦК КПСС 20 марта 1964 г. вышло в свет партийно-правительственное постановление, которое потребовало «осудить как вредную, тормозящую развитие сельского хозяйства практику шаблонного планирования, бесцеремонного навязывания сверху колхозам и совхозам заданий по размерам посевных площадей, их струк-

туре, поголовью скота и другим производственным показателям»¹. При разработке планов развития аграрного производства местные власти были обязаны руководствоваться постановлением партии и правительства от 9 марта 1955 г. Одновременно ставилась задача увеличить оплату труда колхозников.

Таким образом, политика расширения внутриколхозного самоуправления середины 1950-х гг. с точки зрения развития аграрного производства имела скорее деструктивные последствия, способствовала партикуляризации колхозной жизни. В 1953–1956 гг. колхозное хозяйство в целом оставалось в депрессивном состоянии, преодоление которого требовало проведение чрезвычайных мер, и именно такими мерами следует считать, в частности, организацию движения «тридцатитысячников». В то же время централизация управления производственными процессами не стала панацеей.

Напрашивается и другой общий вывод. Можно говорить о том, что в середине 1950-х гг. «перековка» традиционного крестьянства в новую социальную общность колхозников и рабочих совхозов в рамках модернизации еще не завершилась. Крестьянство в первую очередь в лице своей женской половины отказывалось от высоко результативного труда в общественном производстве. Государство, сделав селянам в рамках аграрной десталинизации ряд уступок, во второй половине 1950-х гг. перешло в новое наступление на колхозную деревню.

Литература

1. *Андреев С.Н.* Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск, 2016. – 256 с.
2. *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. М., 1992. – 224 с.
3. *Денисов Ю.П.* Аграрная политика Н.С. Хрущева: итоги и уроки // *Общественные науки и современность.* 1996. № 1. С. 115–122.
4. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам

¹ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1964 г. «О фактах грубых нарушений и извращений в практике планирования колхозного и совхозного производства» // *СП СССР.* 1964. № 4. Ст. 29.

(1917–1957 гг.). М., 1958. Т. 4: 1953–1957 годы. – 864 с.

5. *Зеленин И.Е.* Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. – 305 с.

6. *Раков А.А.* Приоритеты советской аграрной политики в 1953–1964 гг. и попытки преодоления «сталинских перекосов» в сельском хозяйстве // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 4. С. 162–183.

7. *Рогалина Н.Л., Коньшев Д.Н.* К вопросу об оценке аграрного реформирования Н.С. Хрущева // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII – XX веках: сб. статей. Оренбург, 2006. С. 286– 292.

8. *Русинов И.В.* Аграрная политика КПСС в 50-е – первой половине 60-х годов: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 35–49.

9. *Тюрина А.П.* Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства. 1946–1958 гг. М., 1973. – 310 с.

© *Андреенков С.Н., 2023*

АГРАРНАЯ РЕФОРМА 1958 Г. В СССР: ЦЕНА И ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье рассматривается влияние аграрной реформы 1958 г. на деятельность колхозов и ее последствия для сельскохозяйственного производства страны.

Ключевые слова: аграрная политика Советского государства; сельское хозяйство; колхозы; машинно-тракторные станции; ремонтно-технические станции.

Во второй половине 1950-х гг. руководство советского государства во главе с Н.С. Хрущевым делает попытку придать импульс развитию сельского хозяйства путем проведения административных мер. В конце марта 1958 г. Верховный Совет СССР принял Закон «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций», в соответствии с которым машинно-тракторные станции (МТС) реорганизовывались в ремонтно-технические станции (РТС). При этом тракторы, сельскохозяйственные машины и орудия, принадлежавшие МТС, равно как и вновь производимые промышленностью, подлежали свободной продаже колхозам за наличный расчет или с привлечением кредитных средств².

Таким образом, тракторы, сельскохозяйственные машины и почвообрабатывающие орудия переходили в собственность колхозов, которые теперь должны были решать сложные задачи по организации использования техники и поддержания ее в рабочем состоянии. Своей производственной инфраструктуры по техническому обслуживанию и ремонту сельскохозяйственных машин и орудий колхозы не имели, именно для выполнения этой задачи создавались ремонтно-технические станции.

В партийно-правительственном постановлении «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» от 18 апреля 1958 г. основное внимание уделяется выстраиванию новой производствен-

¹ Томили Виктор Николаевич, доктор исторических наук, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, tomilin58@mail.ru, Россия, г. Липецк.

² Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1958 гг. М., 1959. С. 138–140.

ной инфраструктуры колхозов в изменившихся условиях¹. Формируемые РТС наследовали от своих предшественников МТС многие функции. Это не только задача ремонта тракторов, сельскохозяйственных машин и орудий, принадлежащих колхозам. В дополнение на РТС возлагались обязанности по обслуживанию и ремонту техники совхозов и других сельскохозяйственных предприятий и организаций. Разработчики аграрной реформы 1958 г. прописали в Законе ответственность РТС за оказание колхозам помощи при использовании машинно-тракторного парка, проведении мелиоративных, ирригационных, планировочных и дорожных работ, выполнении работ по механизации и электрификации трудоемких процессов в животноводстве, перевозке грузов, организации материально-технического снабжения и др.

В основных земледельческих районах страны реорганизация МТС была проведена в 1958–1959 гг. Колхозы освобождались от опеки МТС и должны были хозяйствовать самостоятельно. Реализация реформы носила единовременный характер, не был предусмотрен переходный период. Идеологи реформы надеялись на эффект стимулирования роста аграрного производства в результате соединения сельхозпроизводителя со средствами производства.

В результате проведения реформы 1958 г. радикально менялась жизнь колхозной деревни. Теперь полнота ответственности за проведение всего комплекса сельскохозяйственных работ возлагалась на колхозы. В то же время в партийно-правительственных документах присутствуют и тревожные нотки по поводу внедрения реформы. Речь идет о возрастании роли и ответственности местных партийных и советских организаций в руководстве сельским хозяйством. В связи с этим в структуру исполкомов районных Советов депутатов трудящихся были внесены изменения. В их составе создавались районные инспекции по сельскому хозяйству. Начальник районной инспекции наделялся высоким статусом заместителя председателя райисполкома.

На районные инспекции возлагались задачи пропаганды и внедрения пе-

¹ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 18.04.1958 г. «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций»: [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5271.htm (дата обращения: 16.12.2022).

редового опыта и научных достижений в сельскохозяйственное производство, организации семеноводства и племенного дела, землеустройства и государственного учета земель, ветеринарной службы, надзора за проведением мероприятий по борьбе с вредителями и болезнями растений, оказании помощи колхозам в налаживании бухгалтерского учета и отчетности.

В условиях новой экономической реальности колхозам приходилось перестраивать свою работу. Многие вопросы, находившиеся ранее в зоне взаимной с МТС ответственности, теперь надо было решать самостоятельно. Прежде всего речь шла о реализации всего комплекса задач по эффективному использованию приобретенной сельскохозяйственной техники. Это не только технические вопросы – обеспечение бесперебойной работы машин и орудий: их обслуживание, профилактика и ремонт, доставка и хранение горюче-смазочных материалов, но и социальные – организация и оплата труда механизаторов, их питание, отдых и т.д.

Следует обратить внимание на тот факт, что даже в условиях деятельности государственных сельскохозяйственных предприятий, какими являлись МТС, проблема механизаторских кадров не была окончательно решена, а теперь она еще более обострилась. Далекое не все механизаторы МТС согласились перейти на работу в колхозы, которые не могли достойно оплачивать их труд. Разработчики реформы 1958 г. предполагали, что у колхозов возникнут трудности при эксплуатации приобретенной у государства сельхозтехники. Для оказания помощи колхозам при РТС создавалась служба государственного технического надзора за состоянием машинно-тракторного парка. В ее штате находились старший инженер и инспекторы. Работа службы оказалась малоэффективной. Инспекторы посещали тракторные бригады колхозов, осматривали станы, находили недостатки и делали замечания («машины не очищены от грязи», «на агрегате не стоит предохранительный кожух» и т. п.). По итогам проверки составлялись акты, после чего инспектор считал свою работу выполненной и уезжал из колхоза¹.

¹ Государственный архив новейшей истории Липецкой области (ГАНИЛО). Ф. 170. Оп. 1. Д. 40. Л. 173.

Бригадирь тракторных бригад и механизаторы находили множество причин, чтобы не выполнять предписания инспекторов. Служба гостехнадзора и тракторные бригады колхозов действовали обособленно в том плане, что они не были экономически объединены и стимулированы ответственностью за качество выполнения сельскохозяйственных работ, да и сами проверки носили формальный характер.

В соответствии с положениями реформы 1958 г. при райисполкомах создавались инспекции по сельскому хозяйству. Это был еще один контролирующий и направляющий орган с нечеткими задачами и полномочиями, никак не встроенный в систему производственной деятельности колхозов.

Специфика сельскохозяйственного производства определяет сезонный характер работы машин и агрегатов, большинство из них работает короткий период: от нескольких дней до одного-двух месяцев в году. Все остальное время года они стоят. Поэтому от правильности хранения сельхозмашин в значительной степени зависит срок их службы. В 1958 г. после завершения сезона полевых работ из 20 колхозов Елецкого района Липецкой области только три сумели организовать постановку техники на хранение «с отдельными недостатками». В большинстве хозяйств положение с хранением дорогой сельхозтехники было удручающим: техника была «разбросана в беспорядке, от грязи и растительных остатков большинство машин не очищены и не смазаны»¹.

Ресурс тракторов и прочей сельхозтехники рассчитан на 5–10 лет эксплуатации. Ускоренному износу подвержены поршневые группы двигателей, топливная аппаратура, коленчатые валы, опорные катки и т.д. После завершения сезона полевых работ для поддержания техники в рабочем состоянии необходим ее планомерный ремонт различной степени сложности и трудоемкости.

В период существования производственной системы «МТС – колхозы» ремонт сельскохозяйственной техники выполнялся машинно-тракторной станцией. Теперь многие колхозы в целях экономии денежных средств пытались обойтись собственными силами, а то и вообще без ремонта. Мастерские РТС

¹ Там же. Л. 191.

простаивали.

Многие колхозы Липецкой области оказались не в состоянии вести самостоятельную хозяйственную деятельность. Одной из мер, направленных на «реанимацию» экономически несостоятельных колхозов, стало их укрупнение. На практике это означало объединение слабых хозяйств с сильными, при этом объединялись и их долги. По такому пути пошли многие регионы страны. В Липецкой области на 1 января 1959 г. насчитывалось 400 колхозов. За год их количество сократилось до 271, в том числе 119 колхозов укрупнилось, а десять были преобразованы в совхозы¹.

Реорганизация МТС поставила колхозы в более жесткие экономические условия, которым многие из них не соответствовали. Особенно в сложном положении оказались колхозы областей Нечерноземной зоны Российской Федерации. В Великолукской области в 1958 г. при годовом доходе колхозов в 28,2 млн руб. их задолженность государству составляла 22,5 млн руб., или 80 %².

Для органов власти на местах было очень важно привлечь дополнительные финансовые ресурсы государства для развития сельского хозяйства. Одним из таких мероприятий стало преобразование колхозов в совхозы и расширение землепользования совхозов за счет присоединения колхозов. Реорганизация МТС заставила государство пойти на расширение землепользования совхозов за счет колхозов. Только в 1958 г. Бюро ЦК КПСС по РСФСР рассмотрело предложение Совета Министров РСФСР об организации 51 и расширении землепользования 364 совхозов за счет земель 871 колхоза³.

Укрупнение колхозов в Липецкой области кардинально не улучшило их положения. По поводу бедственного положения, в котором пребывала большая часть липецких колхозов, руководство области обратилось в Бюро ЦК КПСС по РСФСР: «Денежные доходы их (колхозов. – *В.Т.*) не покрывают необходимых для хозяйств расходов, колхозникам мало выдают на трудодни денег и продуктов, <...> значительная часть колхозников, механизаторов, в первую очередь

¹ Там же. Ф. 34. Оп. 11. Д. 150. Л. 69.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 174. Л. 1–4.

³ Там же. Д. 170. Л. 26.

молодежь, уходит из колхозов»¹.

Выход из создавшегося положения липецкие власти видели в том, чтобы «прирезать к существующим совхозам 271 тыс. га земельной площади 46 экономически слабых колхозов». Кроме того, предлагалось организовать 23 новых совхоза на базе бывших усадеб МТС, отделений РТС и «реорганизовать с расширением землепользования два отделения совхозов в самостоятельные совхозы на площади 511,4 тыс. га 80 экономически слабых колхозов». Цена вопроса – 282,7 млн руб. Столько денег требовалось для погашения долгов колхозов по ссудам банков, колхозникам и другим кредиторам².

Долг «экономически слабого колхоза» в среднем составил колоссальную по тому времени сумму, превышающую 2,24 млн руб. Это свидетельство настоящего разорения значительной части колхозов в результате осуществления реформы 1958 г. Самостоятельно выбраться из такого положения хозяйства не могли.

В Брянской области на 1 января 1961 г. только 76 колхозов из 375, или 20% от общей численности, имели «удовлетворительное финансовое положение», а 168 брянских колхозов, или 45 %, были не в состоянии погасить свои долги³.

В аграрной науке до сих пор не потерял актуальность вопрос о цене реформы 1958 г. и ее влиянии на колхозную экономику. В советской историографии доминировало положение, согласно которому МТС выполнили свою историческую миссию, и реформа 1958 г. оказала положительное влияние на развитие колхозного строя [1; 2; 3; 4; 6]. Современные историки-аграрники рассматривают последствия реформы 1958 г. более критично [5; 7; 8; 9; 10].

Некоторые современные экономисты придерживаются иной точки зрения. По мнению Д.Б. Эпштейна расходы колхозов на выкуп техники «никак не могли разорить сколько-нибудь значительное количество колхозов. Тем более, при доступности долгосрочности кредита, которым колхозы успешно поль-

¹ Там же. Д. 245. Л. 133.

² Там же. Л. 134.

³ Там же.

зовались». Вопрос о разорении колхозов продажей техники МТС ученый называет мифом [12, с. 306].

Ставшие доступными для исследователей партийно-правительственные документы центральных и местных архивов дают возможность сделать более обоснованные выводы по существу проблемы. Первые итоги работы колхозов Российской Федерации в новых экономических условиях показали наличие большого числа «экономически слабых колхозов». По итогам 1958 г. в республике было 8505 таких колхозов, что составило 25,5 % их численности¹.

Облисполкомы и советы министров 22 областей и автономных республик обратились с просьбой к правительству преобразовать 1465 экономически слабых колхозов в совхозы. Была просчитана примерная цена данного мероприятия – свыше 1 млрд руб. Эти деньги должны были пойти на покрытие долгов указанных колхозов, а также на капитальные вложения и увеличение оборотных средств совхозов. Одновременно местные органы власти просили списать долги колхозов на сумму 875,9 млн руб., отсрочить выплату задолженности Госбанку СССР и Сельхозбанку СССР на 3–5 лет в сумме 1135,9 млн руб., а также списать натуральную задолженность по семенной и фуражной ссуде в количестве 344,8 тыс. т зерна². Как видно, цена вопроса оказания неотложной помощи колхозной экономике составляет колоссальную по тем временам сумму – более 3 млрд руб.

Совет Министров РСФСР не поддержал просьбу облисполкомов и советов министров о преобразовании колхозов в совхозы. В то же время требовались срочные меры по спасению колхозов. В записке, направленной правительством Российской Федерации в Бюро ЦК КПСС по РСФСР, говорилось о том, что в «6031 экономически слабом колхозе денежный доход за 1958 год ожидается 3742,3 млн руб., ...кредиторская задолженность этих колхозов на 1 июля 1958 г. составляла 3651,9 млн руб., или 98 % к сумме ожидаемого дохода»³.

В связи с тем, что большая часть доходов экономически слабых колхозов

¹ Там же. Д. 240. Л. 16.

² Там же.

³ Там же. Л. 17.

шла на погашение их кредиторской задолженности, такие колхозы оказались не в состоянии покрывать за счет собственных средств возросшие производственные расходы, увеличивать отчисления в общественные фонды и повышать оплату труда колхозников¹.

Приобретение колхозами техники повлекло за собой множество других трат, связанных с оплатой труда механизаторов, эксплуатацией машин, их обслуживанием, ремонтом, строительством станков для тракторных бригад, созданием складов горюче-смазочных материалов и т. д. Колхозы должны были нести расходы, чтобы обеспечить нормальные производственные и бытовые условия для специалистов сельского хозяйства, перешедших к ним из МТС.

О масштабе дополнительных расходов колхозов, выросших в связи с приобретением тракторов и сельскохозяйственных машин, дает представление записка Пермского обкома КПСС в Бюро ЦК КПСС по РСФСР. В ней говорится о том, что за последние три года затраты машинно-тракторных станций области на эксплуатацию техники в среднем за год составили 150,5 млн руб. В то же время стоимость фактически сданной натуральной оплаты за работы МТС по заготовительным ценам составляла порядка 35,2 млн руб. Остальные расходы МТС – 115,3 млн руб. – покрывало государство. Следовательно, разрыв между расходами на содержание и эксплуатацию техники и стоимостью натуральной оплаты по существующим заготовительным ценам составлял около 77%. Только теперь указанные дополнительные расходы государство полностью перекладывало на колхозы. В данном случае это означает увеличение расходов колхозов на содержание и обслуживание техники более чем на 115 млн руб. Да и то только в том случае, если предположить, что эффективность работы МТС и колхозов одинакова. В действительности организация работы и материально-техническая база колхозов были хуже, чем в МТС, а потому издержки производства продукции лишь возрастали. В целях оздоровления экономического положения колхозов руководство Пермской области про-

¹ По итогам 1958 г. в среднем по колхозам Российской Федерации было определено: на выдачу на один человек-день продуктов и денег 1 руб. 41 коп., в том числе денег – 76 коп. (Там же. Д. 348. Л. 83). Но это средние значения оплаты трудодня по республике, экономически слабые колхозы могли выдать лишь продукты.

сило Центральный Комитет партии повысить государственные заготовительные и закупочные цены на продукты сельского хозяйства, «затраты труда и средств на производство которых значительно выше заготовительных и закупочных цен»¹.

В «Записке» Пермского обкома КПСС дается расклад средних за последние пять лет действующих заготовительных и закупочных цен для колхозов и фактических затрат государства на производство продукции, сдаваемой колхозами в порядке оплаты за работы МТС (табл. 1).

Таблица 1

Заготовительные и закупочные государственные цены на продукцию колхозов Пермской области в 1955–1960 гг. (руб. за т)

наименование продукции	По обязательным поставкам	По государственным закупкам	По натуроплате за работу МТС	Предложение по повышению загот. цен
Зерно	238	738	1179	900
Мясо	1 927	5208	9751	4500
Молоко	554	1323	1783	1100
Шерсть	23 420	35 060	40 870	30 000

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 199. Л. 79, 82.

Как видно из таблицы 1, действующие в Пермской области не только заготовительные, но и закупочные государственные цены на колхозную продукцию не покрывали издержек производства. Если признать реальными цены на продукцию, полученную по натуроплате за работу МТС, то в этом случае заготовительные цены на зерно и мясо составляли от них лишь 20 %, на молоко – 31, на шерсть – 57 %.

Прежде опорной конструкцией колхозного производства являлись МТС, которые были упразднены. Через МТС государство осуществляло финансирование аграрного сектора до значения, позволявшего существовать всей системе «МТС – колхозы». Так, в 1955 г. правительство РСФСР выделило на содержа-

¹ Там же. Д. 199. Л. 76.

ние МТС 12,4 млрд руб. Через оплату тракторных работ колхозами машинно-тракторные станции республики возвратили государству 3,1 млрд руб., или только 25 % от общей суммы. В результате в рассматриваемом году на поддержание колхозного производства РСФСР государство выделило 9,1 млрд руб. [10, с. 323–324].

Данные табл. 2 показывают, насколько различались государственные цены реализации продукции колхозов РСФСР от их себестоимости. С учетом того, что через государственные закупки реализовывалось примерно 90 % всей товарной продукции колхозов, закупочные цены имели решающее значение для колхозного производства. От соотношения себестоимости и закупочных цен зависел рост основных и оборотных производственных фондов, вознаграждение за труд и уровень жизни колхозников.

Таблица 2

Себестоимость и цена реализации продукции колхозов РСФСР в 1960 г.

Наименование продукции	Себестоимость (руб.)	Цена реализации (руб.)	Разница между себестоимостью и ценой реализации (руб.)	Цена реализации от себестоимости (%)
Мясо крупного рогатого скота в среднем по всем колхозам (за тонну)	810	614	196	76
в том числе по колхозам:				
Центрального района	881	630	251	72
Волго-Вятского района	937	649	288	69
Северо-Запада	799	664	135	83
Урала	688	642	46	93
Мясо свиней в среднем по всем колхозам (за тонну)	1215	810	405	67
в том числе по колхозам:				

Продолжение таблицы 2

Центрального района	1503	896	607	60
Волго-Вятского района	1406	895	511	64
Северо-Запада	1358	896	462	66
Урала	1006	856	250	85
Яйца в среднем по всем колхозам (за 1000 шт.)	898	650	248	72
в том числе по колхозам:				
Центрального района	1106	710	396	64
Волго-Вятского района	1076	590	486	55
Северо-Запада	992	660	332	67
Урала	816	650	166	80

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 348. Л. 76.

Цены на колхозную продукцию не покрывали издержек производства. При реализации тонны мяса крупного рогатого скота колхозы РСФСР в среднем теряли 196 руб., закупочная цена покрывала только 76 % затрат. Реализация колхозами тонны мяса свиней уносила из колхозного бюджета 405 руб., а на продаже каждой тысячи яиц ущерб составлял 32 руб.

Аграрная реформа 1958 г., по задумке ее архитекторов, должна была принести в казну государства дополнительные финансовые средства и обеспечить увеличение объемов сельскохозяйственного производства. В действительности большинство колхозов столкнулось со столь серьезными трудностями, что не смогло удержать прежние достижения: по многим позициям произошло падение производственных показателей. Показывать отрицательную динамику развития сельского хозяйства в условиях начавшейся реформы местные советские и партийные работники не хотели, так как вышестоящие инстанции могли их обвинить в срыве государственной политики. Одним из основных показателей эффективности работы местных органов власти являлось выполнение плана заготовок сельхозпродукции. Райкомы партии и райисполкомы Советов депутатов оказывали сильный нажим на руководство колхозов при проведении заготовок, требуя от них неуклонного выполнения плана.

Выполнить плановые задания по заготовкам многие хозяйства не могли из-за падения производства, но, чтобы скрыть настоящее положение дел, руководство колхозов пыталось результаты «подправить». Руководители регионов различного уровня стремились приукрасить положение дел на местах. Это стало обыденным явлением. Н.С. Хрущев знал о масштабах фальсификации отчетности, но реагировал вяло: «Чем можно объяснить такие факты, когда работники, занимающие высокие посты, вплоть до областных и республиканских руководителей, сами участвовали в приписках или потакали этому? – говорил он. – А приписки, очковтирательство – это обман партии и государства, это преступление перед народом» [11, с. 350].

Органы центральной власти в полной мере осознавали тот факт, что значительная часть колхозов в новых экономических условиях самостоятельно подняться не сможет. Аграрная политика советского государства нуждалась в серьезной перенастройке. В первую очередь это касалось ценовой политики – повышения закупочных цен на основные сельскохозяйственные товары. На радикальные шаги правительство не решалось. Поэтому в очередной раз делается попытка перекройки «тришкинакафтана».

Было бы неправильно рассуждать о том, что правительство не владело информацией о настоящем положении колхозной деревни. Сведения поступали от разных источников, из которых особый интерес представляют служебные записки в ЦК КПСС и Совет Министров СССР, подготовленные ЦСУ СССР. Записка «Об итогах хозяйственной и финансовой деятельности колхозов за 1960 год», подписанная начальником ЦСУ СССР В. Старовским 15 июля 1961 г., выходила за обычные рамки. В ней была показана динамика развития колхозов за 1958–1960 гг., которая в целом отображала эффективность реформаторской политики государства.

Реализация реформы поставила многие колхозы на грань полного разорения. Правительство пошло по пути их частичной национализации. В конце 1950-х гг. началась кампания по укрупнению колхозов и преобразованию их в совхозы. Таким путем власть стремилась реанимировать «лежащие колхозы».

Только за 1960 г. число колхозов по стране уменьшилось на 9,6 тыс. и составило 43,9 тыс. Сокращение численности колхозов произошло в значительной степени за счет их преобразования в совхозы (на 5,1 тыс.). В результате общая посевная площадь в колхозах сократилась с 130,3 млн га до 123 млн га, или на 6%. О размахе акции свидетельствует и такой факт: в колхозах, преобразованных в совхозы, насчитывалось 1345 тыс. дворов¹.

Расположение «экономически слабых колхозов» определялось не их зональными различиями, а общими экономическими условиями. Особенно большое количество таких колхозов имелось в РСФСР. В целях оздоровления сельскохозяйственного производства традиционных земледельческих районов правительство пошло на преобразование колхозов в совхозы. В районах Дальнего Востока таких колхозов было 39 %, Центра – 23, Черноземного центра России – 16, Восточной Сибири и Северо-Западном – 13, Урала – 12, Западной Сибири – 11 %. В Белоруссии их было 13 %, в Эстонии – 10 %².

Преобразование колхозов в совхозы вело к финансовому оздоровлению предприятия, укреплению материально-технической базы, повышению оплаты труда и решению других социальных проблем. Руководители некоторых вполне благополучных колхозов решили включиться в этот процесс и получить для своих предприятий статус государственных.

В 1960 г. в ЦК КПСС и Совет Министров РСФСР обратился заместитель председателя колхоза им. В.И. Ленина Ново-Кубанского района Краснодарского края С.М. Шагинян с просьбой о преобразовании хозяйства в советское. Указанный колхоз имел крепкую экономику. В его распоряжение было 20 580 га земельной площади, 9 молочно-товарных ферм, 5 – свиноводческих, птицефабрика, гидроэлектростанция. Колхоз своими силами построил четыре школы, школьный интернат, в курортном поселке Лазаревское имел собственный дом отдыха. Численность населения в колхозе составляла около 5 тыс. человек. Разумеется, такую просьбу ЦК партии не поддержал³.

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 269. Л. 135.

² Там же.

³ Там же. Оп. 46. Д. 287. Л. 6–10.

Таким образом, в результате проведения аграрной реформы 1958 г. и упразднения МТС правительство пыталось выстроить новую экономическую модель взаимоотношений с колхозами, в основе которой лежала идея предоставления предприятиям большей самостоятельности и ответственности. Прежняя производственная система «МТС – колхозы» была ликвидирована, а создание новой оказалось более сложным и трудным процессом, нежели предполагали реформаторы. Значительная часть колхозов оказалась неспособной к ведению самостоятельной хозяйственной деятельности в новых условиях. Политика советского государства по реорганизации колхозов и их преобразованию в совхозы на рубеже 1950–1960-х гг. была призвана поддержать сельское хозяйство и обеспечить производство продовольствия. Это были чрезвычайные мероприятия, они не могли скрыть глубину противоречий колхозного производства.

Литература

1. Арутюнян Ю.В., Вылцан М.А. Историческая роль МТС и их реорганизация. М., 1958. – 159 с.
2. История советского крестьянства: в 5 т. М., 1988. Т. 4: Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 – конец 50-х годов / отв. ред. И.М. Волков. – 395 с.
3. История социалистической экономики СССР: в 7 т. М., 1980. Т. 6: Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма. 1946 – начало 1960-х годов. / отв. ред. И.А. Гладков. – 589 с.
4. История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1971. Т. XI. Советский Союз на пути к развитому социализму. 1945–1961 гг. / отв. ред. И.Б. Берхин. – 653 с.
5. Коньшев Д.Н. Ликвидация машинно-тракторных станций как аспект аграрной политики государства (на примере Кировской области) // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сб.ст. Коломна, 2009. С. 471–475.
6. Лосев А.В. Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за

- развитие сельского хозяйства (1945–1964 гг.). Воронеж, 1965. – 336 с.
7. *Милохин Д.В., Сметанин А.Ф.* Коми колхозная деревня в послевоенные годы. 1946–1958: Социально-экономические аспекты развития. М., 2005. – 292 с.
8. *Орлов Д.С., Ильиных В.А., Андреенков С.Н.* Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х – 1980-е гг.: динамика, организационно-производственная и отраслевая структура. Новосибирск, 2018. – 304 с.
9. *Томилин В.Н.* Машинно-тракторные станции и колхозы Центрального Черноземья в 1946–1958 годах: неравноправное партнерство // Отечественная история. 2006. № 5. С. 103–108.
10. *Томилин В.Н.* Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М., 2009. – 400 с.
11. *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства // Н.С. Хрущев. Соч. в 5 т. М., 1962–1963. Т. 5: Февраль 1961 года – октябрь 1961 года. – 463 с.

© *Томилин В.Н., 2023*

АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В НЕЧЕРНОЗЕМНОЙ ЗОНЕ РСФСР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х ГГ.: ПЛАНЫ И ИТОГИ

Рассматривается деятельность сельскохозяйственных предприятий Нечерноземной зоны РСФСР, а также социально-экономическое положение крестьянства в условиях аграрных преобразований второй половине 1960-х гг. Выявляются причины низкой эффективности экономики колхозов и совхозов.

Ключевые слова: сельское хозяйство; сельскохозяйственное производство; колхозы; совхозы; крестьянство; Нечерноземная зона РСФСР.

В середине 1960-х гг. в сельской местности Нечерноземной зоны РСФСР, включавшей около 30 субъектов республики, проживало 17,7 млн чел., свыше 3 млн из которых, трудились в более чем 10 тыс. колхозах и совхозах и других сельскохозяйственных предприятиях. Удельный вес региона, с учетом личный подсобных хозяйств населения, в среднегодовом производстве валовой сельскохозяйственной продукции РСФСР в 1965–1985 гг. составлял 30–33%².

Решения мартовского и сентябрьского (1965 г.) пленумов ЦК КПСС, более 20 постановлений ЦК и Совета Министров (СМ) СССР по их итогам, а также партийно-государственные документы по вопросам развития сельского хозяйства второй половины 1960-х гг., составили законодательную основу аграрной политики государства, которая дополнялись и в последующие годы. В середине 1970-х гг. аграрные преобразования во второй половине предыдущего десятилетия XX в. получили определение «новой аграрной политики». Она включала в себя: некоторое ослабление административно-командных пут во взаимоотношениях государства и сельхозпредприятий; придание колхозам и совхозам большей самостоятельности в разработке и реализации производственных планов, распоряжении части произведенной продукции; установление твердых, неизменных на всю восьмую пятилетку (1966–1970 гг.) планов прода-

¹ Шевельков Анатолий Иванович, кандидат исторических наук, Shevelkov51@mail.ru, Россия, г. Коломна.

² ГА РФ. Ф. А-262. Оп. 17. Д. 4245. Л. 167.

жи зерна государству; введение 50 %-ной надбавки к основной закупочной цене за продажу государству пшеницы сверх установленного плана; значительный рост объемов государственного финансирования сельского хозяйства; списание части финансовой задолженности по ссудам с экономически слабых колхозов, а также за приобретение техники, строений и оборудования у МТС и РТС в сумме 120 млн руб.; отсрочка колхозам погашения задолженности по денежным авансам от заготовительных организаций также в размере 120 млн руб.; материальное стимулирование (в виде денежных надбавок, натуральной оплаты) труда сельских тружеников за продажу государству отдельных видов продукции (мяса, пшеницы, ржи, риса, гречихи, просо, семян подсолнечника, сахарной свеклы); значительное повышение закупочных цен на пшеницу и рожь для колхозов и совхозов нечерноземной полосы страны.

Важнейшим мероприятием по поддержке хозяйств региона стала реализация постановления ЦК КПСС и СМ СССР «Об отнесении затрат по коренному улучшению земель в колхозах и совхозах за счет государственного бюджета» от 1 апреля 1965 г.), в котором был установлен перечень мелиоративных и культурно-технических работ за счет государственного бюджета. Оно не только стимулировало сельхозпредприятия к работе по улучшению состояния земель, но и сберегало их финансы, которые могли быть направлены на производственные и социальные нужды общественного хозяйства¹.

Исполняя поручение ЦК КПСС (май 1965 г.) по реализации решений мартовского (1965 г.) пленума ЦК, Госплан РСФСР и профильные министерства и ведомства республики разработали рассчитанный на десятилетие двухэтапный план «Мероприятия по подъему сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР». Исходя из него, а также государственного плана, Бюро ЦК КПСС по РСФСР и СМ РСФСР утвердили на 1966–1970 гг. план закупок основных видов сельхозпродукции в Нечерноземье в следующих объемах (табл. 1).

¹ На реализацию данного постановления в РСФСР дополнительно было выделено 35 млн руб. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 385. Л. 29).

План закупок сельскохозяйственной продукции
в Нечерноземной зоне РСФСР в 1960-е гг. (тыс. т)

Продукция	Среднегодовые госзакупки			Объем закупок в 1970 г. в % к среднегодовому уровню 1961– 1965 гг.	Удельный вес Нечерноземья в общем объеме за- купок в РСФСР в 1970 г.
	1961– 1965 гг.	1966– 1970 гг.	1970 г.		
Зерно	2069	1726	1726	83	5
Льноволокно	193	237	258,2	134	94
Сахарная свекла	1598	2893	3205	201	11
Картофель	3324	4114	4190	126	60
Овощи	1226	1608	1718	140	32
Скот и птица	1187	1327	1460	123	24
Молоко	5928	7661	8628	146	35
Яйцо (млн шт.)	1416	2538	3270	231	36
Шерсть (т)	10786	9281	9975	92	5

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 195. Л. 15.

Как видно из данных, приведенных в таблице Нечерноземной зоне РСФСР, в соответствии с ее специализацией, были установлены значительные темпы наращивания закупок молока, яиц, картофеля, овощей, льноволокна и сахарной свеклы (фабричной).

Принятие столь значительных объемов государственных закупок, предопределило и соответствующий план наращивания производства основных видов сельскохозяйственной продукции в регионе (табл. 2).

Таблица 2

План производства основных видов сельхозпродукции в
Нечерноземной зоне РСФСР в 1960-е гг. (тыс. т)

Продукция	Среднегодовое производство		Объем производства в 1970 г. в %% к среднегодовому уровню 1961–1965 гг.	Удельный вес Нечерноземья в общем объеме производства в РСФСР в 1970 г.
	1961–1965 гг.	1966–1970 гг.		
Зерно	11155	14467	142	21
Льноволокно	220	275	135	94
Сахарная свекла	1572	3127	223	11
Картофель	23403	28997	133	53
Овощи	3562	3917	117	38
Мясо (в живом весе)	2280	2576	123	28
Молоко	13077	15753	132	36
Яйцо (млн шт.)	5199	6564	144	34
Шерсть (т)	18742	18157	104	9

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 195. Л. 16.

Объем производства основных видов продукции, должен был увеличиться за счет повышения производительности труда, урожайности, создания более мощной технической базы, качественных мелиоративных работ, увеличения объемов финансирования и т.д. Однако, как считали российские профильные ведомства, выделяемые государством финансы, а также материально-технические ресурсы, были явно недостаточны. В связи с чем СМ РСФСР запросил дополнительно поставить в республику 100 тыс. пахотных тракторов, 60 тыс. грузовых автомобилей, 10 тыс. экскаваторов и ряд другой техники. Кроме того, предлагалось увеличить на 6 млн т выделение на 1970 г. фондов на минеральные удобрения, а также произвести дополнительное финансирование в размере 4 млрд руб., что в 2 раза превышало запланированную ранее

сумму капитальных вложений. По расчетам российских ведомств, только в этом случае, среднегодовая урожайность зерновых достигнет 14–15 ц/га против 7,2 ц/га в предшествующее пятилетие. Увеличение валового производства зерна в Нечерноземье вырастет до 22–23 млн т, что на 6–7 млн т превысит плановые показатели¹. В итоге, в течение пятилетки сельскому хозяйству региона дополнительно выделили немногим более 1 млрд руб., а общая сумма государственных капиталовложений составил 4993 млн руб. вместо запрашиваемых почти 8 млрд руб.² Государство также не располагало возможностями дополнительно поставить большое количество техники и минеральных удобрений.

Следует отметить, что достижение запроектированных СМ РСФСР рекордных объемов производства и закупок зерна, являлись заведомо невыполнимой задачей. Только в 1985 г. или двадцать лет спустя, объемы госзакупок зерновых культур в Нечерноземной зоне республики составили 4,5 млн т при их валовом производстве в объеме около 20 млн т³. Что же касается резкого роста урожайности, то только в 1971–1974 гг. среднегодовая урожайность зерновых культур достигла 13,3 ц/га. Рост производительности труда на сельхозпредприятиях за период 1965–1973 гг. достиг 42–45 % при запланированных на восьмью пятилетку 40–45 %⁴.

Несмотря на увеличение финансирования, укрепление материально-технической базы, повышение оплаты труда колхозников и рабочих совхозов, во второй половине 1960-х гг. сельхозпредприятия испытывали серьезные трудности в реализации намеченных планов производства и продажи государству продукции.

Причиной этого были не только в регулярных стихийных бедствиях, которые проявились в трех из пяти лет второй половины 1960-х гг. Во-первых, основная часть сельхозтехники поступила в хозяйства региона, равно как и страны в целом, в последние два года пятилетки, что объяснялось ошибками союзных ведомств в планировании производства и распределения металла на

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 195. Л. 39.

² Там же. Оп. 63. Д. 249. Л. 28.

³ ГА РФ. Ф. 259. Оп. 46. Д. 2367. Л. 56, 57.

⁴ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7095. Л. 11.

предприятия сельхозмашиностроения. Их корректировка в первые два года восьмой пятилетки не в пользу сельского хозяйства, вызвала дефицит металла для изготовления сельхозтехники. Во-вторых, повсеместно существовала практика поставок в хозяйства техники, бывшей в употреблении в воинских частях. К примеру, в 1968 г. сельхозпредприятия Калининской области получили 50 % таких грузовых автомобилей, в 1969 г. – 30 %. У подобных машин был большой процент износа, разукomплектованности, им сразу требовался капитальный ремонт. Многие колхозы и совхозы отказывались покупать подобную технику, а другой не было¹.

Как констатировал Л.И. Брежнев на июльском (1970 г.) пленуме ЦК КПСС, во второй половине 1960-х гг. в колхозы и совхозы, в том числе Нечерноземья, не было поставлено на 1,7 млрд руб. сельскохозяйственных машин, более 80 тыс. зерноуборочных комбайнов, около 400 тыс. автомобилей грузовых, свыше 15 тыс. экскаваторов².

Выделяя значительные объемы капитальных вложений, выплачивая гарантированную оплату труда колхозников, введенную с мая 1966 г., многие, прежде всего, низкорентабельные колхозы Нечерноземья, равно как и РСФСР в целом, оказались в очень сложном финансовом положении. И только за счет кредитов Российской конторы Госбанка СССР они выплачивали 40–50 % гарантированных заработков³. Не спасали от убытков повышенные на отдельные виды сельхозпродукции закупочные цены. Равно как и освобождение убыточных колхозов от уплаты подоходного налога с прибыли. Удорожание сельскохозяйственной техники, топлива, запчастей, строительных материалов, услуг «Сельхозтехники», строительно-монтажных работ, обязательное страхование имущества колхозов с 1967 г., ликвидация последствий частых стихийных бедствий, опустошали кошельки колхозов.

Председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков на декабрьском (1969 г.) пленуме ЦК КПСС указал, что за последние 3–4 года стоимость одного ското-

¹ ГА РФ. Ф. А-616. Оп. 3. Д. 4180. Л. 45.

² РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 191. Л. 4.

³ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 46. Д. 2279. Л. 52.

места возросла почти в 2 раза, для свиней – в 2,7 раза, для овец и коз – более чем в 3 раза¹.

Существовал целый ряд других причин, не позволявших сельскохозяйственным предприятиям рентабельно вести производство большинства видов продукции. Во-первых, в своей массе они находились в неблагоприятных климатических условиях, на менее плодородных землях с мелко-контурными участками земли, преимущественно в лесных зонах; с разбросанными населенными пунктами, фермами, которые находились вдали от баз снабжения и заготовительных организаций при плохих дорогах. В итоге, из-за дополнительных расходов на транспортировку произведенной продукции, в среднем на один совхоз приходилось около 30 тыс. руб., а по отдельным хозяйствам – свыше 80 тыс. руб. убытка.

Во-вторых, сохранялся постоянно растущий дефицит рабочей силы вследствие постоянно растущей миграции населения. В-третьих, отсутствовало необходимое оснащение машинами и оборудованием, что при недостатке рабочей силы создавало повышенную нагрузку и приводило к невыполнению в срок основных работ в земледелии и животноводстве. В-четвертых, оставался низким уровень основных фондов, меньше требуемого для нормальной организации труда. По причине отсутствия собственной производственной базы, сельхозпредприятиями систематически не выполнялся план ввода в действие основных фондов.

В-пятых, многие убыточные колхозы и совхозы по причине нехватки финансовых и технических ресурсов, не принимали необходимых мер по улучшению плодородия земли: органических удобрений вносились по 1,4 т на 1 га пашни против 3,5 т в среднем по региону. В-шестых, в животноводстве преобладал низкий уровень механизации производственных процессов. В большинстве убыточных хозяйств раздача кормов, чистка помещений, подача воды на фермах полностью выполнялись вручную. Более 35 % коров в таких хозяйствах доилось вручную. Крупный рогатый скот преимущественно содержался в мел-

¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 185. Л. 24.

ких, ветхих, непригодных к эксплуатации помещениях. Низкий уровень механизации работ в земледелии приводил к затягиванию сроков полевых работ, уборки урожая. В-седьмых, большинство сельхозпредприятий региона сохраняли многоотраслевую структуру, производством картофеля, молока и мяса занимались почти все хозяйства.

В итоге, около 40 % убыточных сельхозпредприятий Нечерноземной зоны получали менее 10 ц/га картофеля, 60 % – менее 80 ц/га картофеля, 45 % – менее 100 ц/га овощей. Около четверти хозяйств имели урожайность зерновых культур до 9 ц/га, льноволокна – до 1 ц/га, годовой надой молока на одну корову – менее 2000 кг.¹

В условиях аграрных преобразований второй половины 1960-х гг., произошли определенные изменения в положении крестьянства. Во-первых, как мы уже отметили, была введена гарантированная оплата труда колхозников. Во-вторых, у большинства сельских тружеников увеличилась среднемесячная оплата труда. В колхозах и совхозах региона (кроме Московской и Ленинградской областей), заработная плата доярок, работников свиноферм была даже немного выше, чем в среднем по сельхозпредприятиям РСФСР (118 руб. против 113 руб. и 113 руб. против 99 руб. соответственно). В Московской области ежемесячная зарплата доярок составляла 138 руб., а работников свиноферм – 148 руб. Однако в целом, у квалифицированных сельских работников она была на 10 % ниже, чем в среднем РСФСР². Ниже средней по РСФСР была заработная плата не только у трактористов-машинистов, шоферов, рабочих на конно-ручных работах, но и специалистов руководителей колхозов и совхозов. Особенно в Костромской, Кировской и Калининской областях.

Сельское население, значительно хуже городского было обеспечено культурно-бытовыми учреждениями, коммунальными услугами. Свыше половины населенных пунктов плохо обеспечивалась коммунально-бытовыми и другими услугами. К примеру, на 1 тыс. городских жителей приходилось в клубах 181

¹ ГА РФ. Ф. А-616. Оп. 3. Д. 6284. Л. 274–278.

² Там же. Д. 8026. Л. 274–278.

место, а на селе – менее 130 мест. Дошкольных учреждений – 55 и 17 мест на 1 тыс. жителей соответственно. Из 142,5 тыс. сельских населенных пунктов региона столовые имели 8,2 %, коммунальные бани – 10,5, дошкольные учреждения – 6, клубы – 19 %. Причем, половина клубов подлежала сносу из-за ветхости. Многие хозяйства даже на центральных усадьбах не имели бань, детских учреждений и клубов. Не было начальных школ, товаров первой необходимости, нерегулярно доставлялись кинофильмы, пресса¹.

Значительную долю населения в сельских поселениях занимали пенсионеры, численность которых возросла после принятия партийно- государственного постановления «О пенсионном обеспечении» колхозников» в пакете постановлений ЦК КПСС и СМ СССР по итогам мартовского (1965 г.) пленума ЦК. Но у подавляющего числа крестьян пенсия была достаточно небольшой, что было одной из причин оттока сельских жителей из села.

В конце восьмой пятилетки в 13 из 29 субъектах Нечерноземья смертность превышала рождаемость, росли масштабы миграции сельского населения, преимущественно трудоспособного населения. Это также свидетельствовало о недостаточной эффективности аграрных преобразований.

Сохранение социально-экономических проблем, накопленных в послевоенные десятилетия, в конечном итоге, и предопределило принятие специальных партийно-государственных решений по развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР в 1970–1980-е гг.

© *Шевельков А.И., 2023*

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 249. Л. 35, 36.

Summary

M.B. Sverdlov

STATE POWER AND THE PEASANTRY IN RUSSIA OF THE XI–XII CENTURIES

The article examines the issue of the legal status of the rural population and its relations with the princely power in the XI–XII centuries.

Key words: *Russkaya Pravda, smerds, kholops, zakups.*

D.A. Lyapin

THE PEASANTRY AND THE MILITARY POPULATION OF THE BELGOROD LINE IN THE SECOND HALF OF THE 17TH CENTURY: SPECIFICS OF SOCIAL RELATIONS

The author considers the peculiarities of relations between the peasants and the landowners on the example of the historical region of the Belgorod line. It is concluded that these relations were not unambiguous and were built in the context of social relations that existed in the 17th century, which were basically built on the basis of universal service to the Moscow tsar.

Key words: *peasantry, landowner, Belgorod line, tsar.*

Yu.N. Smirnov

THE PEASANTRY AND THE MILITARY POPULATION IN THE STAVROPOL-SAMARA REGION DURING THE UPRISING OF 1773–1775

The article gives modern estimates of the social composition of the participants in the events of 1773–1775 in the Transvolga center of the Pugachev uprising, taking into account the regional and ethnic characteristics of the rural population. The important role of local governments (of peasants, Cossacks, etc.) in the areas occupied by the rebels, the presence and nature of political ideals in the driving forces of a powerful popular movement in the rebel territories are shown.

Key words: *Russia in 1773–1775; The Transvolga region; rural population; social and ethnic composition; rebel authorities.*

**THE QUESTION OF THE JUDICIARY IN THE ORDERS FOR THE STATE
PEASANTS' DEPUTIES OF THE VOLGA REGION
IN THE CODE COMMISSION OF CATHERINE II**

The article analyzes complaints about the judicial system and proposals for its reform, which are contained in the orders to peasant deputies elected from the territories and peoples of the Volga region to the Commission on the preparation of a new Code of 1767–1768.

Key words: *Russia in the 18th century; Middle Volga region; social history; ethnic history; history of state and law.*

M.I. Rodnov

**COMMERCIAL AND INDUSTRIAL ACTIVITIES
OF THE PEASANTRY IN UFA (1860S–1870S)**

The peasantry of the post-reform period was actively involved in entrepreneurial activity, moving to cities such as Ufa. Some of them changed their status to merchants and citizens. Peasant trade and crafts played an important role in the economic development of all regions of the Russian Empire.

Key words: *peasantry, economy, entrepreneurship, trade, craft, Ufa, post-reform period.*

V.N. Nikulin

**LOCAL AUTHORITIES, PEASANTS AND CONCILIATORS IN THE
NORTHWEST PROVINCES OF RUSSIA (1861 – 1914)**

The formation and activities of local government bodies responsible for administering the peasants in the first post-reform decade are examined. The establishment of the institution of conciliators is given special consideration. Conciliators' actual work is displayed, including the development of their tense relationships with peasants and landlords.

Key words: *northwest provinces of Russia, provincial and district administration, police, district police officer, peasants, landowners, conciliators.*

**“AND THEREFORE ... TO THE ABOVE ... HAVE THE HONOR TO
CONVEY ...” THE ROLE OF THE PEASANT VOLOST ADMINISTRATION
IN THE COLLECTION OF STATISTICAL INFORMATION (SECOND HALF
OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)**

The article deals with some aspects of the volost administration activities in collecting harvest statistics for the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. The procedure for organizing the collection of primary data in the field is analyzed.

Key words: *volost self-government; agricultural production; harvest statistics.*

G.A. Nikolaev

**ON THE EVOLUTION OF THE PEASANT COMMUNITIES
OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE SECOND HALF
OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES:
ETHNO-CONFESSIONAL ASPECT**

The article discusses the specifics of the evolution of peasant communities of the Middle Volga region in the second half of the XIX – early XX century. Special attention is paid to showing the disintegration of confessional and ethnically mixed settlements into autonomous rural societies, and to the attitude of authorities at different levels to this phenomenon.

Key words: *Middle Volga region; land community; ethnic mobilization.*

T.N. Sidorenko

**INTERACTION BETWEEN LOCAL ADMINISTRATION
AND COOPERATIVE ORGANIZATIONS IN THE KUBAN
AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY**

The article deals with the relationship between public authorities and cooperative organizations in the Kuban at the beginning of the last century. Emphasis is placed on different levels of interaction between the local administration and credit partnerships and consumer societies.

Key words: *government departments; credit cooperation; consumer societies; interaction; union cooperative building.*

M.D. Karpachev

THE PHENOMENON OF PEASANT CONSERVATISM AND AGRARIAN REFORMS IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The paper analyzes the evolution of conservative peasant consciousness in the post-reform decades. It shows that the aggravation of the problem of relative agrarian overpopulation was accompanied by the erosion of communal conservatism of peasants. As a result, social contradictions escalated, accompanied by the simultaneous stratification of the peasant worldview.

Key words: *village; post-reform era; agrarian overpopulation; reforms; community; stratification.*

M.V. Os'kin

THE COMMUNAL ORGANIZATION OF THE RUSSIAN PEASANTS DURING THE FIRST WORLD WAR: ON THE EVE OF 1917

During the World War I, the main problem of the Russian agrarian sphere was the shortage of workers, which had been growing since 1916. The confrontation with the owner's commodity economy contributed to the strengthening of the role of the peasant community, which had a special impact after the revolution.

Key words: *peasant community; prisoners of war; labor force; village mutual aid.*

T.A. Savinova

STATISTICAL COMPONENT OF THE AGRARIAN REFORM OF 1917

The paper discusses the role of the Census department of the Ministry of Agriculture of the Provisional Government, the Statistical and Economic Commission of the Main Landowning Committee, as well as local statistical agencies in the development of the agrarian reform of 1917. For the first time, several documents from the archive of the Main Land Committee and from the personal archive of the head of the Census Department P.I. Popov are being introduced into scientific circulation.

Key words: *agrarian reform; Main Land Committee; population census; P.I. Popov.*

E.V. Gatilov

AGRARIAN REFORM OF THE LIPETSK REGION IN 1917–1920 AND ITS REGIONAL FEATURES

The far from unambiguous agrarian reforms of the first third of the twentieth century raise the question of the causes and consequences of peasant resistance to seemingly urgent changes. The article draws attention to the implementation of the Bolshevik version of agrarian reforms at the level of Lipetsk uezd of the Tambov gubernia in the Chernozem region.

Key words: *agrarian reform, Lipetsk uezd, civil war, economic conservatism, survival strategies.*

V.A. Il'inykh

AGRARIAN POLICY OF SOVIET STATE IN THE LATE 1920S: COLLAPSE OF NEP

The implementation of the "new course" had a positive impact on agricultural production. However, in 1926 agrarian policy changed. Class approach began to be dominant. According to it social layer of rich peasants was placed under increasing political and economic pressure. In the late 1920s this pressure was intensified.

Key words: *agrarian policy, NEP, peasants, agriculture, taxation, regulation of the land tenure.*

A.V. Berlov

AGRICULTURAL DEVELOPMENT IN SOVIET RUSSIA IN THE WORKS OF AGRICULTURAL SCIENTISTS OF THE RUSSIAN EMIGRATION OF THE 1920S–1930S

The article analyzes the dynamics of scientific views of prominent economists of Russian emigration, their assessment of agricultural development of Russia after the establishment of Soviet power, the attitude of Bolsheviks to the socialization of lands and means of production in the agriculture of Soviet Russia.

Key words: *emigrants, agricultural production, private property, industrialization, the collectivization of agriculture.*

S.V. Sharapov

**IMBALANCES OF STATE AGRARIAN POLICY
ON THE EVE AND DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR IN NOVOSIBIRSK REGION**

The article examines the influence of the agrarian policy of the Soviet state on the state of agriculture of the Novosibirsk region in the pre-war and war years. The identified negative effects allowed us to conclude that there were crisis trends in the late 1930s, which were aggravated by wartime factors.

Key words: *agrarian policy of the state; agriculture; the Great Patriotic War; Siberia.*

G.V. Uvarov

**SOVIET INFLUENCE ON THE AGRARIAN POLICY
OF THE POLISH LEADERSHIP IN 1944–1949**

The article examines the forms and methods of influence of the Soviet leadership on the course of agrarian transformations in Poland during this period in the conditions of the formation of a totalitarian regime in the country.

Key words: *agrarian reform; production cooperatives; collective farms; peasantry, agrarian policy.*

P.P. Polkh

**FORMATION OF THE AGRICULTURAL MANAGEMENT
INFRASTRUCTURE OF THE KALININGRAD REGION IN THE INITIAL
PERIOD OF ITS SETTLEMENT (1945–1955)**

The article examines the process of creation and the beginning of the activities of organizations that managed agriculture (including production, organizational and control components) of the Kaliningrad region, formed and settled in the first post-war years. The conclusion is substantiated that the activity of creating a management infrastructure, although it did not always correspond to a single plan and common logic, however, in the end, ensured the formation of a system corresponding to the common patterns for the USSR.

Key words: *post-war history of the USSR; Kaliningrad region; collective farms and state farms; agricultural management at the regional level; public administration in the 1945–1950s.*

**THE POLICY OF "EXPANSION" OF COLLECTIVE
FARM SELF-GOVERNMENT IN
THE MID-1950S AND THE FIRST HALF OF THE 1960 S**

The author analyzes the implementation of the Supreme Soviet's resolutions of 1953-1956 aimed at the development of economic self-management in collective farms. The objective and subjective reasons for the failure to implement these decisions are considered.

Key words: *Collective farms; self-government of collective farms; Soviet peasantry; agrarian policy of the state; agrarian destalinization.*

V.N. Tomilin

**THE AGRARIAN REFORM OF 1958 IN THE USSR:
PRICE AND CONSEQUENCES**

The article examines the impact of the agrarian reform of 1958 on the activities of collective farms and its consequences for the agricultural production of the country.

Key words: *agrarian policy of the Soviet state; agriculture; collective farms; machine and tractor stations; repair and technical stations.*

A.I. Shevelkov

**AGRARIAN TRANSFORMATIONS IN THE NON-CHERNOZEM ZONE
OF RSFSR IN THE SECOND HALF OF THE 1960S: PLANS AND RESULTS**

The activity of agricultural enterprises of the Non-Chernozem zone of the RSFSR, as well as the socio-economic situation of the peasantry in the conditions of agrarian reforms in the second half of the 1960s, is considered. The reasons for the low efficiency of the economy of collective farms and state farms are revealed.

Key words: *agriculture; agricultural enterprises; agricultural production; collective farms; state farms; peasantry; Non-Chernozem zone of the RSFSR.*

Научное издание

**Ежегодник
по аграрной истории
Восточной Европы 2021 год**

**Крестьяне, государство
и аграрные преобразования в России**

Подписано в печать 07.04. 2023 г.

Формат 60×84 1/8.

Гарнитура Times New Roman.

Бумага для копировальной техники.

10,53 усл-п. л. Тираж 100 экз.

Заказ № 1955.

Отпечатано в отделе редакционно-печатной деятельности
ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42